

**Научный журнал
«СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»**
№ 3 (15) 2007

Учредители

ФГОУ ВПО «Уральская академия
государственной службы» и
НП «Институт развития города»

Издатель

Челябинский институт (филиал)
ФГОУ ВПО «Уральская академия
государственной службы»

Редакционный совет

О.В. Артемова
Ю.Г. Ершов
С.С. Загребин
Ю.В. Зацепилин
С.Г. Зырянов
В.А. Лоскутов
С.В. Нечаева
Р.А. Сабитов
А.С. Чупров

Главный редактор

доктор философских наук,
профессор А.С. Чупров

Редакция

С.Г. Зырянов (зам. главного редак-
тора, зав. отделом социологии
и политологии), С.С. Загребин (зав.
отделом культуры),
В.Н. Новоселов (зав. отделом
истории), А.В. Павлов (ответствен-
ный за международные контакты),
Т.Ю. Савченко (зав. отделом эконо-
мики и менеджмента),
А.А. Сафиуллина (ответственный
секретарь), А.Л. Фартыгин
(зав. отделом государства и права)

Адрес редакции

454077, г. Челябинск,
ул. Комарова, 26, к. 308,
тел.: (351) 771-42-30
E-mail: asch@urags-chel.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-16702 от 15.10.2003 г.
Выдано Министерством РФ
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций

**Издание подготовлено
к печати**

ГК «УралМедИнфо»
454000, г. Челябинск,
ул. Цвиллинга, 34,
тел./факс: (351) 263-87-27

Ответственный за выпуск

А.П. Павлов
Менеджер выпуска
Ю.М. Романенко

Дизайн, верстка

Д.Е. Сенацкий

Корректур

М.В. Вербина

Переводчик

Е.В. Райт

Отпечатано в типографии

ООО «Люкс-Полиграфия»
455049, Челябинская обл.,
г. Магнитогорск, ул. Завенягина, д. 7
Подписано в печать 05.09.2007 г.
Тираж 1000 экз.

**Редакция журнала не несет
ответственности за позицию
и точку зрения авторов.**

При перепечатке
ссылка на журнал обязательна

Цена свободная

СОЦИУМ

15 лет Челябинскому институту (филиалу)
Уральской академии государственной службы 4

А. Г. Иванов

Реальный субъект российского образования 6

Ф. Н. Ключев

Качество непрерывного профессионального
образования руководителей как фактор
инновационного развития учреждения образования 16

Е. А. Рыльская

Воспитание жизнеспособной личности
в маргинальном социуме: практика или теория? 19

С. И. Охремчук

Проблемы формирования курсантских
коллективов в высших военных учебных заведениях 25

ВЛАСТЬ

С. Г. Зырянов

Новации в законодательстве о выборах
и перспективы использования
пропорциональной системы (региональный аспект) 29

А. В. Квакин

Российская культурно-миграционная система
и Российское государство 37

Д. В. Кузнецов

Общественное мнение России как фактор ее
внешней политики: возможности и пределы влияния
(на примере сравнения с США) 41

С. В. Соловьева

Власть совести: потрясение и побег 46

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

А. В. Уфимцев

Факторы легитимации политической власти.
Политико-процессуальный анализ 53

В. А. Воропанов, А. Н. Сабанцев

Судебная власть в региональной политике
Российской монархии в XV–XVIII вв.
(на сравнительно-сопоставительном примере
Олонецкой и Оренбургской губерний) 61

СОДЕРЖАНИЕ

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ

Научный журнал «СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, социологии, политологии, права, экономики, менеджмента и предпринимательства, философии управления, работников государственных структур, а также преподавателей, аспирантов и студентов, занимающихся данными проблемами.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала и касаться различных (политического, социального, экономического, правового и др.) аспектов взаимоотношения социума, муниципальной и государственной власти.

Требования к оформлению статей и сообщений:

1. Текст должен быть написан на русском языке. Объем – до 1 авторского листа (40 тыс. знаков).
2. Рисунки, формулы должны быть выполнены в специальных редакторах, встроены как объект. Текст статьи должен быть представлен на листах бумаги формата А4 210×297 мм, на дискете 3,5 дюйма или по e-mail. Файл должен читаться в формате Word 98/2000. Шрифт – Times New Roman Cyr, №14. Междустрочный интервал одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст должен быть отформатирован по ширине, без переносов.
3. Аннотация к статье на русском и английском языках (500 знаков).

Порядок размещения материала:

- Имя, отчество, фамилия, ученая степень, звание, место работы и должность автора располагается вверху справа на листе строчными буквами, с указанием города.
- Название статьи или сообщения пишется прописными буквами, выровненными по центру листа.
- Текст статьи или сообщения оформляется строчными буквами с абзачным отступом 1,25 см. Ссылки на литературу идут по тексту в квадратных скобках, сквозная нумерация, список литературы в конце текста.
- Анкета автора (соавторов) и контактный телефон (электронный адрес) оформляются произвольно на отдельном листе.

Рукописи рецензируются

Ваши материалы направляйте в редакцию по адресу:
454071, Челябинск, а/я 6511
Телефон редакции:
(351) 771-42-30
E-mail: asch@urags-chel.ru

**Журнал распространяется по подписке в отделениях почтовой связи.
Подписной индекс по Российской Федерации
46536**

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

А. Б. Докторович

Системное исследование социального потенциала.
Часть 1. Анализ структуры 72

КУЛЬТУРА

А. Н. Бурмейстер

Просвещение и духовность: у истоков русского самопознания 84

В. Байкель

«Ницше и Дионис» Вячеслава Иванова:
К проблеме «неославянофильской» рецепции западной культурной традиции 96

Л. И. Шишкина

Культура как национальный проект 100

ИСТОРИЯ

В. Н. Новоселов

Урал в атомном проекте СССР 106

О. Ю. Жарков

Один из создателей отечественной радиоэкологии – Ильин Дмитрий Ильич (1900–1958) 114

С. В. Краснослободцева

Создание промышленности по производству гироскопов на Южном Урале 118

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Хроника научной жизни 120

SOCIUM

The 15th anniversary of Chelyabinsk institute (branch)
of Ural Academy of Administration 4

A.G. Ivanov

The real subject of Russian education 6

F.N. Klyuev

The quality of continuous professional education of top managers
as a factor of innovation development of educational institution 16

E.A. Rylskaya

The viability upbringing in marginal socium: theory or practice? 19

S.I. Ohremchuk

The military school student teambuilding problems 25

POWER**S.G. Zyryanov**

The novation in elections law and the prospective
of proportional system utilization (regional aspect) 29

A.V. Kvakın

The Russian cultural-migrational system and Russian state 37

D.V. Kuznetsov

Russian public opinion as a factor of its foreign policy:
the opportunities and the influence extent (comparing to the United States) 41

S.V. Soloveva

The power of conscience: the shock and escape 46

STATE AND LAW**A.V. Ufimtsev**

The factors of political power legitimating. Political-process analysis 53

V.A. Voropanov, A.N. Sabantsev

The judicial power in regional policy of Russian monarchy in 15–18th centuries
(comparison and correlation example of Olonec and Orenburg provinces) 61

ECONOMIC POLICY**A.B. Doktorovich**

The systemic research of social potential. Part 1. Structural analysis 72

CULTURE**A.N. Burmeister**

The education and spirituality: the origins of Russian self-actualization 84

V. Baikel

“Nietzsche and Dionis” by Vyacheslav Ivanov: to the problem
of “neoslavyanofilic” reception of western cultural tradition 96

L.I. Shishkina

The culture as a national project 100

HISTORY**V.N. Novoselov**

The Ural in nuclear program of the USSR 106

O.Y. Zharkov

One of the creators of Russian radioecology – Dmitry Ilyich Ilyin (1900–1958) 114

S.V. Krasnoslobotseva

The development of hiroscopic industry in South Ural 118

SCIENCE

Science journal 120

15 ЛЕТ ЧЕЛЯБИНСКОМУ ИНСТИТУТУ (ФИЛИАЛУ) УРАЛЬСКОЙ АКАДЕМИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

В 2007 году Челябинский институт УрАГС отмечает пятнадцать лет своей деятельности. Редакция журнала «Социум и власть» обратилась с просьбой рассказать об институте, его достижениях и перспективах к директору ЧИ УрАГС **Сергею Григорьевичу Зырянову**.

Уральская академия государственной службы — заметное имя среди вузов города Челябинска. В юбилейный для института год хотелось бы поговорить об истории и современности вашего учебного заведения.

Свою историю Челябинский институт (филиал) Уральской академии государственной службы ведет с 26 октября 1992 года — в этот день было официально зарегистрировано новое учебное заведение — Челябинский филиал Уральского кадрового центра. Наш институт входит в систему Российской академии государственной службы при Президенте России. По своей сути — это государственная система подготовки кадров для управления государственными и муниципальными органами власти. Раньше эта подготовка велась по всей стране на базе региональных высших партийных школ. В начале 90-х годов они были реорганизованы в Академии государственной службы. На Урале такой академией стала Свердловская ВПШ. С 2003 года наше образовательное учреждение стало носить название Челябинский институт Уральской академии государственной службы. Так что, с одной стороны, мы молодой вуз, а с другой — у нас уже более чем полувековые традиции.

Сейчас Президентская система Академии госслужбы — **это 11 высших учебных центров во всех федеральных округах и 54 филиала**. Это хорошо оснащенная, разветвленная сеть вузов, которая по единым стандартам, в едином информационном поле решает первостепенную задачу подготовки государственных и муниципальных служащих и специалистов рыночной экономики. Мы продолжаем готовить кадры руководителей для управленческих структур власти и для бизнеса, но теперь уже в новых, рыночных условиях.

Каковы достижения Челябинского института УрАГС, что удалось сделать за 15 лет?

Безусловно, за это время проделана большая работа, я бы назвал несколько наших

серьезных достижений. В первую очередь — это создание **работоспособного и эффективного действующего коллектива** сотрудников и преподавателей. Когда мы начинали, было всего три сотрудника, а сейчас в нашем коллективе более двухсот работающих. Если в 1992 году подготовка велась по двум аккредитованным специальностям, то в настоящее время у нас их шесть. Наш вуз — это не только высшее образование, но эффективно работающая и полномасштабная система повышения квалификации для специалистов государственных, муниципальных и бизнес-структур. ЧИ УрАГС сумел занять достойное место среди трех десятков вузов Челябинска. По оценкам маркетологов, примерно 12% образовательных услуг в системе бизнес-образования в Челябинске выполняется именно нашим институтом.

Следующий важный момент — **высокий уровень и качество преподавания**. Мы обращаем особое внимание на подготовку преподавательского состава, вкладываем большие средства в повышение квалификации — участвуем в целом ряде всероссийских программ. Наши преподаватели в 90-е годы проходили подготовку в рамках международного Морозовского проекта. В настоящее время по линии Российской академии госслужбы и Академии народного хозяйства 12–15 человек ежегодно осваивают в Москве самые новые, самые передовые программы и методики обучения. 70% преподавателей института имеют ученую степень доктора или кандидата наук.

Кроме того, мы формируем в нашем учебном заведении **дух корпоративности**. «Окончил академию госслужбы» — это словосочетание, как пароль, объединяет всех наших выпускников. Выступая перед студентами, я говорю, что им предстоит пройти обучение в двух академиях. В первой подготовка обеспечивается образовательными программами, а во второй они должны учиться общаться друг с другом, понимать интересы друг друга, устанавливать на длительное время хорошие человеческие отношения, это академия жизни и человеческих отношений.

Кроме того, в наш вуз многие поступают по рекомендации тех, кто закончил его ранее. В юбилей-

ный для института год мы решили возродить важную традицию российского делового мира — рекомендательное письмо, которое во все века было лучшим гарантом надежности. Мы разослали всем выпускникам нашего вуза бланки рекомендательного письма и обратились с просьбой порекомендовать для обучения в Академии друзей, знакомых, коллег, подчиненных. Эта инициатива уже дала свои результаты: в приемной комиссии появились абитуриенты с рекомендациями наших выпускников.

Чем особенно дорожите?

Институт за полтора десятка лет заслужил хорошую репутацию. Репутацию вуза серьезного и требовательного. Это очень важный момент. Получить диплом у нас нелегко — требования к уровню знаний студентов высокие. Но учиться интересно, и обучение построено на самых современных методиках и технологиях.

Наше учебное заведение отличается тем, что около половины всей учебной нагрузки — это программы повышения квалификации государственных и муниципальных служащих, специалистов рыночной экономики. Программы дополнительного образования — как локомотив, который тянет за собой весь учебный процесс. За парты садятся опытные чиновники, занимающие весьма высокие должности, бизнесмены, руководители, топ-менеджеры, отсюда и соответствующие требования к качеству и уровню обучения.

Довольно большим спросом пользуется еще одно направление нашей деятельности — получение второго высшего образования. В большинстве своем наши студенты люди достаточно взрослые, которые определились со своей трудовой деятельностью. Они понимают, с какой целью они идут учиться, и выбирают наш вуз. Ежегодно к нам поступает порядка 700 человек.

Чем ваш вуз отличается от других?

У нас необычный набор студентов. Примерно 30–35 % — представители органов власти, около 40 % — малого и среднего бизнеса, остальные — это представители разных социальных групп, объединенные стремлением сделать успешную карьеру. Такое сочетание внутри учебных групп привлекательно всем. Представителям власти тем, что они знакомятся с современным бизнесом и гражданским обществом. Представителям бизнеса — тем, что это позволяет установить хорошие, человеческие отношения с чиновниками. А для стремящихся к карьере — тем, что, обучаясь у нас, они получают возможность трудоустройства либо в бизнесе, либо в органах власти.

Все это благодаря разнообразной по социальному составу внутренней среде общения.

Еще одна особенность нашего вуза — его мобильность. Мы способны быстро приспосабливаться к текущим, подчас неожиданным изменениям, быстрее внедрять в подготовку студентов все самое новое, передовое. В бизнесе есть правило — выигрывает не тот, кто умнее других, а тот, кто на день раньше других начинает что-то делать. Этому правилу мы и следуем.

Каковы перспективы вуза и ваших студентов?

И общество, и государство находятся в длительной полосе, связанной с реформой государственной и муниципальной службы. Эта реформа продлится еще 7–10 лет. Наш вуз будет способствовать ее проведению всеми ресурсами, которые у нас есть, осуществляя образовательные, научные, консультационные проекты. Причем эти задачи мы решаем вместе с нашими выпускниками. Они знают нас, доверяют нашему опыту, следовательно, и решение проблем мы находим быстрее. Помогают нам и прочные деловые связи с правительством Челябинской области, с городскими и сельскими муниципальными образованиями. У них — практический опыт, у нас — научный, интеллектуальный потенциал. Вместе получается достойный результат.

Что еще ждет студентов? Повышенные требования к языковой подготовке — наша страна вступает в ВТО. Процесс международного сотрудничества, экономической жизни интернационализируется очень быстро. Специалист высокого уровня, хороший менеджер обязан знать иностранный язык. Таковы реалии современного бизнеса.

Что можете сказать о выпускниках вуза?

За 15 лет нами подготовлено 4000 человек с высшим образованием и еще около 25 тысяч специалистов по программам переподготовки и повышения квалификации. Выпускниками очень гордимся. В кругу моего общения много чиновников, бизнесменов, которые у нас учились, с которыми сейчас возникают совместные проекты. Значительно больше, чем в других вузах, процент наших выпускников делает успешную карьеру. Ведь во многом мы для этого и работаем. Корпоративная среда, хорошие отношения преподавателей и студентов, самих студентов друг с другом. Получается корпоративный вуз, в хорошем смысле этого слова. Корпорация, которая двигает людей к власти и к успеху. Мы следуем нашему девизу:

ЧИ УРАГС — начало большой карьеры!

РЕАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

А. Г. ИВАНОВ

Дискуссия по поводу образовательной реформы, кажется, уже завершена. Становится ясно, что система движется к прагматизации образования, к его ориентации на обычную, трудовую, повседневную жизнь, к тому, чтобы в очередной раз сделать народное образование еще более народным. Даже к сообществу профессиональных философов было обращено требование «больше уделять внимание прагматизму, потребностям нового общества» [1]. Все это, в общем-то, понятно самим участникам образовательного процесса, но все еще остается с трудом постижимо, кто именно является субъектом образования нынешней поры, на кого ориентируется система? И *чьими*, собственно, потребностями являются эти «потребности нового общества»?

В нашей традиции всегда говорить о планируемом и желаемом результате некоего действия, не спрашивая о том, к чему это действие применяется, какие условия и предпосылки существуют для достижения поставленных целей. В нашем духе говорить об общественной пользе в целом, забывая или игнорируя тот факт, что общество, особая реальность, существует не далее, чем в сознании индивида, вне него оставаясь только людьми и их общением. Сторонники и противники реформы готовы писать много о ее пользе или вреде для государства, для общества, для самих себя, а также для своих друзей и врагов. Предполагается, что реформа неизбежно к чему-то приведет и что-то создаст, но для кого? Нужна ли реформа этому «кому-то»? Если да, то какая реформа нужна?

Эти вопросы естественным образом выводят к проблеме смысла образования. Попробую ее конкретизировать, а потом уже и выйти к интересующей меня проблематике: в чем смысл высшего образования вообще и нужен ли нам вообще университет как средоточие культуры этого высшего образования? Этими вопросами задается А. В. Павлов в статье «Университет и власть: смысл реформы», подчеркнувший, что только ответ на эти вопросы позволит прогнозировать — к чему движется реформа независимо от мнения ее творцов и апологетов.

Не вдаваясь в подробности, резюмирую.

Основной смысл реформы формулируется автором коротко и ясно: это попросту смерть университета как уникального для европейской культуры топоса созидания всеобщих смыслов, рефлексии над ними, коммуникации и рациональной дискуссии по поводу их значения. «Современная реформа, — отмечает А. В. Павлов, — не независимо от желаний ее авторов, реставрирует образование, готовящее рабочих и узких специалистов для решения народнохозяйственных задач» [2].

Так ведь это, может, и не плохо, ведь нам в первую очередь нужны специалисты, те, кто и зуб лечит, и двор выметает, а не словоблуды какие-нибудь? И вообще, образование должно нам гарантировать конкретное трудоустройство по востребованной специальности! Только не образование это вовсе, а просто обучение, в нужности которого, конечно, никто и сомневаться не думает. Проблема в том, что особенности обучения, выраженные в форме классической триады «знание-умение-навык», станут доминировать над образованием, в котором, в силу значительности субъективного, духовного фактора, преобладает дуализм цели и смысла. И из-за этой же пресловутой духовности успешность образования, в отличие от обучения, невозможно проверить путем простого замера наличного наглядного результата, так как итоги образовательной стратегии сказываются, во-первых, в отдаленной, но широкой, социальной перспективе, а во-вторых, в недоступной контролю глубине личностного начала.

Все это, вроде бы, вполне естественные и понятные вещи, как и констатация определенной зависимости между уровнем образования и культурой, так как культура сама есть динамическая система смыслов и целей, вкус к которым прививается и поддерживается в значительной мере на уровне университетского образования. Ведь вовсе не должно и не обязано университетское образование как таковое быть ориентированным *только* на исполнение всегда имеющегося запроса на бухгалтеров, юристов, учителей, слесарей, плотников и политехнологов, но, скорее, должно, как это ни банально, но часто забываемо, участвовать в созидании культу-

ры, или, если угодно, *заразить потребностью культуры*. И все, кажется, просто: если нет воспитанного университетом понимания необходимости культуры на субъективном, личном уровне, нет и самой культуры, нет того вектора развития духа, который в Европе подготовил почву для возникновения современной цивилизации.

С этими выкладками трудно спорить, и автор, честно подчеркнувший к тому же абстрактность анализа, столь же честно доводит его до логического завершения: если останется вместо образования специализированное обучение, то «не будет ни фундаментальной науки, ни новой политики, ни новой литературы, ни новых физических открытий. Не будет ни развитой демократии, ни современной рыночной экономики, а будет традиционный и привычный российский бизнес по-советски» [3]. Но пессимистичность вывода, усугубляющаяся вполне реалистичной оценкой перспективы взаимодействия государства и общества, — «нет сомнения в том, что какого бы взгляда ни придерживалось «гражданское общество», как бы ни сопротивлялось само высшее образование, а оно будет реформировано, и именно так, как это задумало Правительство» [4], — заставляет, скорее, задуматься, чем утвердиться во мнении об окончательности поставленного диагноза.

Настораживает уже упомянутая абстрактность исследования, напоминая, впрочем, театральную постановку в обрамлении декораций. Образовательный процесс словно срежиссирован, поставлен автором. Роли расписаны в виде алгоритмов однолинейного движения: «правительство реформирует», «Университет формирует культуру», «гражданское общество ничего не может сделать» и т.д. Субъективность, выступающая в качестве единственного субъекта (и объекта) образования, на этой сцене присутствует только в качестве безмолвно растиражированной массовки, иллюстрирующей действия главных персонажей. Понятно, что учесть поведение *действительных* субъектов, будь то студент, аспирант, профессор или чиновник от образования, невозможно в принципе, но они *субъекты* — свободные и самообусловленные актеры, обладающие потенциалом непрогнозируемого действия и еще более непредсказуемые в его актуализации. Но это требует дополнения формального анализа экзистенциальным, учитывающим возможность самобытия субъекта в заданных ситуацией условиях, хотя, конечно, и не позволя-

ющим избавиться от формальности выводов полностью. Формальное выделение базовых характеристик субъекта образования, варьирующихся в зависимости от их присутствия в реализации основных проектов, доступных субъекту, все же имеет смысл. Попытка такого исследования составит и основную тему статьи.

* * *

«Субъект образования» как предмет исследования данной работы является всего лишь одной из граней действительного субъекта, исследовать которого надо в его целостности, лишь затем производя оценку влияния целого на его частные аспекты. Действительный субъект любой эпохи — это индивид, знающий о том, *что он есть* и действующий на основании этого знания. Представление индивида о себе складывается из рефлексии и самоопределения в ситуации, в которой следует выделить следующие составляющие: 1) социальность (неотделимая от историчности), 2) культура как набор проекций, задающих действию смысл. Анализ социально-исторического основания ситуации позволит нам выявить совокупность условий и предпосылок, влияющих на становление субъекта и отвечающих за то, что он есть как *факт*. Исследование культуры должно выявить границы его целерациональной деятельности, обозначив некоторые телеологические моменты его бытия, прояснив его сущность как *проекта* самого себя. Таким образом, через характеристику двух указанных сторон ситуации мы сможем застичь действительного субъекта в процессе его оформления, выявив и обозначив границы, в которых он действует.

Социальное бытие предстает, в самом общем виде, если рассматривать его из горизонтов индивидуального его осмысления, как *бытие с другими людьми*, которое основано на более фундаментальном *бытии в мире*. Для исследования социальности поэтому необходимо учитывать не только отношение «Я — Другие», но и вскрыть самую общую структуру отношения к миру, которая фиксируется понятием *медиального*. Я выделяю четыре фундаментальных элемента медиальности, значимых для схватывания социального бытия в его смысловом аспекте для индивида.

1) *Отношение к миру как целому* подразумевает схватывание его сути в переживании. От того, в каком виде отношения, — *любовь, доверие, восторг, равнодушие, страх, ненависть*, — дается человеку целостная суть мира, его средоточие, зависит и то, как складыва-

ются и иные, дифференцированные типы отношений, характеризующие уже только социальный пласт бытия человека. 2) *Отношение к себе* оформляет человека как субъекта, как «Я» и дистанцирует его от мира и Других, давая субъекту как знание о том, что он *есть*, так и интуицию (пред-знание) о том, что он *есть* мир. 3) *Отношение к Другому и Другим*, основываясь в предыдущем типе отношения, выделяет способ данности Другого, наделяя его тем или иным смыслом, или отбрасывая в бессмысленность. 4) *Отношение к своей деятельности* характеризует интуитивное предпонимание смысла своей жизненной активности и способ ее актуализации в реальном социальном пространстве.

В своем анализе социальных предпосылок нашего искомого «субъекта образования» я буду ориентироваться на вскрытие особенностей этих четырех *отношений*, зафиксировав их предельно общее значение для исследуемого предмета.

* * *

Итак, кто он, реальный субъект образования начала XXI века в России? Во всяком случае, это не система образования, не министерство и не Правительство, они — только субъекты управления. Реальные субъекты образования — это школьники и студенты.

В 2006 году нашему субъекту примерно 18–19 лет. То есть родился он в период 1987–1990 гг. Советское государство он уже почти не помнит, а если и помнит — то очень смутно и отрывочно. Его не задела ни перестройка, ни развал СССР (тогда «субъекту» было от силы годика четыре). Он вступает в пору памяти и закрепления субъективного опыта в 1992–1993 гг. Его самосознание рождается через телевизор вместе с событиями осени 1993 г. под звуки рекламных маршей и расстрела Белого Дома. Вместо Хрюши и Степашки из «Спокойной ночи малыши» его укладывают спать Леня Голубков и футболисты со «Сникерсами». Возможно, первое, что он начинает узнавать о стране, в которой живет, укладывается в слова «Ельцин», «Хасбулатов» и «ваучер». Он уже понимает себя как россиянин, а не советский человек. Или, что еще вероятнее, как татарин, чеченец, башкир. Отрочество складывается под влиянием нешутливого обаяния «Бригады» и «Бумера».

Семья дает ему опыт выживания, забот о хлебе насущном, а также опыт повседневной и банальной усталости, разочарования. Ставшие в 90-е гг. нормой политические кризисы,

экономическая нестабильность, простой бандитизм, начинающийся там, где кончаются границы квартиры, приводят к тому, что мир вокруг тесного семейного очага внезапно возвращается в первобытность, неподконтрольную человеческому влиянию и изначально бесчеловечную. Его формирует страх и недоверие, демонстрируемые родителями по отношению к себе самим, своим соседям и своим собственным «народным избранникам». Он более осторожен в своих поступках, оценках, мыслях, чем его же ровесник из 80-х годов. И он же более реалистичен, он умеет, не устремляясь в заоблачные дали, «выбирать из двух зол меньшее», подобно тому, как его родители в 1996 г. голосовали за Ельцина, который «подлец, но лучше чем Зюганов».

Здесь же, в семье, преподносят ему и азы отношения к социальному неравенству, которое становится фактом его жизни. Ребенок учится усваивать, что есть вещи, *никогда* ему не доступные, но *всегда* доступные Другому, которому повезло с папой. И что важно: это не дефект системы, так — положено. Наш субъект учится воспринимать себя в своей социальной роли: «Я емь — бедный», или — наоборот.

Из опыта социального неравенства, страха и недоверия рождается *цинизм* — умение видеть мир как он есть, в его *таковости*, не прибегая к дополнительным украшениям в виде высших целей и смыслов. Возникновение цинизма обуславливается прежде всего потребностью в «нулевой точке отсчета», в картезианском нуле мировидения в условиях фрагментарной и неконтролируемой социальности, когда все в жизни, как видится нашему субъекту, начинает зависеть только от него самого. Это имеет не всегда негативные последствия. Так как мир «сам по себе», как показывает опыт, можно видеть по-разному, то разным оказывается и цинизм.

Двор как естественное место обитания ребенка и подростка есть вторжение в его систему координат той самой «первобытности», так пугающей из квартирника четырехстенка, но представляющей собой необходимую и важную, когда находишься внутри нее. В полном смысле влияние двора проявляется только в подростковом возрасте, когда ослабевает потребность в поддержке родителей и возрастает нужда в признании реальных других.

Двор — это *Я и Другие*, включенные в систему агональных взаимодействий. Здесь временно отключаются те полагания, что заданы семьей, или, если не отключаются, то бывают соревновательно преодолены. Во дворе, в

полном смысле, подросток становится тем, что он из себя делает; в нем не проходят никакие отговорки и не спасают никакие иные достоинства, кроме успеха в той игре, которая идет именно сейчас. Во дворе развиваются свобода и ответственность, здесь формируется личность в коммуникации, в диалоге, в согласии или конфликте с Другим. И здесь же личность теряется, находясь перед опасностью раствориться, полностью отождествиться с идущей игрой. Так возникают подростковые и молодежные сообщества, где зачастую отдельная личность является простой демонстрацией правил поведения в дворовом сообществе. Так называемые «гопники» в этом отношении оказываются не более, чем манифестацией своих собственных игровых принципов.

Таким образом, во дворе происходит формирование навыков *игры*, что может стать и стратегией жизни, реальным проектом. И от того, как наш субъект научился играть, зависит и его мировоззрение в той части, где субъект координирует свою личную культуру с культурой социальной.

В чем суть любой дворовой игры? Если предпринять ее исследование, то в сердцевине ее мы обнаружим ключевую для самоопределения личности *борьбу за престиж*. Победа или поражение в ней сформирует два гегелевских типа: господина и раба, чьи проекты становятся кардинально различными. Напомним: господин становится таковым в силу своей способности идти в схватке до конца и поставить на кон «все, что есть», раб — в результате отказа от продолжения борьбы и желания спасти «то, что есть». В силу различия достигнутых результатов вектор развития раба трансцендирует его наличную данность, заставляет заходить за горизонты нынешней ситуации, искать лучшее в мире или в себе, совершенствоваться, в то время как стремление господина направлено на сохранение текущего положения вещей, что исключает и дальнейшее развитие. Раб — весь проект, господин — весь факт. Многие «дворовые короли» подросткового возраста так и остаются, как будто бы, там, где достигли своего максимума. И вместе с тем, отметим, что гегелевское «будущее за рабом» не всегда действует так, как прописано в системе.

Прогнозировать, даже задним числом, влияние двора крайне трудно, отметим только то, что вместе с повышением социальных трудностей в 90-е годы возрос и «трудный» аспект дворовой жизни, нередко превращающейся из борьбы за престиж в реальную, а

не игровую борьбу за выживание. Молодежный бандитизм, наркомания, рэкет, насилие со скуки или выпивки, ставшие для советского человека 80-х ужасным откровением, в 90-е оказались банальной реальностью повседневной дворовой игры. Она начинает требовать несколько иных ставок и от честной наивной агональности «один на один» переходит к реалистично подлой «все на одного».

Победить в этой игре, ставшей чудовищной жизнью, сохранив при этом личность, не растворившись в массе, стало практически невозможно. Поэтому речь могла идти только о том, можно или нельзя достойно проиграть. Отношение к этому проигрышу становится значимым фактором личного самоопределения. Уход в себя, замыкание в семье и школе, дистанцирование от других, попытка выкроить в дворовой жизни свою собственную среду с приемлемой игрой и правилами, устроить сложные переговоры с перераспределением прав и полномочий — вот реальные варианты поведения. Впрочем, можно и принять коллективную маску усредненного дворового субъекта, «гопника», который в этих условиях всегда в выигрыше. Но это уже не личная победа, т. к. «гопник» суть просто персонификация незначительно варьирующихся игровых характеристик.

Школа как альтернативное место обитания также не менее важна. В 90-е — начале 2000 годов она выступает местом, где формируется навык личного мышления в заданных программой параметрах. Впрочем, отказавшись от «единственно правильного» мировоззрения, школа не нашла ничего другого, а в итоге избрала меньшее зло релятивизма. Естественно это не коснулось математических или технических дисциплин, где релятивизм проблематичен. В общественных же и гуманитарных классах потерявшие ориентир учителя истории и литературы теперь внушают детям, что раньше, мол, считали, что истина одна, а теперь вот есть «много разных мнений».

Трудно однозначно оценить современный школьный релятивизм. Отсутствие прокламируемой единственной истины в мировоззренческих вопросах способно как окончательно дезориентировать школьника, который в итоге пойдет искать правды у тех, «кто знает» и не сомневается, так и заставить его принять на себя ответственность за поиск, аргументировать и получать навыки рациональной дискуссии. Однако по контрасту с сохраняющейся точностью и строгостью физики, математики, химии и биологии релятивизм социально-

гуманитарного цикла для подростка смотрит-ся безоговорочным поражением. И как это ни грустно, но множество подростков выходит из школ, будучи уверенными в том, что в области истории, литературы, культурологии, — то есть тех дисциплин, какие касаются вопросов смысла, цели и ценности, — «есть много мнений», «у каждого мнение свое», «все они недоказуемы», «говорить об этом — время терять». И уж во всяком случае, мнение ученика не менее значимо, чем мнение учителя.

В школе в реальном общении сверстников продолжают идти из семьи и двора отношения. Так, дворовая борьба в школе или сглажена, став борьбой за оценки, или, если повезло со школой, учителями и одноклассниками, преобразована и возвышена до соревнования в личностном росте. Ощущение дистанции в школе усиливается за счет того, что именно она становится ареной демонстрации уровня доходов, но и отчасти за счет дифференциации всех учеников на «гимназистов», «лицейстов», «спортсменов», «художников» и, наконец, «общеобразованных» — длина списка и его содержание зависит от фантазии директора и щедрости спонсора. Здесь можно научиться утвердить себя на основе личного опыта и труда, но можно и увериться в изначальной несправедливости социального порядка.

* * *

Таким образом, мы видим особенности искомой медиальности. В *отношении к миру как целому* господствует страх; *отношение к себе* оформляет человека в виде нулевой точки мироздания, не украшенной никакими высшими смыслами — цинизм; а *отношение к Другому и другим* конституируется как недоверие, подозрительность, то есть в целом задается не близостью, но дистанцией Другого; *отношение к своей деятельности* в целом можно обозначить термином игра, помня при этом ее особенности — это борьба за престиж, борьба за то, чтобы быть чем-то или кем-то. Однако было бы поспешно характеризовать найденные отношения все сразу с помощью кратких формул. Ведь наш субъект суть существо сложное, он является средоточием множества своих желаний, чаяний и устремлений. Вспомним, что проекты задаются культурой и обратимся к прояснению культурного аспекта бытия нашего субъекта образования.

Указанная медиальность приобретает значимость только в отношении к тому предельно общему образу, в котором человек

стремится угадать свою сущность и по поводу которого выстраивает свое поведение. Возможность усмотреть этот образ, отвлекаясь от наличной ситуации, в которой человек связан с конкретными условиями своей жизнедеятельности, своей среды, своего окружения, задается культурой. Культура позволяет «мне» быть не только тем, что «Я» есть в своей наглядности, но и тем, в чем «Я» усматриваю некоторую ценность, то есть культура позволяет «мне» трансцендироваться. В данном аспекте, отнюдь не исчерпывающем ее сущности, культура выступает как совокупность образов, умопостигаемых и эмоционально переживаемых целевых конструктов и образов действия.

Однако в условиях, сложившихся в период ломки советской цивилизации, культурные проекции, в которые человек вкладывает свою жажду смысла, стали мозаичными. Лишенные определенного центра в самих себе, они выстроились по отношению к конкретному человеку, существующему «здесь и теперь». Культура тем самым предельно интериоризировалась, действуя уже не столько как спектр границ моей деятельности, сколько как еще не вычлененная во внешнее «внутренняя речь», как непроясненный зачастую даже для самого человека диалог с самим собой. Поэтому культура, в условиях краха цивилизации и внешней неоформленности смысловых границ, стала не соотносением с объективной структурой ценностей, но прояснением структуры своего «Я». Поэтому, говоря о культуре, я не буду говорить о ценностях, но буду говорить об аспектах субъективности, к которым устремляется сам человек, реализуя себя тем или иным способом.

Для предварительного охвата архитектуры субъективности я обращаюсь к классической схеме, идущей от Платона и представляющей человека как единство трех компонентов: тела, души и духа. Распределенные в сознании реального субъекта, они способны сосуществовать вместе, так и выходить попеременно на первый план, или одна из них способна стать исключительной. Это выделение, конечно, кроме ссылки на традицию, произвольно, так как всегда можно найти и другую традицию, поэтому прошу воспринимать дальнейшее каквольное развитие этой схемы. Я рискну предпринять некоторое моделирование, предположив, что каждый из этих трех компонентов становится структурообразующим для формирования того или иного типа субъективности, выступая для этого типа проектом его бытия. Для каждого

из данных проектов характеристики базовых отношений изменяются. Цинизм «телесного субъекта» отличается от цинизма «душевного» и «духовного», у них разное понимание игры, различается и чувство страха и дистанции.

«Телесный субъект» знает себя носителем и выразителем своих материальных потребностей, точкой самобытности, фиксированной в теле. Он индивидуалист и неизбежно эгоцентрик, но своеобразного толка. Воспринимая свою телесность как данность, он видит именно в ней свое сходство с другими и свою *человечность*. Все остальное — только его, или, что то же самое — ничье. Поэтому эгоцентризм нашего субъекта исключает возможность диалога и подтверждения своего статуса со стороны Другого, если диалог проходит на уровне духа. Безусловно только взаимодействие на уровне тел.

По этой причине он сам не склонен подчиняться образованию в классическом смысле, которое всегда ориентировано на изменение личности и которое не может устроить того, для которого «личность» есть место выше шеи, куда «я ем». Возвращение к классическому университету не нужно ему потому, что он не чувствует безусловность духа как собственное отличие, дух для него пустое слово. Поэтому образовательные программы, телеологически определенные «телесным субъектом» безотносительно к тому, знают их создатели о своей реальной «аудитории» или нет, вознесут на пьедестал профессионализм и компетентность в частных вопросах при признании полной произвольности и недоказуемости вопросов общего и мировоззренческого порядка (и это нашему герою как раз на руку). Так можно строить нормальное общество роботов, потребности которого укладываются в несложные потребительские схемы.

Есть здесь, однако, и малозаметный нюанс. Человек реальный *всегда* есть нечто большее, чем тело, и он не может жить без цели и смысла. Но поскольку эти факторы жизни для «телесного субъекта» находятся вне пространства рационального целеполагания и коммуникации, то смысложизненные вопросы отдаются на откуп институтам внерациональным. Будучи закрытым для духовного воздействия, нормализованный субъект оказывается совершенно беззащитен для влияния телесной — полусознательной или бессознательной — стороны своего бытия. Ни в грош не ставя рациональное убеждение, он свяжет вектор своего смыслостроительства с

традицией, авторитетом, харизмой, инстинктом, волей и прочими феноменами. Его будет формировать страх и уважение к силе, влечение к наслаждению и отторжение неприятностей, то есть все, что безусловно и достоверно на уровне исключительной телесности.

Смысл и значение феноменов социальной жизни (государство, общественные институты, церковь, политические партии) также будут увязываться нашим субъектом с системой телеснофундированных феноменов. Так, он вряд ли будет способен прийти к православию на основе понимания смысла этого мировоззрения, но легко придет туда, если примет внутрь своей души ту силу и влияние, что имеет в обществе данная конфессия, и если испытает в себе страх перед грядущим наказанием. Он не пойдет голосовать за партию, рационально аргументирующую свою позицию, но с удовольствием отдаст голос за тех, которые, вообще не аргументируя, уже обладают заметной харизмой и авторитетом. При этом не важно, что это будет за политический субъект, на каком фланге политического спектра он находится, ибо влекущая нормализованного субъекта сила способна исходить как от партии власти, не имеющей никакой внятной программы, так и от маргиналов, имеющих программу деструктивную и заранее неисполнимую.

В итоге, «телесный субъект», способный, по видимости, к востребованному жизнью прагматизму, сам же оказывается миной замедленного действия для подлинно прагматического отношения к жизни. Из-за своей склонности к «телесному буйству» он становится по-настоящему опасным даже для той системы, которая привычно ориентируется только на материальное потребление. Способом обуздать данного субъекта станет внедрение традиции, способной его напугать.

«Душевный субъект» отличается от «телесного» глубоким и рефлексивным отношением к себе, своему месту в мире и способен задаваться действительно серьезными вопросами. Душа впитывает мир в его целокупности, глубоко сживается и переживает, интегрируя множество пережитого в единую тональность мироотношения, остающуюся, зачастую, непонятой, ясной и недостижимой для самого человека в его повседневном существовании. Но в нашей ситуации душа задается феноменами негативными (одиночество, тоска, страх, неуверенность), и принятие мира вырождается в такое его отторжение, при котором отрицаемое неизменно присутствует. Рефлексив-

Таблица 1

Страх	Дистанция	Цинизм	Игра
Все, чего он боится — это сила и власть. Но это как раз то, что непреодолимо влечет его к себе, «собака лижет руку, ее ударившую».	Она определена механическим взаиморасположением тел. Другой начинается там, где до него можно дотронуться. Поэтому и «диалог» с Другим возможен только в телесной сфере: секс и мордобитие.	Суть человеческая редуцируется исключительно к биологической жизнедеятельности.	Ее суть также телесна: пьянство, наркомания, секс, административный восторг, опьянение властью над другим, проявляющиеся в социальных ролях, должностях, в демонстрации статусных знаков.

ное кружение в созданном эмоциональным полем отношения к миру создает ощущение своей *инаковости, особости*, прежде всего, перед лицом окружения, но потом и мира вообще.

Жизненный путь в этом проекте связан с принципиальной оппозицией окружающему миру. Есть «Я» и есть «ОНО», не во фрейдистском толковании, но, скорее, в хайдеггеровском, когда «ОНО» смыкается с *das Man*, образовав перед «душевым субъектом» скользкую стену обыденности и бессмыслицы, бороться с которой бесполезно, а не замечать невозможно. Смысл этого обособления, однако, остается открытым, ведь он может выразиться в преобразование душевного в духовное, в признание и принятие свободы, но может и выбросить человека в плоскость «ОНО», в мнимую достоверность обезличенности. И в этом-то, в общем, суть душевного субъекта, он есть возможность своего бытия и своего ничто. Он находится перед выбором.

Выбор, тем не менее, может заключаться и в своеобразном «зависании» между возможностями, когда каждая из них, противопоставляясь и отталкиваясь от другой, тем самым утверждает другую, не становясь и не уничтожаясь. Эта возможность, ничуть не менее редкая, чем возможность осуществленного выбора, связана с самообманом. Согласно ставшему уже классикой анализу этого способа бытия Ж.-П. Сартром в «Бытии и Ничто», самообман есть «определенный способ образовывать противоречивые понятия, то есть способ, который объединяет в них идею и отрицание этой идеи. Основное понятие, которое таким образом порождается, использует двоякое свойство человеческого бытия — быть и фактичностью, и трансцендентностью. <...> Самообман не хочет ни координировать их, ни преодолеть их в синтезе. Для него речь идет о том, чтобы утверждать их тождество, полностью сохраняя их различие. Это значит утверждать фактичность как являющуюся

трансцендентностью и трансцендентность как являющуюся фактичностью таким образом, чтобы можно было бы в тот момент, в который постигают одно, находиться напротив другого» [5].

«Я» и «ОНО» путем самообмана обуславливают друг друга, вступая в противоречивое единение. Душевный субъект в самообмане выступает как продукт действия «ОНО» и знает это, не желает такого сознания. Поэтому, пытаясь оградиться от давления «внешнего мира», человек конструирует парадоксальный механизм личностной защиты, суть которого в том, чтобы, используя «ОНО» и вырастая из него, конституировать себя как находящегося в отстранении, в зазоре. Мир бьет, а «Я» выстраиваю себя как находящегося вне мира — в своей личности как в своей крепости. Может быть, это и необходимо, но мнимая «внемирность» довольно скоро начинает требовать себе жертву и превращает в нее нашего субъекта.

Суть бытия жертвы в том, чтобы балансировать на грани «Я» и «ОНО», углубляя как бессмысленность мира, так и «крепость личности». «Я» в этой ситуации слишком зависимо и выступает просто продолжением того мира, против которого выстраивается, но, замечая эту зависимость, все более настаивает на себе. Абсурд мироздания обосновывается и утверждается как гарант «Я».

Жертва культивирует в себе скептицизм и надеется нарастить мускулы цинического отношения, характерного для телесного субъекта. Она изоцряется в схемах миробъяснения и человекознания, перемешивая социологию с психологией, чьи выводы еще более убеждают в неподлинности и бессмысленности существования мира. Для жертвы в ее философствовании пригоднее всего примитивно понятый фрейдизм, позволяющий отнести к низменному все, что делает Другой, или столь же примитивный материализм, объясняющий все процессы в социуме био-

логическими или вульгарно-экономическими схемами. Но пригоден и Ницше с его пафосом обличения всех и вся, и Камю с его абсурдом. Отношение к другим у жертвы суть смесь страха, презрения и удивления, выраженные в противопоставлении: «обычные люди» (я не обычный!), «остальные» (я есть я!!), «быдло» (я!!!).

Жертва, способная оттолкнуться от сис-

а чужое, не свое, лишнее — да сколько угодно.

Из самообмана выйти трудно, но все же возможно. Если сравнить самообман со сном, то так же как проснуться от чудовищного сновидения мы сможем, только если признаем, что сон не есть иллюзия, что в нем есть истина — истина того, что я сплю, а не бодрствую, так и выйти из самообмана можно только

Таблица 2

Страх	Дистанция	Цинизм	Игра
Принимает форму сартровской «тошноты», отталкивания от наличного, куда включены и все другие. Он сопряжен со страхом «потерять себя» и с маниакальной защитой своей «личности», «индивидуальности».	Определяется страхом. «Я есть Я», а «Другие» — быдло. Легко принимает за данность бессмысленность бытия Другого, отождествленного с объектом наблюдения, из чего возникает иллюзия понимания этого другого.	Выражен в готовности постоянно признавать и подчеркивать бессмысленность сущего. Принимает форму какой-то особой мудрости и часто выдается за реализм. Но порой выходит и за пределы игры в подлинное отчаяние, в «очевидность безысходности» (В. В. Библихин).	Конституирование своего образа по типу «лишнего человека», наделенного особыми достоинствами. В подтверждение собственной искренности требуется доказательство дурности окружающего мира.

темы, сохраняет свой субъективный дух, но он оказывается бесплодным, замкнувшись в душевном кружении и воспроизводя один из хрестоматийных путей русской интеллигенции: рождением личного самосознания — осознание своей инаковости — замыкание в себе и медленное, растянутое на десятилетия, самопереваривание, прерываемое насильственными вторжениями «ОНО» [6]. В итоге, глубокая рефлексивная культура душевного субъекта, рожденного, к сожалению, всегда не там и не тогда, замыкается на саморефлексию. Вполне возможно, что это вновь будет саморефлексия относительно своей неподобающей роли в неподобающем российском универсуме, что и составляет, в сущности, особую игру жертвы. Хорошо писал об этой игре В. В. Библихин: «Интеллигенты любят заниматься сеансами бессмысленного говорения, большей частью о судьбах России. По обобщению и нигилистическому сгруживанию многих вещей в кучи эти речи аналог матерщины, столь же глобально и бессмысленного занятия толпы. Зашифрованное похеривание всего, в отличие от откровенного» [7, с. 453]. Играя в «похеривание всего», жертва встает на путь рискованный, но для нашей страны чуть ли не почитаемый: путь вечного изгоя, лишнего человека. Здесь можно найти бесчисленные вариации подобного проекта, ведь трудно найти *свое* место,

приняв самообман за истину, за то состояние, в котором я истинно обнаруживаю себя.

Последний проект, как уже можно догадаться, следует искать в *духовности*. Если дух есть, по известной мысли М. Шелера, «открытость миру» и сущность человека, что неизбежно предполагает свободу и ответственность, то *духовность* можно понять как личное, глубокое, свободное и ответственное отношение к своей сущности — духу. Или проще — *духовность* есть жизнь в духе. Принятие духа как своего долга и саморазвитие в нем.

«Открытость миру» становится в духовном субъекте личной потребностью и неотвязной заботой, а невозможность по каким-то причинам реализовать ее выражается в глубокой тоске и специфичном для этого проекта страхе замкнутости в себя. Личность не воспринимается им как драгоценный и хранимый набор характеристик, что следует тщательно оберегать от мира, она вообще не является предметом его интереса.

По сути своей, духовный субъект элитарен, недемократичен и особенен, хотя и внешне прост и доступен. Более всего он похож на известного «вольнопределяющегося» Швейка, подобно которому он способен выслушать все указания, понять все ориентиры и усвоить все необходимое для нормальной жизни. Но, как и Швейк, способен пойти в другую сторо-

ну, не тратясь на разъяснения окружающим. В итоге он, возможно, придет туда же, куда и все, но потратив больше сил и времени.

Выросший из цинизма homo postsoveticus'a духовный субъект ничего не ждет для себя от системы (включая и систему образования), относясь к ней, в лучшем случае, с иронией. Наблюдение над схемой ее функционирования и развития к росту качества подготовки сырого человеческого материала в направлении придания ему вполне определенной консистенции продукта, способного быть переваренным государственным или экономическим организмом, не способно вызвать у него возмущения, но, скорее, чувство, сходное тому, что испытывал Спиноза, наблюдая за пауками. Радость познания, сопряженная с грустью.

Но ему может быть понятно, что рост качества «оболванивания» приведет к тому, что возрастет и качество отталкивания все еще живого субъективного духа. Логика, что называется, большевистская: «чем хуже, тем лучше». Но это действительно лучше, чем полагать, будто университет делает человека человеком. Это лучше, чем уверенность, что «система образования должна формировать...» чего-то там и зачем-то. Система ничего не формирует без пользы для себя. Но ее бессмысленность вызывает к жизни потребность в самобытности.

Диалог с «вольнотопределяющимся» ничем не гарантирован. Ведь суть этого субъекта — это личное усилие. Он есть то, над чем он потрудился, к чему приложил немало сил, и он этим дорожит. Он не станет тратить себя на тех, кто не хочет вырасти из своего телесного или социального и стать собой, трансцендировав свою наличность. Он не готов принять Другого как равного, если Другой не подтверждает свою подлинность и серьезность. «Вольнотопределяющийся» действует в диалоге через игру провокаций и «проверок на

Таблица 3

Страх	Дистанция	Цинизм	Игра
Определен «открытостью миру». Страх вызывает отсутствие движения и действия, самозамыкание, косность, удовлетворенность и уверенность в себе. Для того, чтобы быть собой и оставаться на месте, ему нужно «бежать еще быстрее».	Изначальный и непреодолимый аристократизм, не сопряженный с отталкиванием. Элитарность, понимание своей значимости и весомости. Диалог с Другим — на основе признания равенства личных статусов.	Основан на понимании пустотности природы человека и на понимании того, что я есть то, что есть в данный момент. Его цинизм — это духовность вне трансцендентных оправданий.	Провокация с целью выяснения личного статуса Другого. И одновременно — самопровоцирование с целью проверки себя.

вшивость», отделения зерен от плевел, через игру, которую он способен устроить на любом материале и при любых условиях. Поскольку в любом обществе таких не может быть много — на возможности диалога с ним просто нельзя строить социальность. Узок путь и не каждый пройдет.

Он непонятен всем нам, выросшим из многомерно-одномерного пионерского галстука, охватывавшего единой петлей всякого, рождающего чувство солидарности и возможности диалога со *всяким* (и не всегда ведь со *всяким* диалог нужен, но всегда странным образом оказывается возможен). Мы еще выросли, имея условием своего восприятия Другого его принципиальное мне равенство. Вполне возможно, что этот фактор коммуникации создавался единством идеологического пресса и равномерностью его присутствия на всех уровнях социальной системы и однообразием его действия на жизнь каждого.

Неизвестно, к чему приведет его игра, включающая в себя и его самого. Всегда есть риск падения, досрочной сдачи и преждевременной и бессмысленной капитуляции. Вступив в игру с миром, «вольнотопределяющийся» может не вынести ее с самим собой, превратившись в «тело» или «жертву». Но как источник беспокойства он безусловно нужен — и в обществе и сознании реального субъекта как одна из его граней.

В итоге, для всех трех ипостасей нашего субъекта образования классический университет имеет разное значение. Для телесного субъекта это — инструмент внешнего и поверхностного окультуривания, воспринимаемого им как насилие над его внутренним мирком, насквозь пропитанным материальными потребностями. Именно ему университет не нужен по сути, его университеты — это мир живых материальных существ, которых он потребляет и которые потребляют его. Для душевного субъекта университет уже нужен как инструмент и

пространство личностного самоутверждения, главным образом, благодаря возможности получения дипломов, ученых степеней и званий и повышения своего социального статуса. И только *для духовного субъекта* университет является одной из форм бытия. Именно их называют людьми «университетской культуры» и именно они — основные субъекты социального культуротворчества, поскольку их цель и смысл не личный социальный статус, а именно творчество культуры посредством своей преподавательской и научной работы.

Итак, классический университет оказывается возможным и нужным, но далеко не для всех. За века своей деятельности он основательно «заразил» общество рациональностью, настолько заразил, что даже сегодняшние мистики, маги и экстрасенсы не попросту «вещают», как они делали еще двести-триста лет назад, но оформляют свои «пророчества» в строгие облики квазинаучных теорий и снабжают их рациональной аргументацией с обликом «научного факта». Рационалистами стали все, для одних, правда, разум — форма бытия, а для других — набор формальных, хотя и чуждых их мышлению, приемов анализа. И сегодня университет в силу уже известного хитроумия истории попал в зависимость

от своей деятельности, от господствующего в обществе типа рациональности.

Чего хочет от него эта рациональность, зависит от «толщины» воспитанного университетом культурного слоя. Чем толще слой, тем больше духовности, чем он тоньше, тем более господствуют телесные интересы. В России этот слой невелик и очень различается по городам. Именно это обстоятельство и ставит университет в проблемное положение, когда культурные центры его защищают, а сырьевые окраины стремятся превратить в машины подготовки узкопрофильных рабочих кадров.

Чем закончится борьба за университет, наперед сказать трудно. Правительство создаст ему крайне неудобные условия, но разум — штука гибкая, и если он во многом перемолол советскую идеологию, то может и с современным экономическим материализмом справиться. Все будет зависеть от того, какой тип разума доминирует и будет доминировать в Правительстве и в элитах. От себя же замечу, не хотелось бы, чтобы с трудом сформировавшаяся в России образовательная культура опять вернулась ко временам киевской духовной академии и школ навигацких да рудных дел мастеров.

1. Интервью с Филипповым В. М. // Вестник РФО № 1 (33) 2005. 256с. С. 66
2. Павлов А. В. Университет и власть: смысл реформы // Социум и власть, 2006, № 2. С. 93.
3. Там же. С. 93.
4. Там же. С. 77.
5. Сартр Ж.П. Бытие и Ничто: Опыт феноменологической онтологии. М.: ТЕРРА-Книжный клуб; Республика, 2002. 640 с. С. 91.
6. См. напр. А. Секацкий. «Тайна Кощея Бессмертного».
7. Бибихин В. В. Узнай себя. СПб.: Наука, 1998.

КАЧЕСТВО НЕПРЕРЫВНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РУКОВОДИТЕЛЕЙ КАК ФАКТОР ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ УЧРЕЖДЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Ф. Н. КЛЮЕВ

Создание условий для оптимального функционирования системы непрерывного образования руководителей учреждений начального профессионального образования во многом зависит от того, какими путями будет развиваться традиционная система дополнительного профессионального образования (повышения квалификации) специалистов начального профессионального образования.

Актуальность постановки такой задачи становится очевидной после анализа и осознания недостатков традиционной системы повышения квалификации, обусловленной, с одной стороны, строгой регламентацией всех сторон профессионально-образовательной деятельности в действовавшей до недавнего времени системе профессионально-технического образования, а с другой стороны — разрывами между целями и практикой повышения квалификации руководящих работников НПО и существующей системы как педагогического, так и специального инженерно-педагогического образования.

Попытки интеграции инженерного и педагогического образования в рамках единого профессионально-педагогического образования пока не привели к созданию целостной системы непрерывного профессионально-педагогического образования.

Предположительно, причина коренится не только в разрывах на стадии дополнительного образования (повышения квалификации) специалистов, но и в том, что пока еще недостаточно используются в общесистемном плане способы и технологии непрерывного образования, построенные на принципах деятельностного опосредования специалистами НПО получаемых в системе повышения квалификации знаний и деятельностного саморазвития их профессиональной компетентности на основе стимуляции собственной профессиональной активности. Это отмечают ряд ученых: В. С. Безрукова, А. П. Беляева, Э. Ф. Зеер, М. Е. Катханов, Л. М. Кустов, А. Я. Найн,

А. М. Новиков, В. В. Шапкин, Г. М. Романцев, Г. Н. Сериков, И. П. Смирнов, Н. М. Таланчук, Е. В. Ткаченко и др.

Примером таких способов и таких технологий непрерывного профессионального образования является повышение квалификации руководителей учреждений образования в форме организации деятельности по разработке и осуществлению программ инновационного развития учреждений и программ обновления содержания образования. Здесь непрерывное профессиональное образование, реализуемое в специфической форме деятельностного опосредования приобретаемых профессиональных знаний, становится фактором инновационного развития учреждения образования.

Вместе с тем реализация обозначенного подхода в системе повышения квалификации руководителей учреждений начального профессионального образования связана с рядом ограничений, обусловленных противоречиями развития системы начального профессионального образования (метасистемный уровень) и противоречиями профессионального становления самих руководителей учреждений начального профессионального образования (субсистемный уровень).

На первом уровне имеет место противоречие между фактически продолжающей действовать моделью прежней системы профессионально-технического образования, ориентированной на цели, ценности и приоритеты экономики и народного хозяйства, и новой моделью системы начального профессионального образования, ориентированной на приоритеты и потребности личности в образовании и требований современного работодателя и только с учетом этого — на интересы и потребности общества и государства.

На втором уровне имеет место противоречие между потребностью руководящих работников учреждений начального профессионального образования быть разработчиками

и участниками инновационного развития профессионального образовательного процесса с учетом требований современного производства и их недостаточной профессиональной готовностью к осуществлению такого развития.

Названные противоречия, развертывающиеся процессы гуманизации и демократизации системы начального профессионального образования, социальная потребность в активной, готовой к творческому преобразованию педагогической реальности личности руководителя учреждения начального профессионального образования детерминируют актуальность проблемы, которая заключается в теоретическом осмыслении и практическом отображении специфики управления качеством подготовки руководящих кадров учреждений начального профессионального образования в системе повышения квалификации, а также в определении критериев и технологий осуществления процесса управления качеством такой подготовки.

Поскольку в условиях радикального реформирования образования проявляется целый ряд таких аспектов и факторов повышения квалификации руководящих работников, которые либо не осознаются, либо недостаточно осознаются исследователями и практиками образования в качестве образовательных средств и условий, обеспечивающих реальную оптимизацию управления качеством профессиональной педагогической подготовки и переподготовки, необходимо наметить ключевые направления отбора, обоснования и апробации этих средств и условий на концептуальном, нормативном, методическом и эмпирическом уровнях.

С учетом сказанного можно предположить, что эффективным управление качеством подготовки руководящих кадров в системе дополнительного профессионального образования (повышения квалификации) специалистов профессиональной школы будет, если:

на концептуальном уровне — ценностные основания педагогического управления качеством подготовки избираются, исходя из интересов и ожиданий потребителей профессионально-образовательных услуг специалистов профессиональной школы;

на нормативном уровне — цели, программы и эталоны педагогического управления качеством подготовки разрабатываются и реализуются в соответствии с нормативными полями Закона РФ «Об образовании» (1992, 1996 гг.), Типового положения об учреждении дополнительного профессионального обра-

зования (повышения квалификации) специалистов (1995 г.), Типового положения об учреждении начального профессионального образования (1994 г.), Требований к квалификации руководящих работников учреждений образования при присвоении им квалификационных категорий (1995 г.);

на методическом уровне — способы педагогического управления качеством подготовки конструируются на основе закономерностей системогенеза профессиональной деятельности и мониторинга управления качеством образования, а технологии управления качеством подготовки ориентированы на диагностическую, проектировочную и экспериментальную деятельность самих руководителей профессиональной школы;

на эмпирическом уровне — процесс повышения квалификации реализуется в рамках программы педагогического управления качеством образовательной системы, а управление программой осуществляется через мониторинг.

Эти положения реализованы в системе непрерывного профессионального образования руководителей учреждений начального профессионального образования Челябинской области при решении следующих основных задач:

1. Изучено состояние проблемы в теории и практике региональной системы начального профессионального образования.

2. На основе программно-целевого подхода разработана концептуальная модель педагогического управления качеством повышения квалификации руководящих кадров профессиональной школы в системе дополнительного образования.

3. Определены способы диагностики эффективности концептуальной модели и пути мониторинга качества подготовки руководящих кадров в процессе повышения квалификации.

4. Экспериментально определена эффективность содержания и технологий реализации концептуальной модели управления качеством повышения квалификации руководящих кадров.

5. Сформулированы педагогические условия управления качеством образования и на этой основе подготовлены методические рекомендации для руководителей учреждений начального профессионального образования по управлению качеством подготовки педагогического персонала к работе в новых условиях.

Для проверки исходных положений и решения поставленных задач использовались методы:

теоретического исследования – анализ философской, социологической и педагогической литературы по проблеме исследования; анализ нормативных источников, определяющих цели и направления профессионального развития и становления руководителей учреждений профессионального образования; научно-методический анализ программ дополнительного профессионального образования (повышения квалификации) руководителей профессиональной школы и содержания квалификационного стандарта руководителей образовательных учреждений системы профессионального образования; моделирование условий управления качеством повышения квалифи-

кации руководящих кадров учреждений начального профессионального образования в системе дополнительного профессионального образования;

экспериментального исследования – наблюдение, тестирование, анкетирование; педагогический эксперимент; статистическая обработка экспериментальных данных и обоснование выводов по результатам эксперимента; анализ собственного опыта автора как руководителя учреждения дополнительного образования (повышения квалификации) специалистов профессиональной школы и непосредственного разработчика и исполнителя программы эксперимента и результатов его внедрения в практику работы Челябинского института развития профессионального образования (ЧИРПО, Челябинский ИРПО).

ВОСПИТАНИЕ ЖИЗНЕСПОСОБНОЙ ЛИЧНОСТИ В МАРГИНАЛЬНОМ СОЦИУМЕ: ПРАКТИКА ИЛИ ТЕОРИЯ?

Е. А. РЫЛЬСКАЯ

Кардинальные изменения во всех сферах жизни, характерные для нестабильного общества, предъявляют особые требования к человеку, определяющие его маргинальным статусом. Маргинальный статус предполагает, что индивид находится на границе между двумя или более социальными мирами, но не принимается ни одним из них как полноправный участник [1]. То, как личность справляется (совладевает) с данной ситуацией, детерминирует либо возможности дальнейшего прогрессивного развития, либо психологические или психические нарушения. От чего же зависит позитивная или негативная направленность этой личностной динамики? Она определяется специфической готовностью человека функционировать и развиваться в нестабильном, дисгармоничном социуме. Такую готовность обозначают термином «жизнеспособность». Только жизнеспособная личность способна противостоять негативным влияниям, чувствовать себя уверенно, защищенно, т.е., по образному выражению А. М. Горького, справляться со «свинцовыми мерзостями действительности».

Современное общество остро нуждается в повышении уровня жизнеспособности населения, так как это ведет к снижению степени патогенной маргинализации, укреплению социальной стабильности, безопасности. Заказчиками на воспитание жизнеспособной личности выступают практически все социальные институты: государство, семья, школа, бизнес. «Полагаем, что идея формирования жизнеспособного поколения должна быть выдвинута на уровень национального приоритета в общегосударственной, социальной, семейной, молодежной политике», — справедливо замечает доктор педагогических наук М. П. Гурьянова [2, с. 18].

Таким образом, осознание актуальности задачи очевидно. Практическое ее решение пока вызывает затруднения, связанные, прежде всего, с недостаточной теоретической и методологической разработанностью проблемы. Особая роль в преодолении этих затруднений, на наш взгляд, должна отводиться психологии, задача которой заключается в

разработке феноменологических, структурно-генетических, детерминационных и проч. оснований жизнеспособности. К сожалению, в этом направлении сделано очень немного. Во-первых, как нами уже отмечалось [3], понятие «жизнеспособность» пока нельзя считать достаточно операциональным и валидизированным. Во-вторых, слабо прослеживаются методологические подходы к изучению жизнеспособности, о чем и пойдет речь в данной работе.

Анализ философской и психолого-педагогической литературы, как отечественной, так и зарубежной, позволил выделить как минимум восемь исследовательских подходов, которые можно соотнести с анализом феномена жизнеспособности. *Следует заметить, что данные подходы существуют пока лишь в воображении автора (гипотетически-дискуссионно) и до сих пор не обозначались как таковые.*

Первый из выделенных подходов предполагает взгляд на *жизнеспособность как потенциал (человека) личности*. Этот подход имеет полное право быть упомянутым первым по той простой причине, что именно для обозначения энергетического потенциала человека данное понятие и было введено в научный обиход Б. Г. Ананьевым. Ананьев Б. Г. отмечал, что продуктивность поведения человека как субъекта в условиях экстремальной ситуации и результативность его деятельности, направленные на поиск выхода из нее, зависят от силы энергетического потенциала, сущностью которого является собственно жизнеспособность человека. По Ананьеву, жизнеспособность — это исходный компонент общей трудоспособности, влияющий на конкретные особенности работоспособности человека, активность его интеллекта, устойчивость установки на реализацию поставленной во времени цели.

Рассматривая человека как субъекта труда, Б. Г. Ананьев пишет, что изучение человека не может ограничиваться характеристиками подготовленности, опытности, мастерства, производительности и качества выполняемой в данный момент работы. Не менее важно

определить внутренние силы личности, значимые для повышения производительности труда в условиях совершенствования самого производства. Это потенциалы и резервы человека в сфере труда, к которым относятся трудоспособность, способности, одаренность, а также жизнеспособность человека [4, с. 271–272].

Проблема потенциалов человека рассматривается и в других работах. Так, например, Д. А. Леонтьев вводит понятие «личный потенциал» как психологический аналог жизненного стержня личности. Личностный потенциал, по Д. А. Леонтьеву (2002), является интегральной характеристикой уровня личностной зрелости. Он отражает меру преодоления личностью заданных обстоятельств, в конечном счете, преодоление личностью самой себя, а также меру прилагаемых усилий по работе над собой и над обстоятельствами своей жизни [5].

Феноменологию, отражающую личностный потенциал, в разных подходах в психологии обозначали такими понятиями, как воля, сила Эго, внутренняя опора, локус контроля, ориентация на действие. Лучше всего, пожалуй, ему соответствует понятие «жизнестойкость» (*hardiness*), введенное С. Мадди и являющееся операциональным аналогом экзистенциальной «отваги быть» П. Тиллиха. По Мадди, жизнестойкость – особый паттерн структуры установки и навыков, который позволяет превратить наши изменения в наши возможности [6]. Около 1000 исследований, проведенных с помощью разработанного С. Мадди теста жизнестойкости, обнаружили значимость этой характеристики во всех сферах жизни. Сравнение понятий «жизнестойкость» и «жизнеспособность» позволяет выявить их генетическое сходство – они являются потенциальными характеристиками человека, однако, что касается содержания, оно отнюдь не одинаково.

Таким образом, с позиции обозначенного выше подхода, жизнеспособность человека (личности) – это его (ее) жизненный (личностный) потенциал. Данная трактовка, однако, носит весьма обобщенный характер и требует специального уточнения понятия «потенциал». Вместе с тем, она может служить основанием для выделения отдельного, более узкого, «дочернего» подхода к изучению жизнеспособности – как собственно способности.

Жизнеспособность в контексте психологии способностей. Несмотря на то, что разработки, выполненные в этом направлении,

отсутствуют, сама идея исследования жизнеспособности в контексте психологии способностей не является абсолютно новой. В свое время Б. Ф. Ломов, рассуждая о способностях, утверждал, что неправомерно рассматривать способности только с позиции деятельности, потому что у человека существуют специфические способности, не связанные напрямую с деятельностью. Это «способности к жизни».

Мы считаем, что изучение жизнеспособности человека с позиции психологии способностей может быть весьма перспективным. Дело здесь не только в метафорическом созвучии. Категория «жизнеспособность», на наш взгляд, обладает основными признаками способностей как психического свойства человека. Обратимся к определению способностей, данному В. Д. Шадриковым: «Способности можно определить как свойство или совокупность свойств (качеств) вещи, системы, появляющихся в процессе функционирования; допустимо сказать, что это функциональные свойства вещи, обуславливающие эффективность реализации вещи некоторой функции... Это свойства функциональных систем, реализующих отдельные психические функции, которые имеют индивидуальную меру выраженности, проявляющуюся в успешности и качественном своеобразии освоения и реализации деятельности» [7, с. 175–177]. Нетрудно заметить, что речь здесь опять идет о деятельности. Однако, во-первых, сама деятельность в этом случае понимается шире – как жизнедеятельность, во-вторых, В. Д. Шадриков выделяет и способности иного рода – духовные, которые определяет как свойства, характеризующие функциональную индивидуальность человека: «Духовные способности можно понимать как единство и взаимосвязь природных способностей индивида, преобразованных в процессе деятельности и жизнедеятельности, и способностей человека как субъекта деятельности и отношений, выступающих в единстве с нравственными качествами человека как личности... Если обычно мы рассматриваем способности действия, то духовные способности – это способности поступка» [там же, с. 246–247]. По Шадрикову, духовные способности – это качество индивидуальности, определяющее качественную специфику поведения. Духовное поведение безгрешно и добродетельно. С этих позиций духовные способности выступают как добродетели личности. Добродетели же есть качества человека, выражающиеся в желании

делать добро, в реальных добродетельных поступках.

Жизнеспособность человека, на наш взгляд, тоже добродетельна. Подтверждение этому находим в ряде психологических работ. Так, например, Э.Фромм говорил о существовании «глашатаев человечности», обеспечивающих выживание человечества [8]. По наблюдениям Л.И. Анцыферовой, люди, склонные сохранять самообладание в жизнеопасных ситуациях, думали не о собственном выживании, а об ответственности за случившееся и о сохранении жизни окружающих [9].

Таким образом, исходя из вышеизложенного, считаем возможным рассматривать жизнеспособность человека как специфическую духовную способность.

Жизнеспособность и психическое здоровье. Понятие «жизнеспособность» иногда трактуется как синоним психического здоровья и как предпосылка психического здоровья. Психическое здоровье человека интерпретируется как собственная жизнеспособность, жизненная сила, обеспеченная полноценным развитием и функционированием психического аппарата. Жизнеспособность или умение выживать, приспосабливаться и развиваться в изменяющихся, не всегда благоприятных условиях считают предпосылкой психического здоровья. «Максима психического здоровья есть единство жизнеспособности и человечности индивида», — писал В. И. Слободчиков [10, с. 96].

В рамках данного подхода проблему психического здоровья категориально соотносят с интерпретациями структур и функций психики. Слободчиков В. И. и Исаев Е. А. предлагают упорядоченную совокупность парадигмальных оснований, задающих диспозицию классических представлений психологов о сущности человеческой психики и закономерностей ее развития: натурализм, социоморфизм, культурализм и теологизм. В первых двух установках особенно отчетливо прослеживается исходная основа решения проблемы психического здоровья и в этом контексте проблемы жизнеспособности личности. Понятный строй установки натурализма задается соотношением «человек — природа», а теоретическая схема может быть обозначена как «организм — среда». Объектом психического здоровья на этом уровне выступает человек как природный индивид (не более), обладающий психикой... Психический статус (качественная характеристика адапцион-

ных функций психики) — есть производная действия факторов внутренней и внешней детерминации: наследственности и среды. Психический статус в своей крайней натуралистической интерпретации определяет уровень жизнеспособности человека как природного индивида. Идеальный образец — выживающий индивид, приспособленный к условиям среды и приносящий потомство.

Категориальная рамка социоморфизма — соотношение «человек — общество». Теоретическая схема «индивид — социальная структура». Объектом психического здоровья выступает человек как социальный индивид. Здесь природные, органические способности выступают лишь предпосылками нормального функционирования психики. Психический статус социоморфизма определяет жизнеспособность человека как социального индивида [там же].

Целый ряд исследователей, однако, разоблачают недостаточность критериального статуса «жизнеспособность» для оценки психического здоровья человека (К. А. Абульханова-Славская, И. В. Дубровина).

Жизнеспособность как модальность сознания. Исследование жизнеспособности в контексте психологии сознания возможно на основании продуктивной идеи К. А. Абульхановой, которая рассматривает сознание как способность личности, в свою очередь, включенную в контекст жизни. Модальности сознания характеризуют его как *жизненную способность* (в широком смысле слова) личности. Автор отмечает, что в неконсервативном, нестабильном, неупорядоченном обществе наиболее ценным, сохраненным является личность и личная жизнь. Именно поэтому так важна роль сознания, не «отражающая» социальную действительность, не адаптирующая к ней личность, а максимально укрепляющая ее жизненную позицию, максимально содействующая ее самовыражению и самореализации. Сознание сохраняет стабильность субъекта на протяжении жизненного пути, учитывая изменения последнего и развитие самой личности. Статичность сознания выполняет также функцию защиты, не только обеспечивая защиту от внешних воздействий, но и сохраняя ее внутреннее равновесие при жизненных потрясениях, неудачах, разочарованиях, она дает ей возможность *выстоять*, не сломаться, не изменить себе.

Способность сознания (в отличие от самого сознания как способности личности) воплощает способ его функционирования, его

конструктивные возможности, меру развития. Способность сознания — особая модальность, сущность которой состоит в интеграции множества направлений функционирования сознания. Жизненные способности и дееспособность личности обеспечиваются в основном этой модальностью.

Таким образом, специфическая роль сознания определяется достаточно четко: «Сознание регулирует активность личности как ее жизненную способность, определению, изучению и освещению которой должно быть отведено особое место» [11, с. 95].

Жизнеспособность и смысл жизни. Рассуждения о жизнеспособности человека в контексте смысла человеческой жизни не раз встречаются в работах представителей гуманистической психологии. Так, например, В. Франкл твердо убежден в том, что если человек знает «зачем», то он может выдержать любое «как». Он пишет, что наличие смысла жизни помогало человеку выжить даже в ужасных условиях концентрационного лагеря и рассказывает о группе студентов, совершивших попытку суицида, к счастью, неудачную. Большинство из них жили во вполне благополучных условиях, но утратили смысл жизни [12, 13]. Б. С. Братусь размышляет о смысле жизни как насущной потребности, которая зиждется на фундаментальном противоречии между ограниченностью (смертностью) индивидуального бытия и универсальной родовой сущности человека [14].

Таким образом, трудно не заметить, что смысл человеческой жизни рассматривается как фактор, активно влияющий на жизнь человека во всех ее проявлениях, определяя в конечном итоге саму способность к жизни. Однако связь жизнеспособности человека и смысла жизни, по-видимому, не является однозначной. В. Э. Чудновский, говоря о «двоящейся диалектике» жизни, подчеркивает, что она присуща и феномену смысла.

Наблюдается парадоксальный факт: потеряв смысл существования, человек может лишиться себя жизни, но вместе с тем он жертвует жизнью ради реализации определенного смысла жизни. Исходя из этого, вслед за Чудновским предполагаем, что существуют различные уровни смысла жизни по степени его позитивного или негативного влияния на жизнь человека [15].

Жизнеспособность и адаптация. Анализ жизнеспособности с позиций проблемы адаптации неизбежно должен учитывать и различные подходы к пониманию самой адаптации.

В рамках одного из них (адаптация как жизнедеятельность человека в изменившихся условиях существования) выделяются следующие содержательные характеристики адаптации: 1) способность к самосохранению и выживанию индивида и вида, основанные на выработке адапционных реакций, отвечающих требованиям среды; 2) способность производить потомство. Роль адаптации, таким образом, заключается в сохранении человеческой популяции, в реализации фундаментальной биологической программы человека по сохранению жизни, как вида, так и индивида. Однако физическое выживание, здоровье, при всем их жизненном смысле дополняется необходимостью удовлетворения многих других, не менее существенных потребностей. Поэтому адаптацию понимают и как приспособление к изменившимся условиям среды. С позиций данного подхода основная функция адаптации заключается в поддержании гомеостаза.

Согласно гомеостатическому подходу К. Бернара и У. Кеннона, жизнедеятельность организма требует сохранения постоянства ряда показателей внутренней среды. Существование системы гомеостатического регулирования удерживает жизнеобеспечивающие функции организма в пределах допустимых отклонений, несмотря на многообразие и неоднозначные изменения внешней среды. Результаты этих исследований привели к пониманию адаптации как процесса интеграции функциональных систем *жизнеобеспечения* в ответ на изменение среды [16].

По мнению ряда исследователей, все вопросы приспособления биологических объектов к изменяющимся условиям сводятся к устойчивости. Адаптация понимается как целенаправленная системная реакция организма на длительные и многократные, интенсивные и экстенсивные воздействия внешней среды, которые приводят к нарушению гомеостатического баланса. Формирование системного ответа обеспечивает человеку экологическое равновесие, возможность осуществления всех видов социальной деятельности и поддержания собственной жизнеспособности [17, 18].

Значительная роль в обеспечении устойчивости организма к изменяющимся условиям среды придается адапционному конфликту. Его возникновение вызвано необходимостью одновременного удовлетворения витальных потребностей, характеризующих биологическую природу человека, и социальных, отражающих его общественную сущность. Спо-

способность решения подобного конфликта во многом определяет жизнеспособность человека в новых условиях существования [19].

Таким образом, рассмотрение жизнеспособности в контексте проблемы адаптации основывается на понимании адаптации как одного из вполне реальных способов сохранения жизнеспособности человека, не только в современном стремительно меняющемся мире, но и в будущем.

Жизнеспособность как объект кросс-культурного исследования. Данный подход, по сути, является единственным подходом, в котором жизнеспособность (от англ. «resilience» – гибкость, упругость, эластичность, устойчивость к внешним воздействиям) заявлена как самостоятельная исследовательская проблема. Представителями этого подхода явились ученые различных стран, в основном исследователи-практики, которые на протяжении двух последних десятилетий изучали жертв насилия, террористических актов, экологических катастроф; подростков, склонных к употреблению психоактивных веществ и проч. (Folkman, Lazarus, 1980; Masten, Best, Garmenzy, 1990; Maddi, Koshaba, 1994; А. В. Махнач, А. И. Лакионова, 2003).

Несмотря на довольно большой массив эмпирических данных, полученных в процессе данных исследований, ряд вопросов теоретико-методологического характера остался без ответа. Для решения этих вопросов 28 ученых-практиков стали участниками организованного в 2003 году международного проекта «Методологические и контекстуальные проблемы исследования жизнеспособности детей и подростков: международное сотрудничество в изучении психического здоровья детей и подростков группы риска». В 2005 году состоялась встреча участников проекта, на которой обсуждались результаты трехлетней исследовательской деятельности ученых из Канады, России, США, Китая, Гамбии, Израиля, Танзании, Колумбии и др. Итогом совместной работы стала коллективная монография, в которой были представлены эмпирические разработки, проведенные с помощью созданного участниками проекта теста жизнеспособности [20]. Благодаря этим исследованиям, понятие «жизнеспособность», безусловно, стало в большей степени валидизированным, однако, что касается его операционализации, то здесь пока сложно говорить о полной ясности. Можно лишь утверждать, что данный подход представляется весьма перспективным в эмпирическом плане.

Жизнеспособность – категория междисциплинарная, поэтому методологические подходы к ее изучению должны учитывать точку зрения не одной (в данном случае – психологии), а ряда наук, по меньшей мере, философии и педагогики (если исходить из личного контекста). В философии проблема жизнеспособности рассматривается с позиции анализа природных оснований витального и танатального. Такими основаниями считается определенное соотношение эгоистического и альтруистического в поведении человека. Р. Докинз характеризует это соотношение следующим образом: «Основной тезис в том, что человек и все другие животные представляют собой машины, создаваемые генами. Подобно удачливым чикагским гангстерам, наши гены сумели выжить в мире, где царит жесточайшая конкуренция. Это дает нам право ожидать у наших генов определенных качеств. Я утверждаю, что преобладающим качеством преуспевающего гена должен быть безжалостный эгоизм [21, с. 797]. Вместе с тем, несмотря на, казалось бы, твердую убежденность Р. Докинза в господстве эгоистического как условия выживания, он все же надеется на победу альтруизма в борьбе с эгоизмом: «Быть может, есть еще одна черта, свойственная только человеку: это способность к неподдельному, бескорыстному, настоящему альтруизму» [там же, с. 820].

Эту мысль поддерживает А. В. Гидлевский, утверждая, что направленность человеческого поведения может быть эгоистической и альтруистической. Эти виды представляют собой природные основания танатального и витального в бытии человека. Эгоистические тенденции, являясь причиной разрушения, при определенных условиях могут быть преодолены альтруистической жертвенно-созидающей личностной направленностью [22, с. 309].

Аналогичные идеи находим и в других философских источниках. В частности, они согласуются с положениями теории пассионарности [23]. Л. Н. Гумилев считает пассионариев создателями нового этноса, так как без пассионарного эффекта человеческая популяция обречена на гибель.

В педагогике проблема жизнеспособности рассматривается в рамках подхода, который, на наш взгляд, может быть назван описательно-эмпирическим. С одной стороны, отрадно, что проводятся специальные экспериментальные исследования жизнеспособности. Например, в диссертационной

работе Г.Н. Уразаева решается проблема развития жизнеспособности личности в процессе деятельности общественной организации. Даются некоторые операциональные характеристики жизнеспособности, в частности, ее критерии, включающие жизнеспособность мироощущения, настойчивость в реализации профессиональных планов, способность к самопознанию и напряжению в саморазвитии

своего «Я», расширенный уровень самосознания в системе гражданских норм и правил, творческую самореализацию «для себя» и «для других». Используется определенный методический инструментарий [24]. С другой стороны, экспериментальное развитие жизнеспособности личности, основанное на данных позициях, вызывает ряд вопросов ввиду неясности теоретических оснований.

1. Шибутани Т. Социальная психология / Т. Шибутани. Ростов н/Д.: Феникс, 1998.
2. Гурьянова М.П. Воспитание жизнеспособной личности в условиях дисгармоничного социума / М.П. Гурьянова // Педагогика. 2004. № 1.
3. Рылская Е.А. Понятие «жизнеспособность личности»: обоснование и перспективы исследования / Е.А. Рылская // Ключевые проблемы качества жизни: материалы Международной научной конференции. М., Челябинск, 2006.
4. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания / Б.Г. Ананьев. СПб.: Питер, 2001.
5. Леонтьев Д.А. Личностное в личности: личностный потенциал как основа самодетерминации / Д.А. Леонтьев // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Вып. 1 / Под ред. Б.С. Братуся, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл. 2002.
6. Maddi S. R., Khoshaba D. M. Hardiness and Mental Health // Journal of Personality Assessment, Oct, V. 63 (№ 2).
7. В.Д. Шадриков. Психология деятельности и способности человека / В.Д. Шадриков. М.: Издательская корпорация «Логос», 1996.
8. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. М.: АСТ ЛТД, 1998.
9. Анцыферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование и психологическая защита / Л.И. Анцыферова. // Психол. журн. 1994. Т. 1. № 1.
10. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология человека. Введение в психологию субъектности / В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев. М.: Школа-Пресс, 1995.
11. Абульханова К.А. Способность сознания / К.А. Абульханова // Мир психологии. М., Воронеж, 2006. № 2.
12. Франкл В. Плюрализм науки и единство человека / В. Франкл // Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. С. 45–49.
13. Франкл В. Экзистенциальный вакуум: вызов психиатрии / В. Франкл // Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
14. Братусь Б.С. Аномалии личности / Б.С. Братусь. М.: Мысль, 1988.
15. Чудновский В.Э. Психологические составляющие оптимального смысла жизни / В.Э. Чудновский // Вопр. психол. 2003. № 3.
16. Слоним А.Д. Среда и поведение. Формирование адаптивного поведения / А.Д. Слоним. Л.: Наука, 1976.
17. Косов Б. Б. Личность: актуальные проблемы системного подхода / Б. Б. Косов // Вопросы психолог. 1997. № 6.
18. Крупник Е.П. Психологическая устойчивость индивидуального сознания / Е.П. Крупник // Психология человека в условиях социальной нестабильности. М., 1994.
19. Посохова С.Т. Психология адаптирующейся личности: субъектный подход. Дисс. д-ра психол. наук. СПб., 2001. 393 С. РГБ ОД, 71:02-19/33-1.
20. <http://www.resilienceproject.org>.
21. Докинз Р. Эгоистичный ген / Р. Докинз. М.: Мир, 1993.
22. Гидлевский А.В. Природные основания витального и танатального в человеческом бытии / А.В. Гидлевский // Автореф. д-ра филос. наук. 19.00.01. Омский госпедуниверситет. Омск, 2005.
23. Гумилев Л.Н. Этнос и биосфера Земли. / Л.Н. Гумилев. Л.: Гидрометеогиздат, 1987.
24. Уразаев Г.Н. Деятельность общественной организации как средство развития жизнеспособности личности / Г.Н. Уразаев. Дисс. к. пед. наук, 13.00.01. Воронеж, 2002. 229 С. РГБ ОД 61:03 – В / 1174-7.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУРСАНТСКИХ КОЛЛЕКТИВОВ В ВЫСШИХ ВОЕННЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

С. И. ОХРЕМЧУК

В числе многочисленных признаков, характерных для воинского коллектива, много таких, которые присущи любому коллективу. Что же собой представляет воинский коллектив? Воинский коллектив — это определенное объединение людей, которые в рядах Вооруженных Сил, с оружием в руках выполняют функции защиты Российской Федерации и ее государственных интересов. Понятие воинского коллектива включает различные организационные звенья армии и флота, начиная от отделения (расчета, экипажа, боевой группы), являющегося микроколлективом, и кончая всеми Вооруженными Силами, представляющими сложное социальное образование, или метаколлектив.

Воинские коллективы различаются по времени их существования. Есть объединения постоянно функционирующие и относительно кратковременные. К первым относятся коллективы военнослужащих, находящихся на действительной службе в частях, подразделениях, управлениях, штабах; ко вторым — коллективы, образующиеся, например, в период учебных сборов, из военнообязанных, зачисленных в запас, курсантов военных учебных заведений и т. д. По формам общения военнослужащих друг с другом воинские коллективы делятся на контактные и дискретные. В контактных коллективах (отделение, рота, батальон и им равные подразделения) все военнослужащие находятся в непосредственном общении и, как правило, близко лично знают друг друга. В дискретных коллективах (полки, дивизии), как правило, такого общения нет. В нашем исследовании рассматриваются контактные коллективы высших военных учебных заведений.

Курсантский коллектив обладает своей спецификой. Однако в нашей военно-теоретической литературе особенности воинского коллектива пока еще четко не обозначены и не сформулированы. Мешает этому отсутствие единого подхода к выделению признаков курсантского коллектива. Так, в середине 60-х годов XX столетия А. В. Барабанщиков, А. Д. Глоточкин, Н. Ф. Феденко, В. В. Шеляг к

числу особенностей относят признаки, которые являются общими для многих или почти всех коллективов — общественную значимость целей и задач его практической деятельности, относительную длительность пребывания личности в одном коллективе.

Современные военные психологи и педагоги П. А. Карчемный, Л. Г. Лаптев, В. Г. Михайловский утверждают, что особенностью воинского коллектива является дружба и товарищество между его членами, хотя и другим коллективам общества присущ этот признак [1].

Правильное выделение основных признаков курсантского коллектива возможно лишь на основе применения философских категорий общего, особенного и индивидуального. Иначе говоря, в курсантском коллективе есть признаки общие, присущие всем коллективам общества, особенные, свойственные всем коллективам Вооруженных Сил, и индивидуальные, характерные только для данного конкретного коллектива.

Вместе с тем существует и некоторая обособленность курсантских коллективов, связанная со спецификой их многообразной деятельности. Это выражается прежде всего в том, что курсанты не могут самовольно оставлять казарму, прекращать выполнение своих обязанностей и по своему желанию общаться в любое время с представителями других коллективов. В период обучения в военном заведении нарушается непосредственное общение курсанта с семьей, с бывшими друзьями, что вызывает известную психологическую перестройку. Эти ограничения понятны, они продиктованы самим характером военно-педагогического процесса.

Практика показывает, что для успешной военно-профессиональной деятельности курсанты должны адаптироваться к условиям военно-педагогического процесса высших военно-учебных заведений — глубоко усвоить сущность, принципы, условия, закономерности и факты формирования военнослужащих и воинских коллективов, овладеть теорией и практикой в специфических условиях военной

службы. Неспособность курсантов адаптироваться к условиям военно-педагогического процесса, потеря интереса к учебе — один из важнейших факторов, приводящих курсантов к отчислению из учебного заведения. В этом процессе участвуют социальные, педагогические и психологические явления, которые возникают при взаимодействии социальной среды, личности и группы.

По мнению М.Х. Титмы, предрасположенность личности к той или иной деятельности неодинакова. Обычно одни способности у индивида более развиты, другие же остаются сравнительно неразвитыми. Воспитание лишь отчасти приводит к желаемым результатам, и созревание личности во многом определяется социальной средой.

Процесс развития личности еще более усложняется в связи с тем, что социальная среда в действительности не является стабильной и индивид на своем жизненном пути оказывается последовательно и параллельно включен в разные общности, различающиеся по своим социально-психологическим характеристикам (М.Г. Гарунов, П.А. Жильцов, Л.И. Маленкова, П.И. Пидкасистый и др.).

Сегодняшнее реформирование системы военного образования людьми, не имеющими глубоких познаний сущности военно-педагогического процесса и постоянно приравнивающих курсантский коллектив к солдатскому, приводит к деградации будущего офицера уже в стенах военного заведения.

Это является следствием того, что реформаторы не учитывают современное состояние молодежи и контингент абитуриентов, поступающих в военные вузы. Стереотипами являются: социально-педагогическая иллюзия о содержании воинского воспитания, пригодного для всех категорий военнослужащих; безграничная вера во всеислие, безусловность педагогического воздействия форм, методов и средств на военнослужащего. Темпы демократизации военного образования опережают интеллектуальные способности обучающихся курсантов.

О неэффективности проводимых реформ военного образования свидетельствует такой факт, что в первый год службы подают рапорта об увольнении около 30 % лейтенантов. Фактическая убыль офицерского состава в настоящее время практически в два раза превышает нормативную [2].

Результаты исследования адаптации курсантов показали: чем быстрее идет процесс привыкания к новому укладу жизни, чем быстрее происходит формирование курсантского

коллектива первокурсников, тем эффективнее происходит формирование профессионально важных качеств личности.

В.М. Ковалева и В.В. Шалинский отметили две стадии развития коллектива. Первая — это организация коллектива, формирование ядра (первый курс, частично второй курс). Данная стадия характеризуется производственной и социально-психологической адаптацией — активным приспособлением к учебному процессу, вращением «каждого» в новый коллектив. Вторая стадия (частично второй и третий курсы) характеризуется развитием учебной и общественной активности всех членов группы, сложившимся общественным мнением, работоспособным активом, готовностью группы к совместной самостоятельной деятельности [3].

На современном этапе развития высшей военной школы не уделяется должного внимания формированию коллективов курсантов, а если быть точнее, то из-за недостаточных знаний основ психологии и педагогики командиры подразделений не обучены целесообразному подбору и комплектованию подразделений. Студенческий коллектив отличается от курсантского коллектива тем, что курсанты в течение учебы в военном вузе проводят в коллективе более $\frac{3}{4}$ времени. Происходящие в армии изменения напрямую связаны с деградацией нашего общества, особенно молодежи. В военных учебных заведениях наблюдается негативная тенденция, касающаяся сплоченности курсантских коллективов. Причина в том, что при формировании коллективов (учебных групп) игнорируется психофизиологическая совместимость, которая возникает на почве общности темперамента, особенностей протекания психических процессов у курсантов в ходе групповой деятельности. Так, в ходе эксперимента, проводимого в Челябинском высшем военном командном училище, выяснилось, что количество первокурсников с меланхолическими чертами темперамента постоянно увеличивается. Если в 2001 году их было 12,3 % от количества поступивших, то в 2005 году — 16,4 %, то есть каждый шестой курсант имеет слабую нервную систему, медленнее и даже болезненно осваивается в новой обстановке. Все это требует от командиров подразделений более ответственно относиться к формированию коллективов и использовать при этом результаты профотбора.

Немаловажный фактор приобретает про-

Таблица 1

Социальные группы курсантов, поступивших на первый курс ЧВВКУ (в процентах)

Года	2001	2002	2003	2004	2005
Из рабочих	49,5	51,04	44,51	51,41	62,4
Из крестьян	3,0	5,72	2,91	2,0	4,6
Из служащих	24,5	20,24	26,62	25,1	21,0
Из военнослужащих	30,0	20,68	3,3	20,24	8,5
Из других	3,0	2,32	2,66	1,2	3,5

думанный подбор и расстановка курсантов относительно социальных групп. Из опрошенных первокурсников в 2005 г. каждый десятый отмечает наличие конфликтов на социальной почве. Основываясь на реальной обстановке военных проблем, необходимо говорить о том, что снижается конкурс в военные училища. Следствием этого является снижение образовательного уровня абитуриентов. Не за горами время, когда Российскую Армию вновь будем переименовывать в Рабоче-Крестьянскую.

Отсутствует у командиров подразделений и опора на военнослужащих, отслуживших в рядах ВС РФ до поступления в военное заведение — главных составляющих в сплочении курсантского коллектива.

Таблица 2

Количество абитуриентов из числа военнослужащих срочной службы, поступивших на первый курс ЧВВКУ (в процентах)

Года	2001	2002	2003	2004	2005
Кол-во	6,5	4,4	3,75	3,6	1,5

Российское Федерация — многонациональное государство. Нерусское население составляет 18 % и включает, по оценкам статистических органов России, представителей более 170 этносов. Из примерно 10 % населения России, относящегося к титульным этносам национально-территориальных образований, лишь 7 % проживают на территории «своих» республик, областей и округов; остальные также находятся в положении нетитульных этносов на других территориях [4].

Наряду с общими ценностями, установками, взглядами в коллективном сознании существуют и элементы национальной духовной культуры. Их носителями являются курсанты нерусской национальности. Практика показывает, что иногда трудно бывает достигнуть единства мнений при оценке действий и поступков товарищей. В принципе национально-специфические традиции, привычки, вкусы и потребности не противоречат интересам военной службы.

Вместе с тем они требуют самого пристального внимания и тщательного учета.

Демографическая ситуация, сложившаяся в нашей стране, самым непосредственным образом отражается и на национальном составе курсантских подразделений.

Перепись населения показывает, что происходит сокращение удельного веса русского населения. И в то же время возрастает удельный вес других национальностей и выходцев из республик Средней Азии, Закавказья и Казахстана. В курсантских подразделениях они стали составлять значительную часть личного состава, что существенно повысило влияние на внутриколлективную жизнь взаимоотношений курсантов в коллективах, их национально-психологических черт. Так, на первый курс Челябинского высшего военного командного училища в 2005 г. поступили курсанты 17 национальностей.

Таблица 3

Национальности курсантов первого курса ЧВВКУ в 2005 г.

Национальность	Процент от количества поступивших
русские	73,47
башкиры	6,63
татары	6,63
казахи	2,55
удмурты	2,04
украинцы	1,53
грузины, дагестанцы, чувашаши	по 1,02
аварцы, армяне, белорусы, марийцы, кумыки, коми-пермяки, табасаранцы, рутульцы	менее 1,0

Еще А. С. Макаренко в 30-х годах XX века научно обосновал и на практике осуществил воспитательные функции коллектива. Формирование учебных групп (взводов) первого

курса происходит спонтанно, без научного обоснования, без соответствующего подбора по национальности. Следствием этого является наличие различных конфликтов между курсантами, которые не способствуют социально-педагогической адаптации к военно-педагогическому процессу. В последнее время особую тревогу вызывают конфликты на национальной почве и неумение командиров влиять на обстановку должным образом. Из числа опрошенных первокурсников нерусской национальности в 2005 г. более 70 % заявили о наличии в курсантских коллективах конфликтов по национальным признакам. В ходе исследования сформулированы следующие причины возникновения межэтнических конфликтов в курсантских подразделениях:

- не все офицеры способны вести работу в многонациональных коллективах (особое затруднение вызывают вопросы индивидуальной работы);
- недостаточность у курсантов жизнен-

ного опыта, в том числе в сфере международных отношений;

- возросшая роль языка межнационального общения;
- развитие национального самосознания личности;
- перенос на национальную почву межличностных конфликтов.

Степень положительного влияния курсантского коллектива на личность, его сплоченность во многом зависят от правильного понимания руководства вуза и командирами подразделений социально-психологической сути различных процессов и явлений, возникающих внутри коллектива, групповых мнений и настроений, коллективных привычек, обычаев и традиций, привязанностей, симпатий и антипатий, подражания и самоутверждения и т. п. Они представляют те непосредственные силы, которые в значительной степени мотивируют поступки курсантов и, следовательно, формируют у них черты характера, привычки поведения.

-
1. Военная психология и педагогика: Учебное пособие / Под ред. П. А. Карчемного, Л. Г. Лаптева, В. Г. Михайловского. М.: Совершенство, 1998. 384 с.
 2. Шалупенко В., Юрченко Ю. Военно-профессиональная готовность выпускников вузов МО РФ / Ориентир. № 1. 2006.
 3. Основы педагогики и психологии высшей школы / Под общ. ред. А. В. Петровского. М.: МГУ, 1986. 303 с.
 4. Арутюнян Ю. В. Этносоциология: Учебное пособие для вузов / Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижина, А. А. Сусоколов. М.: Аспект Пресс, 1998. 271 с.

НОВАЦИИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О ВЫБОРАХ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОПОРЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

С. Г. ЗЫРЯНОВ

В этом году летом у партий каникул не было. Политическое лето 2007 года оказалось жарким...

С июня по август проходили конференции региональных отделений политических партий. На этом этапе они решали одну задачу — определяли состав кандидатов в своих региональных списках. При этом наблюдается закономерность — чем ресурснее и влиятельнее политическая партия, тем оживленнее среди ее лидеров соперничество за попадание в проходную часть списков. Партии впервые участвуют в выборах в Государственную Думу по правилам пропорциональной избирательной системы. С 1993 по 2003 год — четыре раза выборы в Госдуму проходили по смешанной системе — 225 депутатов избирались по партийным спискам по общенациональному округу, а 225 — по мажоритарному принципу по одномандатным округам, выделенным в составе регионов. Обычно дискуссии между сторонниками той или другой избирательной системы сводятся к проблеме, что предпочтительнее в качестве результата применения данных моделей; сильное стабильное правительство и «персонифицированное» представительство местных интересов (мажоритарная система) или более представительное правительство и представительство реальных «посредствующих структур» (партий), в том числе меньшинств? (пропорциональная система).

К достоинствам пропорциональной избирательной системы можно отнести то, что система пропорционального представительства предполагает распределение мест в парламенте в соответствии с количеством процентов голосов, полученных на выборах по партийным спискам в едином общенациональном избирательном округе или в нескольких больших региональных округах.

Переход к пропорциональной системе выборов позволяет полнее и точнее учитывать голоса избирателей, поскольку процент непроголосовавших за партии-победительницы

составляет от 15 до 20 %, а на мажоритарных выборах может достигать до 60–65 %.

Пропорциональное представительство благоприятствует становлению многопартийности политической системы, однако не создает стимулов к формированию предвыборных коалиций. В результате формируется партийная система, включающая множество негибких, независимых и относительно стабильных партий.

К изъянам пропорциональной системы можно отнести: голосование не за конкретных кандидатов, а за партийные списки (особенно при голосовании по общенациональным округам), что приводит к утрате непосредственной связи между депутатами и избирателями; высокой степени зависимости депутата от «своей» партии (такая несвобода может негативно отразиться на процессе обсуждения и принятия важных законопроектов). Кроме того, пропорциональное представительство способствует формированию и выражению более экстремистских позиций партий по политическим проблемам. Партии, конкурирующие между собой в малых округах, будут по преимуществу ориентироваться на персональных лидеров и патронаж, тогда как партии, конкурирующие в больших избирательных округах, будут склонны к обозначению конкретных проблем. В этих условиях в больших избирательных округах и партии будут занимать более идеологизированную позицию.

В силу сложившейся логики формирования федеральных органов власти России ключом к расшифровке сценариев выборов в Государственную Думу являются выборы Президента России. Партия-победительница на выборах в Государственную Думу становится опорой лидера президентских выборов.

Таким образом, ставка на выборах в Государственную Думу крайне высока. Это отчетливо осознается властвующей элитой и менее отчетливо гражданским сообществом.

В проведенном в мае 2007 года [1] социологическом опросе была установлена степень

Таблица 1

	Очень значимо + скорее значимо	Скорее не значимо + не значимо	Затрудняюсь ответить
Выборы Президента России	90,5	5,4	4,1
Выборы депутатов Госдумы	61,4	29,0	9,6
Выборы депутатов ЗСО	59,5	28,6	11,9
Выборы главы города (района)	79,1	13,1	7,8
Выборы депутатов городского (районного) собрания	55,8	31,5	12,7

значимости для населения области выборов различного уровня (табл. 1):

Как видим, выборы в Госдуму занимают только третье место по степени значимости, попадая на один уровень с выборами депутатов ЗСО.

Использование пропорциональной системы формирования Государственной Думы ставит перед властвующей элитой как федерального, так и регионального уровня принципиально новую задачу — сформировать списки партийных кандидатов, способных улавливать не только интересы власти, но и чаяния и ожидания избирателей. Решать эту задачу партийные команды могут по-разному: либо ориентироваться на популярность, авторитет и профессионализм будущих депутатов, либо свести выборы к назначению кандидатов административным или партийно-бюрократическим путем, путем торгов между бюрократическими структурами и экономическими группами.

При переходе от смешанной избирательной системы к пропорциональной не менее важно сохранить баланс интересов центра и регионов. Зависеть этот баланс будет от того, насколько руководящие федеральные партийные структуры поделятся своим ресурсом при принятии решения о составе регионального списка кандидатов с областными партийными органами. И еще от одного обстоятельства — от того, насколько партийно-политические интересы будут доминировать над финансовыми интересами.

До выборов в момент опроса оставалось пять месяцев. Срок достаточно большой для того, чтобы партии смогли опровергнуть любые прогнозы политологов и социологов. Но ведь прогнозы для того и делаются, чтобы оценить по достоинству успешных, а отстающих подтолкнуть к более активным действиям. Срок в пять месяцев — это для лидеров еще и время сохранения и преумножения своих ресурсов и статуса. По правилам игры при пропорцио-

нальной избирательной системе выиграют те региональные отделения партии, которые сумеют обеспечить более высокую явку избирателей и более высокий процент голосов за свой список. Сегодня Челябинская область представлена в Государственной Думе 5 депутатами от мажоритарных округов и 4 от политических партий.

За что, за какое количество мандатов можно бороться политическим партиям и избирателям области?

Попробуем для начала оценить, какие идейно-политические ценности привлекательны для избирателей. Ответы на вопрос «Какое из идейно-политических течений в России вам наиболее близко?» распределились следующим образом.

Таблица 2

Рейтинг популярности идейно-политических течений у населения Челябинской области

	Челябинская область [2]	Россия [3]
За социальную справедливость	54,4	42
За рынок и политическую демократию	10,1	18
За русские национальные ценности	15,8	11
Ни одно из них (в том числе другое)	26,4	18
Затрудняюсь ответить	—	11

Ценностное отношение к демократии (течение «За рынок и политическую демократию») на когнитивном уровне обнаружил только каждый десятый житель Челябинской области.

Более половины (54 %) населения регио-

Таблица 3

Рейтинг электорально-партийных предпочтений в Челябинской области и России [4]

	В целом	Голосующие	Прогноз на 02.12.2007	Прогноз ВЦИОМ на 02.12.2007	Левада-центр опрос 11-14 мая 2007
Единая Россия (Б. Грызлов)	35,0	46,3	53	46,1	58
Справедливая Россия: Родина / пенсионеры / жизнь (С. Миронов)	8,7	10,7	17	12,6	8
КПРФ (Г. Зюганов)	8,2	10,3	14	15,7	18
ЛДПР (В. Жириновский)	7,4	7,3	9	7,5	11
Яблоко (Г. Явлинский)	1,6	1,6	2	2,8	1
Аграрная партия России (В. Плотников)	0,4	0,5	1	3,5	–
СПС (Н. Белых)	0,4	0,6	1	4,8	3
какую еще, напишите	1,4	0,6	3	7,0	2
затрудились ответить	36,5	21,9	–	–	–

на тяготеют к ценности социальной справедливости, примерно каждый шестой – к русским национальным ценностям, а каждый четвертый – ни к одному из предложенных в анкете.

Следующим шагом попробуем определить процент голосов, которые получили бы партии, если бы выборы проходили во время опроса, т. е. в марте 2007 года.

Прогноз рассчитан от числа голосующих избирателей. Бесспорным лидером электоральной поддержки по критерию готовности голосовать в настоящее время выступает политическая партия «Единая Россия».

Вообще, впереди те партии, которые в названии используют слово Россия – единая, справедливая, коммунистическая, либерально-демократическая.

Чем можно объяснить подобные прогнозные результаты голосования?

Отчасти они объясняются антирейтингом этих партий. Как правило, те партии, которые имеют отрицательный баланс показателя рейтинг – антирейтинг, большого прироста голосов на выборах не получают.

За партию «Единая Россия», по результатам опроса, в среднем *не* проголосовали бы

Таблица 4

Антирейтинг политических партий по критерию нежелания за них голосовать [5]

	В целом	Голосующие	Рейтинг от голосующих	Разность рейтинга и антирейтинга
ЛДПР (В. Жириновский)	34,4	42,0	7,3	–34,7
КПРФ (Г. Зюганов)	28,1	31,0	10,3	–20,7
Яблоко (Г. Явлинский)	22,3	25,0	1,6	–23,4
СПС (Н. Белых)	21,8	23,5	0,6	–22,9
Единая Россия (Б. Грызлов)	13,9	12,9	46,3	+33,4
Аграрная партия России (В. Плотников)	10,1	10,7	0,5	–10,2
Справедливая Россия: Родина / пенсионеры / Жизнь (С. Миронов)	9,9	9,2	10,7	+1,5
какую еще, напишите	0,8	0,6	–	–
затрудились ответить	35,2	26,5	21,9	–

Таблица 5

Партийно-политическое позиционирование и вторичный партийный выбор [6]

	В целом	ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЫБОР				
		Единая Россия	Справедливая Россия:	КПРФ	ЛДПР	Затрудняюсь ответить
ЕСЛИ ПАРТИИ, ЗА КОТОРУЮ ВЫ РЕШИЛИ ГОЛОСОВАТЬ НЕ БУДЕТ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ СПИСКЕ, ТО ЗА КАКУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ ПАРТИЮ ВЫ ПРОГОЛОСУЕТЕ?						
Справедливая Россия: Родина / пенсионеры / Жизнь (С. Миронов)	5,8	13,9	7,1	13,4	3,9	0,4
Единая Россия (Б. Грызлов)	5,2	3,9	21,4	6,1	12,8	1,0
КПРФ (Г. Зюганов)	3,4	7,4	9,5	4,9	2,6	0,2
ЛДПР (В. Жириновский)	2,9	6,1	2,4	6,1	5,1	0,2
Аграрная партия России (В. Плотников)	1,5	1,7	6,0	1,2	1,3	0,0
Яблоко (Г. Явлинский)	1,2	2,6	1,2	0,0	3,9	0,0
СПС (Н. Белых)	0,7	0,9	2,4	1,2	0,0	0,0
какую еще, напишите	2,1	4,4	0,0	9,8	0,0	0,2
затрудняюсь ответить	77,3	59,1	50,0	57,3	70,5	98,0

15 %, или каждый седьмой избиратель Челябинской области. В настоящее время она не вызывает массовые отрицательные эмоции у избирателей. Разность между рейтингом и антирейтингом составляет положительную величину – 33,4 %.

Центром электорального неприятия, по результатам опроса, является ЛДПР, за которую никогда бы не стал голосовать каждый третий житель области (34 %, а среди сторонников «Единой России» – 44 %). Близок к этому показатель отрицательного отношения к КПРФ (28 %, среди же сторонников «Единой России» – 41 %). В этом же ряду лидеров отрицательного отношения, а по существу аутсайдеров – правые партии – «Яблоко» и СПС, за которые не проголосовал бы каждый пятый избиратель Челябинского региона. Еще более примечательно, что из всех партий менее всех вызывает неприятие «Справедливая Россия», которую в антирейтинге отметил только каждый десятый избиратель.

На основе опроса, проведенного в мае месяце в Челябинске [6], были установлены возможные перетоки голосов избирателей.

Единая Россия за счет потерь других партий может увеличить свой рейтинг (в расчете от всех опрошенных) – до 40,2 %, Справедливая Россия – до 16,2 %, КПРФ до 11,6 %, а ЛДПР до 10,3 %, Естественно, это позволит повысить их рейтинги и от числа голосующих. Но получение этих дополнительных голосов очень тру-

доемкое дело, а результат прироста в лучшем случае будет составлять до половины от установленных процентов возможного перетока.

Еще одним ресурсом, способным подтвердить цифры, заявленные в нашем прогнозе, является личностно-лидерский ресурс. Речь идет о количестве региональных политиков, которые могут встать под знамена партии. Если оценить возможности региональных отделений партий, то складывается такая картина: «Единая Россия» способна поставить «под ружье» десять – пятнадцать авторитетных и влиятельных политиков, и список их скорее всего будет включать П. Сумина, В. Мякуша, М. Юревича, А. Аристову, В. Панова, В. Рашникова, С. Ишмуратову, каждый из которых побудит голосовать за него и за партию от 35 % как П. Сумин, до 20 % как М. Юревич и В. Мякуш политически не ориентированных избирателей.

«Справедливая Россия» пока не имеет в своей команде региональных политиков, способных подвигнуть голосовать за партию даже 5 % избирателей области. Ее электоральным ресурсом является привлекательность удачного названия (справедливость всегда в моде) и авторитет федерального партийного лидера, которому в Челябинске доверяет 16,9 % избирателей. У «Справедливой России» есть резерв. Им могут стать политики, которые по тем или иным причинам не попадут в региональный список единороссов. Речь идет как о действующих депутатах Государственной

Думы, так и о влиятельных представителях региональных бизнес-групп. Seriously усилить позиции этой партии мог бы депутат Государственной Думы В. Гартунг, но пока вопрос об его участии в выборах открыт. А возможность перехода депутатов Госдумы, являющихся сейчас членами «Единой России», в «Справедливую Россию» связана с понятными всем моральными и политическими издержками. Издержки эти могут оказаться весомее приобретений, как для партии спавороссов, так и для самих депутатов.

У КПРФ список известных и авторитетных политиков областного масштаба влияния может составить 3–4 имени — это П. Свечников, В. Горбачев, С. Поклокова и, пожалуй, все.

Самое сложное положение с формированием списка у ЛДПР. Кто в него попадет, зависит от мнения В. Жириновского и от способности кандидата оказать финансовую поддержку избирательной кампании партии.

Весьма показательно выглядят базовые электоральные группы партий, преодолевающих 7 %-й заградительный барьер. У Единой России это женщины, избиратели в возрасте 31–50 лет, с высшим образованием, служащие и специалисты, 61 % имеют доходы на одного члена семьи от 1000 до 5000 руб. в месяц, 29 % — от 5000 до 10 000 руб., а 9 % — свыше 10 000 руб., 44 % ее избирателей удовлетворены своей жизнью, 48 % — не удовлетворены.

У Справедливой России это мужчины, избиратели старше 50 лет, с начальным и неполным средним, а также высшим образованием, 70 % имеют доходы от 1000 до 5000 руб., 20 % — от 5000 до 10 000 руб., 9,5 % — свыше 10 000 руб., 27 % ее избирателей удовлетворены своей жизнью, а 66 % — не удовлетворены.

У КПРФ это избиратели старше 50 лет с начальным и незаконченным средним образованием, пенсионеры, 78 % которых имеют доходы от 1000 до 5000 руб., 16 % — от 5000 до 10 000 руб., 6 % — свыше 10 000 руб., 27 % ее избирателей удовлетворены своей жизнью, а 66 % — не удовлетворены.

У ЛДПР это мужчины, избиратели в возрасте от 18 до 30 лет, со средним общим и специальным образованием, рабочие, студенты вуза, техникума, 63 % имеют доходы от 1000 до 5000 руб., 22 % — от 5000 до 10 000 руб., 10 % — свыше 10 000 руб., 40 % ее избирателей удовлетворены своей жизнью, а 52 % — не удовлетворены [7].

Получается, что прирост голосов у спавороссов и коммунистов может произойти за счет перераспределения представителей части их

базовых электоральных групп, и они объективно вынуждены будут бороться за одни и те же группы избирателей.

«Единая Россия» и ЛДПР имеют свои обособленные группы избирателей и увеличить электоральную поддержку смогут, только повысив явку этих категорий населения и их готовность отдать голоса за эти партии.

Вопрос о явке избирателей наиболее дискутируемый специалистами и политиками в связи с предстоящими в декабре 2007 года выборами в государственную Думу. Оказалось, что при переходе на пропорциональную избирательную систему от количества голосов избирателей зависит не только неощутимая легитимность их итогов, но и реальное количество депутатских мандатов, которые получат или не получат региональные отделения политических партий. Выборы в Госдуму образца 2007 года будут отличаться от всех парламентских, проходивших в России с 1993 года, не только конкуренцией за голоса избирателей между разными политическими партиями, но и жесткой конкуренцией за голоса избирателей между региональными отделениями внутри одной политической партии. На последнее хочется обратить особое внимание, так как формула успеха партии на выборах предполагает жесткую политическую конкуренцию на федеральном уровне — от этого зависит попадание партии в Госдуму и практически вынужденное сотрудничество региональных отделений за более высокую явку избирателей. Соперничество между партиями в регионе будет незначительно влиять на результат голосования за партию. Значит для региональных отделений важнее становится более содержательное общение с избирателями и артикуляция их интересов.

От уровня явки будет зависеть успех или неудача региональных партийных структур. К примеру, при относительно невысокой явке — 35 % — количество депутатских мандатов будет определяться от числа проголосовавших избирателей, а их в этом случае в Челябинской области будет всего около 940 тысяч голосов. При общероссийской цене мандата в 100 тысяч голосов Челябинское региональное отделение «Единой России», набрав 50 %, а это 470 тысяч голосов избирателей, получит возможность распределить 4 депутатских мандата. В Башкирии при 50 %-й явке и 50 %-м голосовании за Единую Россию партия получит право распределить 7 мандатов, а в Красноярском крае при тех же показателях только 5 мандатов. Что на предстоящих выборах может повлиять на электоральную активность

жителей области?

Вопрос первый, будет ли зависеть явка избирателей от тех новаций, которые внесены в закон о защите прав избирателей. В мае месяце Челябинский институт УрАГС провел социологическое исследование об отношении населения к выборам [7].

Ответы на вопрос «*В ОБЛАСТИ ВРЕМЯ ОТ ВРЕМЕНИ ПРОХОДЯТ ВЫБОРЫ. СКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, ВЫ ЛИЧНО УЧАСТВУЕТЕ В ВЫБОРАХ ВСЕГДА, ЧАСТО, РЕДКО ИЛИ НИКОГДА НЕ УЧАСТВУЕТЕ В ВЫБОРАХ?*» распределились следующим образом.

Всегда, по самооценкам, участвуют в выборах 39,7% – четверо жителей области из каждых десяти, и это недалеко от истины, поскольку именно таков среднестатистический показатель явки на выборы в Челябинской области, да и в России в целом. Выше он только тогда, когда выбирают Президента России. Примерно каждый третий – 27,3% – участвует в выборах часто, каждый четвертый – 22,7% – редко, а каждый десятый – 8,7% – никогда.

Всегда участвуют в выборах, главным образом, женщины, избиратели в возрасте 51–60 лет и старше 60 лет, имеющие высшее образование, по социальному статусу специалисты и пенсионеры, по месту работы – сотрудники бюджетных организаций, с доходами ниже среднего уровня. Именно они, а не молодые и в экономическом отношении более активные и более обеспеченные делают политическую погоду на выборах.

Часто принимают участие в выборах, прежде всего, избиратели средних возрастных групп – 31–40 лет и 41–50 лет, по социальному статусу рабочие, по месту работы – работники частных промышленных предприятий, с доходами среднего уровня.

Редко участвуют в выборах, в большей мере, мужчины, представители молодежи до 30 лет и возраста 31–40 лет, имеющие среднее образование, по социальному статусу рабочие, по месту работы – работники промышленных госпредприятий, организаций и ИЧП, с доходами среднего уровня.

Никогда не участвуют в выборах, как правило, мужчины, представители молодежи и избиратели возраста 31–40 лет, не имеющие среднего образования, по социальному статусу – рабочие, студенты и безработные и временно не работающие, по месту работы – из частных промышленных предприятий, с доходами выше и ниже среднего уровня [8].

Таким образом, основными социальными-демографическими особенностями, оп-

ределяющими степень активности участия в выборах, являются возраст (чем он моложе, тем ниже активность), пол (женщины более активны, а мужчины – заметно менее) и уровень доходов (чем он выше, тем меньше у человека охоты принимать участие в выборах).

Довольно интересно распределились ответы респондентов на вопрос: «*В ОБЛАСТИ ВРЕМЯ ОТ ВРЕМЕНИ ПРОХОДЯТ ВЫБОРЫ. ОДНИ СЧИТАЮТ, ЧТО ВЫБОРЫ НУЖНЫ, ДРУГИЕ СЧИТАЮТ, ЧТО ВЫБОРЫ НЕ НУЖНЫ. С КАКОЙ ТОЧКОЙ ЗРЕНИЯ ВЫ СОГЛАСНЫ – С ПЕРВОЙ ИЛИ ВТОРОЙ?*»

Примерно две трети – 63,8% – жителей региона считают, что выборы нужны, каждый же пятый (19,9%) – что они не нужны. Полученные данные свидетельствуют о достаточно отчетливо выраженной ориентации большинства избирателей на политическое участие в жизни региона.

Сравнение двух контрастных групп помогает понять социально-демографическую природу формирования отношения к выборам. Итак, позиции «выборы нужны» придерживаются, прежде всего, женщины, избиратели старше 60 лет, имеющие высшее образование, по социальному статусу – специалисты и пенсионеры, по месту работы – бюджетники и те, кого называют ИЧПешниками – их среди опрошенного населения области в выборке оказалось 14%, избиратели со средним уровнем доходов.

Позиция «выборы не нужны» более характерна для мужчин, избирателей среднего возраста 41–50 лет, не имеющих среднего образования и со средним образованием, по социальному статусу – это рабочие, служащие, а также безработные и временно не работающие, по месту работы – работники промышленных госпредприятий, по материальной обеспеченности живущие либо выше среднего уровня, либо – за гранью бедности.

Наряду с привычкой к политическому институту выборов в ходе опроса мы попытались выяснить и отношение населения к тому, чью политическую волю отражают выборы.

Ответы на вопрос «*ОДНИ СЧИТАЮТ, ЧТО РЕЗУЛЬТАТЫ ВЫБОРОВ ОТРАЖАЮТ МНЕНИЕ НАРОДА. ДРУГИЕ СЧИТАЮТ, ЧТО РЕЗУЛЬТАТЫ ВЫБОРОВ НЕ ОТРАЖАЮТ МНЕНИЕ НАРОДА. С КАКОЙ ТОЧКОЙ ЗРЕНИЯ – С ПЕРВОЙ ИЛИ ВТОРОЙ – ВЫ СОГЛАСНЫ?*» получили следующее распределение.

Каждый третий житель Челябинской области (31,9%) считает, что выборы отражают мнение народа, почти половина (48,6%)

что выборы не отражают мнение народа, при каждом пятом затруднившимся ответить на этот вопрос (19,6%). Выявленный показатель недоверия почти половины жителей региона к результатам выборов отражает весьма тревожный факт. Вполне логично предположить, что одна из капитальных причин неучастия части населения в выборах — это не выполнение этим демократическим институтом главного их назначения — трансляции гласа народа на властную элиту и ее политику.

Если сравнить две контрастные группы по оценке демократичности результатов выборов (т.е. выражению воли народа), можно выявить такие их особенности. Считают, что выборы отражают мнение народа, прежде всего, женщины, избиратели молодого возраста до 30 лет, имеющие высшее образование, по социальному статусу — специалисты, по месту работы — бюджетники с доходами выше среднего уровня.

Избиратели, считающие, что выборы не отражают мнение народа, это, прежде всего, мужчины, избиратели среднего возраста 41–50 лет, не имеющие среднего образования, по социальному статусу — рабочие, служащие, безработные и временно не работающие, со среднестатистическим распределением по месту работы, с доходами ниже среднего уровня.

Много копий аналитиками накануне выборов было сломано по поводу отказа сохранять в бюллетенях для голосования графы «против всех».

Ответы на вопрос «*НА ПРЕДСТОЯЩИХ ВЫБОРАХ В БЮЛЛЕТЕНЯХ БУДЕТ ОТСУТСТВОВАТЬ ГРАФА «ПРОТИВ ВСЕХ». КАКУЮ ПОЗИЦИЮ ВЫ ПРЕДПОЧТЕТЕ?»*» распределились так.

Оценивая свою позицию, большинство граждан избрали вполне конструктивное решение — будем делать более тщательный выбор, кому из кандидатов отдать свой голос (57% опрошенных). Почти каждый пятый (17,5%) ориентирован на то, чтобы отказываться от участия в выборах (18%). При этом каждый четвертый (22,6%) затруднился выразить свое отношение к отраженной в анкетном вопросе коллизии. Как показали выборы, прошедшие в марте 2007 года в 14 регионах, выборное пространство из-за отмены графы «против всех» не рухнуло, и вмененная новация катастрофически не повлияла на результативность и явки и итоги выборов.

Сравнивая две контрастные группы по вопросу об отношении к отмене графы «против всех», можно зафиксировать социально-де-

мографические факторы, влияющие на формирование той или иной позиции.

Будут тщательнее выбирать, кому отдать свой голос, прежде всего, женщины, избиратели старшего после 60 лет возраста, имеющие высшее образование, по социальному статусу — пенсионеры, по месту работы — бюджетники со среднестатистическим распределением по уровню доходов.

Испортят, порвут, выбросят бюллетень [9] избиратели, считающие, что выборы не отражают мнение народа, это, прежде всего, мужчины, избиратели среднего возраста 41–50 лет, не имеющие среднего образования, по социальному статусу — рабочие, служащие, а так же безработные и временно не работающие, со среднестатистическим распределением по месту работы, с доходами ниже среднего уровня.

Не будут участвовать в выборах из-за отмены графы «против всех» вообще, в первую очередь, избиратели-мужчины, представители молодежи до 30 лет и среднего возраста 31–40 лет, не имеющие среднего образования, по социальному статусу — рабочие, безработные и временно не работающие, по месту работы — работники с государственных и частных промышленных предприятий с доходами выше среднего уровня.

Еще одна будоражившая умы политиков и аналитиков новация — это отмена порога явки на выборы. Ответы на вопрос «*КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К ОТМЕНЕ ПОРОГА ЯВКИ НА ВЫБОРЫ?»*» имеют такое распределение.

Положительное отношение, по результатам опроса, продемонстрировал только каждый четвертый житель региона — 25,7%. Отрицательно относятся к отмене порога явки 43,4% участников опроса, т.е. в 1,7 раза больше, чем положительно, при каждом третьем (31%) затруднившимся в момент опроса с определенной оценкой предложенной ситуации.

Представляется, что подобные показатели также свидетельствуют о достаточно здоровом отношении наших граждан к форматно-процедурным трансформациям выборного пространства, поскольку снижение требований к представительности выборов неминуемо влечет за собой снижение легитимности их результатов.

Примечательно, что позитивно (как отпущение грехов) восприняли отмену порога явки на выборы те избиратели, которые отличаются электоральной пассивностью, обычно не ходят на выборы, а негативно — электорально более активное население, что следует из

данных сравнения социально-демографических характеристик этих контрастных по позиции групп.

Иными словами, одобрительно к отмене порога явки на выборы отнеслись, в первую очередь, те, кто на них и не ходит. А отрицательно — именно те, кто участвует в выборах.

Ответы на вопрос «КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ОТМЕНА ПОРОГА ЯВКИ ПРИВЕДЕТ К ТОМУ, ЧТО НА ВЫБОРЫ БУДЕТ ПРИХОДИТЬ БОЛЬШЕ ИЗБИРАТЕЛЕЙ, МЕНЬШЕ ИЛИ УРОВЕНЬ ЯВКИ НЕ ИЗМЕНИТСЯ?» распределились следующим образом.

Четверо из каждых десяти опрошенных (37,7 %) посчитали, что уровень явки на выборы не изменится, а каждый пятый (22,1 %) — что он станет меньше при каждом третьем (34 %) затруднившись. Как свидетельствует выборная практика последнего времени, в частности, выборы 11 марта 2007 года, последние отмены порога явки в разных регионах были разными: имело место и сохранение уровня явки, и его уменьшение до курьезно малой величины (в одном из сельских поселений Курганской области, где на выборы пришло всего два избирателя).

Итак, именно явки лежит в основе электоральной стоимости мандата депутата, хотя количество их конечно — 450. По оценкам одно место в Госдуме будет стоить для партий 100 тысяч голосов. Естественно, возможны подвижки на 5–10–15 тысяч в большую или меньшую сторону. По данным опроса, проведенного нашей лабораторией, прогноз явки в Челябинской области на выборах в декабре 2007 года составит 41 % ± 5 %. На выборах 2003 года явка в области составила 52,6 %.

Для оценки ситуации возьмем благоприятную высокую границу прогноза — явки по области 46 %. В численном выражении это будет составлять примерно 1 250 000 тысяч голосов

избирателей.

Итак, если в выборах примут участие 1 250 000 избирателей, в этом случае в соответствии с рассчитанным прогнозом Единая Россия сможет получить — 660 000 тысяч голосов, Справедливая Россия — 212 000 голосов, КПРФ — 175 000 голосов, а ЛДПР — 112 000 голосов. Цифры, естественно, примерные прогнозные и даны с учетом 5 % коридора погрешности. Границы числа набранных голосов подвижны и зависят от числа готовых принять участие в выборах. Но и по этим прогнозным данным хорошо видно, что Единая Россия может бороться за 6–7 мандатов, Справедливая Россия за 2 мандата, КПРФ за 1–2 мандата, ЛДПР за 1 мандат. При благоприятном раскладе область после выборов может быть представлена 12 депутатами, при неблагоприятном — 10 депутатами. Если Справедливая Россия усилится и будет вместе с КПРФ бороться против Единой России, то в лучшем случае они лишат партию лидера одного мандата. Для Единой России хорошим будет считаться результат в шесть мандатов, плохим — пять. Для Справедливой России и КПРФ хорошим будет результат выиграть по 2 мандата, удовлетворительным по одному. ЛДПР, скорее всего, ограничится одним мандатом.

Анализируя предвыборную ситуацию, мы говорим о коридоре возможностей «здесь и сейчас». Партии могут им воспользоваться в большей или меньшей мере, усилить свое влияние, и это может случиться и не случиться. Ясно одно — пропорциональная система выборов дает реальный шанс увеличить число представителей от Челябинской области в Государственной Думе. Если состав кандидатов будет работоспособным и ориентированным на защиту и реализацию перспектив экономического и социального развития области, то все жители региона от этого только выиграют.

1. Опрос проведен Челябинским институтом (филиалом) УрАГС 18–27 мая 2007 г. Опрошено 1003 респондента в Челябинской области. Статистическая погрешность ± 2 %.

2. Опрос проведен Челябинским институтом (филиалом) УрАГС 18–27 мая 2007 г. Опрошено 1003 респондента в Челябинской области. Статистическая погрешность ± 2 %.

3. Всероссийский опрос ВЦИОМ проведен 24–25 марта 2007 г. Опрошено 1600 человек, в 153 населенных пунктах, в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4 %.

4. Опрос проведен Челябинским институтом (филиалом) УрАГС 18–27 мая 2007 г. Опрошено 1003 респондента в Челябинской области. Статистическая погрешность ± 2 %.

5. Опрос проведен Челябинским институтом (филиалом) УрАГС 19–25 марта 2007 г. Опрошено 1611 респондентов в Челябинской области. Статистическая погрешность ± 2 %.

6. Опрос проведен НП «Центр анализа и прогнозирования» 18–21 мая 2007 г. Опрошено 1005 респондентов в г. Челябинске. Статистическая погрешность ± 2 %.

7. Опрос проведен НП «Центр анализа и прогнозирования» 18–21 мая 2007 г. Опрошено 1005 респондентов в г. Челябинске. Статистическая погрешность ± 2 %.

8. Опрос проведен Челябинским институтом (филиалом) УрАГС 18–27 мая 2007 г. Опрошено 1003 респондента в Челябинской области. Статистическая погрешность ± 2 %.

9. При перечислении данных групп избирателей речь идет о их превышении над среднестатистическим числом избирателей на величину от 3 до 16 %.

10. Сведения по этой группе не репрезентативны по причине ее статистической малочисленности (2,9 %).

РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРНО-МИГРАЦИОННАЯ СИСТЕМА И РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

А. В. КВАКИН

В последние десятилетия одной из животрепещущих тем массового сознания представляется тематика миграционных процессов. Все чаще доводится читать статьи и книги о миграционных проблемах России и Зарубежья. Становится ясно, что в ближайшие десятилетия проведение исследования миграционных процессов останется одной из наиболее злободневных тем в истории, социологии, демографии и в других, соприкасающихся с данной проблематикой науках. Вследствие этого обращение к истории миграционных процессов совершенно закономерно.

Как правило, под культурно-миграционными процессами понимают совокупность перемещений населения через границы и связывают ее с пространственной подвижностью [1]. Но большинство исследователей этим сужают представление о пространственной мобильности принадлежат движению двух видов: «движение людей через границы» (эмиграции, иммиграции, реэмиграции, внутренние подвижки населения, вызванные как насильственными мерами правительства, так и не контролирующимися последним деяниями самого населения) и «движение границ через людей» [2]. «Движение границ через людей» охватывает трансформирование пределов государственных образований, результатом которого представляется подсоединение в социум чуждых его социальному, политическому, историческому или этнически-национальному формированию групп. Образцом подобного рода «движения границ через людей» сделались территориальные разделы Польши, изменение границ в Европе после Венского конгресса, объединение ФРГ и ГДР, развал СССР, Югославии, Чехословакии и так далее. Эти оба вида движений и характеризуют миграционные процессы в социумах. Миграционные процессы проходят в силу predetermined обстоятельств, сформировавшихся в том или другом социуме, и могут рассматриваться в качестве своеобразного отзыва социума на выработавшуюся в нем проблемную обстановку. Если обстоятельства, породившие миграции, удерживают собственное воздействие продолжительный интервал, то можно свидетель-

ствовать о культурно-миграционной системе, то есть об исторически сформировавшейся системе миграционных потоков, детерминированных политическим, социальным, экономическим, демографическим и национально-культурным созреванием государства (в случае эмиграции державы принимающей и державы выпускающей), определенных данным выработыванием форм миграций, приспособлениях регулирования миграционных процессов, решения проблем адаптации/ассимиляции, целого комплекса взаимоотношения к чужакам (последнее в вящей мере свойственно для эмиграций) [3]. Каждый из перечисленных компонентов культурно-миграционной системы заслуживает отдельного проведения исследования, что произвести в небольшом докладе попросту неосуществимо. Свидетельствуя о характеристике культурно-миграционной системы России, надо зафиксировать, что государство до XIX столетия представляет собой закрытое общество. Уровень закрытости зависел от объективно-исторических обстоятельств и воли конкретного самодержца. Даже в либеральное царствование Александра I в 1822 году запретили зачисление в Дерпский университет студентов, бывавших в германских университетах, а в 1823 году наложили запрет приезжать на обучение в германские университеты. При Николае I существовало запрещение на внешнюю эмиграцию, государство вновь делалось совершенно закрытым обществом. Эмиграция при всем при том совершалась, однако, мизерными темпами. Обыкновенно, державу оставляли недовольные наличествующим строем. Участь А. И. Остермана-Толстого, Н. И. Тургенева, Н. И. Сазонова, М. А. Бакунина, А. И. Герцена и многих иных тому яркие примеры [4]. Активно использовались меры влияния на представителей революционных групп вне России. Запрет внешних миграций мог восполниться неупорядоченными процессами внутренних переселений на Кавказ и в Сибирь, приспособлением сформировавшихся на территории России диаспорных групп. В общей сложности миграционная активность до завершения XIX века была мала. О насыщенности внутренних миграций можно

говорить едва только условно. Переселение в Амурскую область в 1859–1882 гг. составило всего 8709 человек [5].

Адаптация создавшихся на территории российской империи диаспорных групп представлялось непосредственным результатом миграционной активности XVIII века и характеризует культурно-миграционную систему России [6]. Образцом одной из подсобных диаспорных групп сделалась немецкая диаспорная группа. К немцам в XIX столетия в российской империи причисляют этническую группу, сформировавшуюся вследствие «движения людей через границы» (главным образом, немецкие колонисты) и «движения границ через людей» (территориальные передель XVIII – начала XIX вв.). Общая численность немецкой диаспорной группы в 1897 году составляет 1,43 % от общего количества народонаселения России, или 1 790 500 человек [7]. Она распадается на «закрытую» диаспорную группу, отказывающуюся адаптироваться/ассимилироваться в новой национально-культурной среде, и «открытую», каковая сама тяготеет к адаптации/ассимиляции. Основаниями сохранения закрытых диаспорных групп среди немецкого населения России стало занятие немцев в России сельским хозяйством, высокие непропорциональности в созревании агрокультуры в России и Германии. В 1897 году сельским хозяйством среди немцев занималось 70,72 % от их общей численности в российской империи. Как будто бы количество данное не настолько грандиозно по сопоставлению с поляками (77,7 %) или русскими (83,71 %) [8]. Однако, принимая во внимание тот факт, что сельское хозяйство немецкими колонистами, а это были собственно они, велось на окраинах, можно с уверенностью сказать, что многие из них существовали обособленно и не чувствовали себя гражданами Российской империи. Кроме того, правительство царской России оказалось неспособным довести полностью собственные намерения относительно колонистов и сделать их проводниками европейской цивилизации (Kulturtrager) в российскую деревню. Повинно тут не только лишь царское правительство, но и сама российская деревня, каковая не была подготовлена к тому, чтобы перенимать самое наилучшее из европейского агрохозяйствования. Неспроста И. И. Петрункевич, наблюдавший отдаление немцев от здешнего окружения, подметил: «... Правительство сделало все, чтобы изолировать колонистов от местного насе-

ления...» [9]. Но правительство, кое не смогло применить потенциал немецкого населения в сельском хозяйстве, содеяло все для того, чтобы использовать городское немецкое население на службе России. Процент урбанизации среди немецкой диаспорной группы был одним из самых больших – 23,38 %, когда как у поляков он составлял 18,35 %, у греков 17,99 %, а у русских 15,85 % [10]. Многоконфессиональность и полиэтничность – одна из составных черт российского города [11], которая споспешествовала культивированию специальной открытости российских городов. В Петербурге организовалась одна из самых больших немецких диаспор (4 % от населения города), в Саратове этот процент был еще выше – 6 % от населения города [12]. Отказ от применения столь крупных диаспорных групп был бы просчетом со стороны правительства, так как среди настоящих диаспорных групп был высок процент квалифицированных специалистов. Для немцев типично присутствие собственных ниш в структуре российской элиты XIX века: управление и армия. Для высшего офицерства можно даже вывести обусловленную закономерность: чем выше ранг офицера, тем выше число немцев. Косвенно это подтверждается данными о вероисповедании в российской армии. Дело в том, что большинство представителей немецкой диаспорной группы в России исповедовали лютеранство, а по лютеранам в армии имеется следующая статистика: из 2676 полковников российской армии 10 % составляли лютеране, из 1468 генералов – 10,3 %, из 132 высших генералов – 14,7 % [13]. Общее число немцев, служивших в российской армии, составляет 1 % от числа всей немецкой диаспоры в России [14]. Из приведенной статистики вытекает, что большинство из них пребывали на самых высших командных должностях. 1,2 % членов немецкой диаспоры входили в слои высших управленцев России [15]. К тому же, торговля и банковское дело составляло особый домен немецкой диаспоры, где 2,5 % ее было занято в торговле. Среди немцев было немало и представителей так называемых свободных профессий – 2,3 % [16]. Проблема этнического состава российской интеллигенции и культурных воздействий остается в данном отношении одной из самых запутанных. В конце концов, нужно сказать, что немецкая диаспорная группа – одна из наиболее привилегированных диаспорных групп России: 0,96 % личных дворян и 1,39 % потомственных дворян. Для поляков этот по-

казатель составляет 0,78 % и 4,41 % соответственно [17].

Таким образом, земледельческая мало-развитость России, неспешные темпы промышленного переворота, обособленность некоторых частей государства сдерживали миграционную активность. Ее надобность состояла в переносе культурно-прогрессивных элементов из цивилизованных областей государства в малоразвитые, то есть в применении при модернизации внутренних возможностей державы. На материале XIX столетия ответить на вопрос о культурно-миграционной системе России можно до чрезвычайности сложно. Правильнее нужно свидетельствовать о том, что культурно-миграционная система в России едва только стала оформляться. Стержневыми элементами данного оформления делается энергичное привлечение чужестранцев на службу России, территориальные подвижки XVIII — начала XIX вв., проявившиеся в так называемом «движении границ через людей». Помимо поощрения территориальных приобретений специфическим для России представляется и продолжение внутренних переселений. Снаружи бытие России XVIII-XIX вв. обозначено стремлениями приумножения пространственной подвижности. Однако отсутствие опыта регулирования пространственной мобильности, архаичный тип государственного устройства, утверждение самобытности России и опасение революций ставят перед необходимостью, с одной стороны, отступить от государственного регулирования иммиграционно/эмиграционного потока и, не мудрствуя лукаво, прикрыть вероятность въезда/выезда, а, с другой стороны, нерешительно лицезреть неупорядоченность внутренних миграций, увеличения пространственной подвижности внутри государства. Собственно максимализм задач при решении проблем, связанных с миграционными потоками, обуславливает всю национально-государственную специфику выработки культурно-миграционной системы в России. В России XIX–XX вв. не сформировались ни устройство регулировки миграционных потоков, ни механизм адаптации/ассимиляции. То, что часть представителей немецкой и других диаспорных групп адаптировалась к условиям России, а часть даже ассимилировалась и привнесла лепту в российскую цивилизацию, представляется в большей степени заслугой самих членов данных диаспорных групп, чем царского правительства.

Территориальная достаточность России

тоже обозначалась в качестве замедляющего фактора (потенциал внутренних миграций, присутствия неассимилированных диаспорных групп). До такой степени сложные процессы при созревании культурно-миграционной системы отразились и во взаимоотношении с иноземцами здешних жителей.

Наиболее личная область существования всякого человека — его имя. У большинства иноземцев в эпизоде их ассимиляции берутся новые имена. В основном в качестве новых имен иностранцев наделяли именами русских святых [18]. Может статься, что это относится на счет суеверного трепета русского населения перед пришельцами. Процессы складывания культурно-миграционной системы в России указывают на отсутствие в государстве непосредственного взгляда на культурно-миграционные процессы, к их целесообразному применению. В российской реальности их приходилось регламентировать бесчисленными воспрещениями. Массовое сознание воспринимало миграционные процессы, обычно, отрицательно. Может статься, вследствие этого эмиграция из России коснулась в конце XIX — начале XX века по преимуществу нерусское население. В 1899–1909 гг. из количества уехавших из России 48,8 % были евреи, 27 % поляки, 9,6 % литовцы, 8,5 % финны, 5,8 % немцы и лишь 4,4 % русские, украинцы и белорусы [19].

В данный момент Россия пребывает в отыскании собственной новой культурно-миграционной системы. Но полиэтничный национальный и конфессиональный состав, пространность внутренних пределов, трансформация внешних и внутренних обстоятельств, переменчивый характер модернизации выступают в настоящем поиске сдерживающими рычагами.

Следовательно, присутствие культурно-миграционной системы в том или ином государстве не представляется ее достоинством или дефектом. В случае ее стабильного функционирования государство определяет себя в зависимость от надобности непрерывного регулирования миграций, так как последние не способны к саморегуляции. В случае ее отсутствия у государства есть иные способы решения собственных проблем. Однако при ситуации, когда она очутится перед надобностью контроля над беженско-переселенческой массой, культурно-миграционную систему или зачатки ее оформления придется принимать во внимание. Непонимание серьезности проблематики культурно-миграци-

онных процессов делает социум заложником во всякой проблемной обстановке, связанной с ними. Здесь немислимы излишние всплески национальной любвеобильности к чужакам или жестокий запрет миграций, сопровождающийся ксенофобией. Важно осознать: миг-

рации необходимо стремиться применять в интересах социума, а для этого необходимо заняться доскональной проработкой всех составляющих культурно-миграционной системы каждой из держав.

1. См. СССР: демографический прогноз. М., 1990; Денисенко М.Б., Ионцев В.А., Хореев Б.С. Миграциология. М., 1989; Загробская А.Ф. Миграция. Воспроизводство и уровень населения. Киев, 1992 и др.
2. Термины введены в научный оборот проф. университета г. Оснабрюка (Германия) Карлом Баде. См. одну из его ранних работ: *Bade K. J. Vom Auswanderungsland zum Einwanderungsland? Deutschland 1880-1980.* Berlin, 1983. Позднее толкование этих терминов было развито им в книгах: *Das Manifest der 60.* München, 1993; *Ausländer-Aussiedler-Asyl in der Bundesrepublik.* Bonn, 1994 и других.
3. Термин «культурно-миграционная система» близок к пониманию идеи «миграционного типа», высказанной В.С. Стешенко. См.: Изучение воспроизводства населения. Киев, 1981. Говоря об культурно-миграционной системе, нельзя оставить без внимания понятие национального архетипа. Архетип «сцепляет» в себе основные культурные элементы и детерминирует их развитие. Культурно-миграционная система — одно из детерминированных им явлений исторического развития. Предположив, что архетип индивидуален и неповторим, можно, без сомнения, говорить об особенности культурно-миграционной системы для каждой страны в отдельности.
4. См. подробнее Комин В.В., Червякова М.М.. История российской революционной эмиграции. Калинин, 1985.
5. См.: Отечественная история с древнейших времен до 1917 г. М., 1994. Т. 1.
6. Теория диаспорных групп и их роли впервые предложена и разработана американским политологом Д. Армстронгом. Он назвал ее теорией «мобильных диаспорных групп».
7. Энциклопедический словарь Брокгауза — Эфрона. Т. 27. СПб., 1899. С. 143.
8. *Das russische Volkerreich.* F.-a.-M., 1993. S. 329.
9. Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля. Воспоминания. // Архив русской революции. М., 1993. Т. 21. С. 34–35.
10. *Das russische Volkerreich...* S. 326.
11. См. подробнее: *Миронов Б.Н.* Русский город в 1740–1860-е гг.: демографическое, социальное и экономическое развитие. М., 1990.
12. *Das russische Volkerreich...* S. 327.
13. *Ebenda.* S. 248.
14. *Ebenda.* S. 329.
15. *Ebenda.*
16. *Ebenda.*
17. *Ebenda,* S. 328.
18. Бабий С.Н. Реконструкция нормы в употреблении полных форм христианских личных имен в русском литературном языке карамзино-пушкинского периода. Автореф. канд. фил. наук. Тверь, 1993.
19. Данные приведены по кн.: *Афанасьев А.* Польша в чужих краях. М., 1987. С. 264–265.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ РОССИИ КАК ФАКТОР ЕЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕДЕЛЫ ВЛИЯНИЯ (НА ПРИМЕРЕ СРАВНЕНИЯ С США)

Д. В. КУЗНЕЦОВ

Учитывая усиливающую активность, которую в последние годы проявляет общественность в политической сфере жизни общества, можно утверждать, что такой феномен, как общественное мнение, постепенно приобретает все большую и большую значимость: эти тенденции отмечены как у нас в стране, но, в первую очередь, за ее пределами — в странах Запада и Востока. При этом существенно, что, не ограничивая сферу своего влияния исключительно внутривнутриполитической областью, общественное мнение нередко вторгается в область внешней политики. В связи с этим повышенный интерес представляет общественное мнение в отношении внешнеполитических проблем.

Факты свидетельствуют о том, что мировая общественность, как в целом, так и общественность в отдельных странах мира, активно реагирует на события, происходящие в мире, а ее мнение постепенно превращается в фактор внешней политики, потенциальные возможности которого очень велики. И, в первую очередь, страны Запада и Востока в этом не исключение: здесь существует целый ряд факторов внутривнутриполитического свойства, которые, действуя в комплексе, в той или иной степени оказывают влияние на формирование и осуществление ее внешнеполитического курса. Среди подобного рода факторов — общественное мнение [1].

В данной статье предпринята попытка установить реально существующий в настоящее время потенциал российской общественности в области внешней политики и, в частности, определить возможности и пределы, связанные с оказанием воздействия на формирование и осуществление внешнеполитического курса страны общественного мнения России.

* * *

Существенно, что интерес общественности к проблемам внешнеполитического свойства случайным не является и его появление связывается с наличием ряда причин. Прежде

всего, особое место среди них занимает фактор значимости для руководства страны того или иного события, происходящего на международной арене, когда внимание к нему со стороны руководства страны влечет за собой и внимание со стороны ее общественности. Кроме того, важнейшую роль играет вовлеченность государства в какое-либо событие, его непосредственное участие в нем, что также имеет своим следствием интерес к этому событию со стороны общественности. Наконец, еще одно, пожалуй, самое важное условие, которое имеет огромное значение, — это так называемые информационные интересы населения, поскольку в качестве объекта общественного мнения может выступать лишь то, что представляет для них важность, т. е. является значимым.

Исходя из этого становится понятным следующее: как правило, интерес общественности к проблемам внешнеполитического свойства возникает тогда, когда то или иное событие, происходящее на международной арене, становится актуальным для государства, его руководства и жителей страны в целом.

В связи с этим важно то, насколько же внешнеполитические проблемы актуальны в различных странах мира? Отвечая на этот вопрос, можно сказать, что многочисленные проблемы международного характера практически всегда находились в центре внимания мировой общественности. При этом, самый значительный по своей силе резонанс они приобретали, как правило, в моменты их наибольшей актуализации. И таких моментов, как свидетельствуют факты, было предостаточно.

Уже после окончания Второй мировой войны 1939–1945 гг. в первые послевоенные годы общественность, в том числе и под влиянием складывавшихся тогда тенденций глобального характера, усилила свою активность, следствием чего явилось ее повышенное, в сравнении с предшествующим периодом,

внимание к проблемам внешнеполитического свойства. Кроме того, именно после Второй мировой войны в мире неоднократно происходили исторические по своей значимости события, которые вызывали большой общественно-политический резонанс в странах мира, общественность которых проявила к ним свой интерес.

В этой обстановке начиная с 1950-х годов в повседневную жизнь стран Запада и Востока постепенно входят опросы общественного мнения, однако, только в 1990-е годы — в России. Практически повсеместно возникали многочисленные организации, которые в настоящее время не только проводят (как правило, в мониторинговом режиме) опросы общественного мнения, но и занимаются изучением этого уникального феномена. Что касается России, то это, в первую очередь, три ведущие в настоящее время организации: Фонд «Общественное мнение», Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и Аналитический центр Юрия Левады. Хотя помимо них в стране действуют и другие учреждения.

Между тем, в конце 1980-х — начале 1990-х гг. произошел распад существовавшей ранее Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений и в развитии последней наступил переходный период, связанный с формированием так называемого «нового мирового порядка». Прежде всего, в эти годы в расстановку сил на мировой арене были внесены существенные изменения. Рухнувшая к этому моменту Ялтинско-Потсдамская система международных отношений положила конец биполярности: на смену конфронтации двух «сверхдержав», к которым в годы «холодной войны» относились СССР и США, пришла весьма противоречивая по своему характеру эпоха.

Она характеризуется тем, что именно сейчас можно говорить о том, что в мире существует значительное число так называемых международных проблем современности, которые по праву вызывают интерес у мировой общественности и, на наш взгляд, к ним следует отнести следующее. Во-первых, это проблемы Ближнего Востока, которые уже давно вышли за рамки этого региона земного шара и, в результате, во многих своих составляющих стали носить глобальный характер. В их числе: арабо-израильский конфликт и иракский кризис. Эти события, которые происходили (и происходят) на Ближнем Востоке, всегда привлекали (и привлекают) внимание

мировой общественности. Во-вторых, это события в бывшей Югославии — Югославский кризис, влияние которого ощущается на европейском континенте практически до сих пор. В-третьих, в последние годы очень актуальна проблема международного терроризма. Так, например, бурной являлась реакция мировой общественности на трагические по своему характеру события 11 сентября 2001 г. и их последствия. В-четвертых, не меньшую значимость, а следовательно, и интерес со стороны мировой общественности вызывает проблема нераспространения (несмотря на подписание соответствующих международных соглашений) оружия массового уничтожения (ОМУ). В центре этой проблемы, в первую очередь, оказались такие страны, как Иран и Северная Корея. В-пятых, мировая общественность реагирует и на те глобальные изменения, которые в настоящее время наблюдаются в мире. Прежде всего, это роль США в мире, которая, как известно, постоянно усиливается, следствием чего стал рост гегемонистских тенденций во внешней политике США. И, наконец, в-шестых, еще один блок глобальных проблем, вызывающих сейчас интерес со стороны мировой общественности, — явления, происходящие хотя и не во внешнеполитической области, а в основном в сфере экономики, однако в силу их глобального характера оказывающие влияние не только на состояние экономики различных стран мира, но и на ситуацию на международной арене в целом. В частности, это все более и более усиливающаяся в последние годы глобализация.

Отношение мировой общественности к указанным выше многочисленным внешнеполитическим проблемам не ограничивается одной лишь оценкой последних. Наряду с этим можно говорить о том, что в настоящее время в странах Запада и Востока сформировался механизм, в рамках которого общественное мнение, вступая во взаимодействие с традиционными компонентами-участниками внешнеполитического процесса и прежде всего с руководством страны, выступает в качестве одного из факторов внешней политики.

Используя в качестве примера США — одно из ведущих государств с достаточно развитыми и при этом устоявшимися элементами демократии, попробуем раскрыть суть этого механизма [2]. Сопоставление полученного материала с ситуацией, которая сейчас сложилась в России, даст нам возможность определить потенциал российской общественности в современных международных отношениях.

* * *

Фактически механизм, в рамках которого в США осуществляется взаимодействие общественного мнения с традиционными компонентами-участниками внешнеполитического процесса и, прежде всего, с руководством страны, — это своеобразная система, в структуру которой входит целый ряд взаимосвязанных между собой элементов.

При этом важно подчеркнуть, что под «традиционными компонентами-участниками внешнеполитического процесса» подразумеваются субъекты, действующие в рамках существующей системы международных отношений, которые уже долгое время являются одними из самых активных их участников. Иначе в современной теории международных отношений их еще иногда называют «актерами» (действующими лицами). Это прежде всего государства, которых на официальном уровне представляет их руководство. Кроме того, это различные международные организации (например, Организация Объединенных Наций — ООН и др.). Общественное мнение, на наш взгляд, можно также расценивать в качестве одного из компонентов-участников внешнеполитического процесса, однако относить его к числу традиционных было бы неправильно. Это связано с тем, что общественное мнение, сравнительно с теми же государствами, только лишь недавно стало на активной основе действовать на международной арене.

Элементов, входящих в эту своеобразную систему и при этом достаточно тесно взаимодействующих друг с другом, насчитывается несколько.

Во-первых, это собственно внешнеполитический курс, практическая реализация которого находится в руках руководства страны. Последнее, в свою очередь, имеет какую-либо позицию (в данном случае официальную) по тем или иным проблемам международного характера и, как правило, придерживается ее в своей деятельности.

К числу представителей руководства США, которые составляют главную, а, в сущности, и основную силу, оказывающую влияние на внешнеполитический курс страны, относятся, прежде всего, высшее должностное лицо, т.е. глава государства — Президент США, который в соответствии с Конституцией 1787 г. наделен достаточно серьезными прерогативами власти, в том числе и в сфере внешней политики, а также возглавляемая им администрация, которая, являясь, в сущности,

правительством, совместно с Президентом США составляет исполнительную ветвь власти.

В принципе, в том, что касается принятия решений, это фактически последняя инстанция, и именно решения, принимаемые в ее рамках, касающиеся сферы внешней политики, как правило, являются окончательными. При этом немаловажным обстоятельством является то, что весьма важную роль здесь играет фактор личности политического деятеля.

Известно, что формулирование внешнеполитических целей государства, выработка программ внешней политики и ее конкретная реализация зависят не только от внутренних условий экономического и политического порядков, а также состояния системы международных отношений, но и от личности политического деятеля, ответственного за внешнюю политику страны. Именно он вносит в осуществление внешней политики свой стиль, тем самым привнося в нее уникальность и даже наделяя ее характеристиками, схожими со своими чертами.

В этом смысле исключительна личность Президентов США, поскольку все они, находясь на высшем посту государственной власти, внесли в процесс осуществления внешней политики США много существенного, что придавало внешнеполитическому курсу страны свои, характерные для периода нахождения у власти того или иного Президента США, особенности. Поэтому в США велика зависимость ее внешнеполитического курса от «личностного фактора», который реализует в себе тот или иной политический деятель, занимающий пост Президента США. Роль последнего в разработке и особенно в осуществлении официального курса США в каком-либо регионе Земного шара очевидна. Новый этап во внешнеполитическом курсе страны, как правило, был связан именно с приходом к власти в стране той или иной политической партии, лидер которой занимал пост Президента США. Даже несмотря на то, что новое руководство страны сохраняло в целом преемственность, часто оно трансформировало свою позицию в отношении каких-либо проблем международного характера.

Кстати, вице-президент, хотя его функции и ограничены, тем не менее, при наличии целого ряда обстоятельств, может играть определенную роль в рамках внешнеполитического механизма в США, поскольку в реальности функции вице-президента определяются самим Президентом США в каждом отдельном

случае.

Таким образом, в США непосредственное руководство Президента США дает толчок тому, чтобы внешнеполитический курс страны действительно осуществлялся.

В свою очередь, созданное еще в 1939 г. и подчиненное Президенту США Исполнительное управление президента (ИУП) также играет в этом большую роль — ИУП способствует укреплению власти Президента США и, фактически, это мощный аппарат, координирующий, а также контролирующей важнейшие аспекты Деятельности государства.

В рамках ИУП действует Совет национальной безопасности (СНБ) — консультативный орган при Президенте США, который занимается вопросами координации политики, в т.ч. и внешней. Созданный в соответствии с Законом о национальной безопасности 1947 г., с поправками 1949 г., СНБ представляет собой очень важное звено в рамках внешнеполитического механизма США. При этом возглавляет СНБ сам Президент США, а кроме него в состав СНБ входит еще три постоянных члена, а также два — на правах советников и, соответственно, совещательного голоса, тогда как аппарат СНБ находится в руках помощника Президента США по вопросам национальной безопасности.

Еще один немаловажный участник внешнеполитического механизма в США — это кабинет министров — совещательный орган при Президенте США, в рамках которого происходят неформальные заседания всех глав департаментов (министерств) по интересующим Президента США вопросам, в т.ч. касающимся различных проблем международного характера.

Кроме того, это собственно действующие на федеральном уровне министерства, в своей совокупности образующие целую систему, также подчиненную непосредственно Президенту США.

Среди них особое место занимает государственный департамент США, в центре внимания которого находятся именно вопросы внешней политики США. Однако, поскольку осуществление внешней политики по Конституции — это все-таки прерогатива Президента США, то возглавляющий государственный департамент государственный секретарь формально считается главным, основным советником Президента США по внешнеполитическим вопросам. Так, государственный департамент предоставляет Президенту США рекомендации в области разработки и прове-

дения внешней политики, а, кроме того, ведет по его поручению переговоры, представляет США в международных организациях, организует работу дипломатических и консульских служб.

Примечательно также и то, что еще одно ведомство — министерство обороны, которое ведает вопросами, имеющими отношение к ВС США, тем не менее, с учетом роли последних в процессе осуществления внешней политики США, также оказывает определенное воздействие в рамках внешнеполитического механизма.

При этом в структуру министерства обороны входит Комитет начальников штабов (КНШ), который, помимо своих прямых функций, обеспечивает участие военных представителей США в переговорах и — через систему специальных комитетов — военно-политическое сотрудничество с другими странами.

Определенное влияние на процесс выработки внешнеполитических решений в США оказывает и Разведывательное сообщество — принятое в США официальное название ведомств, занимающихся разведкой и контрразведкой. Его основные направления практической деятельности определяются Президентом США и СНБ. Основы структуры Разведывательного сообщества были заложены еще Законом о национальной безопасности и в настоящее время в него включены: Центральное разведывательное управление (ЦРУ), созданное в 1947 г., Агентство национальной безопасности (АНБ, 1952 г.), которое входит в состав министерства обороны, но является фактически автономным, Национальное бюро аэрокосмической разведки, Разведывательное управление министерства обороны, Управление разведки и исследований государственного департамента, Федеральное бюро расследований (ФБР), разведподразделения различных министерств.

Важную роль в выработке внешнеэкономической политики играют министерства финансов, торговли, сельского хозяйства, труда, а также Федеральная резервная система (ФРС), Экспортно-Импортный банк и др.

Существенное влияние на решение многих вопросов внешней политики оказывает Конгресс США: в частности, Конгресс США обладает правом ратифицировать или же отклонять ратификацию международных договоров, заключенных Президентом США, может выделять или не выделять средства на запрашиваемые Президентом США внешнеполитические, а также военные программы,

принимать различные законы, регулирующие внешнюю торговлю США, устанавливать в политических или экономических целях какие-либо ограничения в области экспорта-импорта.

Возрастающую роль играет также исследовательская служба Конгресса США, которая предоставляет аналитические и информационные материалы, необходимые для обсуждения различных аспектов проблем в обеих палатах Конгресса США, их комитетах и подкомитетах.

Наконец, к формированию внешней политики неофициально подключены сотни научно-исследовательских центров — так называемые «мозговые тресты», в рамках которых постоянно ведется разработка концептуальных основ внешнеполитического курса США, а, кроме того, хотя и не в такой степени, предпринимательских организаций и благотворительных фондов.

Подобная, и так весьма сложная структура внешнеполитического механизма усложняется еще более, когда речь идет о так называемом лоббизме — традиционном в США, но в то же самое время специфическом способе воздействия на власть со стороны «групп давления».

Цели лоббизма и тех, кто им занимается, т.е. лоббистов, состоят в том, чтобы добиться от органов государственной власти одобрения или отклонения каких-либо решений и, в результате, направить осуществление политики в выгодное для себя русло. Причем для реализации этих целей в США существует достаточно развитая структура: во-первых, практически все организации, действующие в США, имеют в своем составе особые, занимающиеся только лоббистской деятельностью подразделения, а во-вторых, заинтересованные группы, особенно крупнейшие корпорации и банки активно пользуются услугами наемных лоббистов, в роли которых, как правило, выступают влиятельные в США лица или же вовсе специальные фирмы.

Во-вторых, это субъекты общественного мнения (его носители). При этом главным, основным из них является общественность, т.е. передовая часть общества, выражающая его мнение. Из ее представителей состоят политические партии и гражданское общество, которые также можно расценивать в качестве субъектов общественного мнения, и, в свою очередь, они включают еще ряд составляющих их элементов.

1 Понятие «общественное мнение» трактуется как способ массового сознания, в котором проявляется отношение (скрытое или явное) различных групп людей к событиям и процессам действительной жизни, затрагивающим их интересы и потребности. Сейчас эта точка зрения отражена в большинстве научных трудов и считается общепризнанной. (См., напр., Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 2004. С.312–313). Однако, мы не ограничивались тем, что рассматривали общественное мнение исключительно сквозь призму проводимых среди населения социологических опросов, а стремились выйти за узкие, по нашему мнению, рамки и, тем самым, представить этот феномен в максимально возможном контексте. Представляется, что общественное мнение получает свое выражение в разнообразных формах, а как его субъект (носитель) общественность, из представителей которой состоят политические партии и гражданское общество, использует для этого различные каналы.

2 Примечательно, что отношение общественности США к многочисленным актуальным (в тот или иной период времени) проблемам внешнеполитического свойства достаточно часто выступало как предмет исследования для ученых. См., напр.: Американское общественное мнение и политика/Отв. ред. Замошкин Ю.А.. Авт. колл. Замошкин Ю.А., Иванян Э.А., Петровская М.М. и др. М.: Наука, 1978; Кокошин А.А. США: за фасадом глобальной политики (внутренние факторы формирования внешней политики американского империализма на пороге 80-х гг.). М.: Политиздат, 1981; Общественное сознание и внешняя политика США. Коллектив авторов: Замошкин Ю.А., Иванян Э.А., Петровская М.М. и др. М.: Наука, 1987; Петровская М.М. В ответ на вызов века. Перемены в массовом сознании американцев. М.: Международные отношения, 1988; она же. Общественное мнение США: опросы и политика. М.: Международные отношения, 1977; она же. США: политика сквозь призму опросов. М.: Международные отношения, 1982; Попов Н.П. Политизация массового сознания в США. М., Наука, 1981; Современное политическое сознание в США/Колл. авт.: Баталов Э.Я., Михайлов Б.В., Мельвиль А.Ю. и др. Отв. ред. Замошкин Ю.А., Баталов Э.Я. М.: Наука, 1980.

ВЛАСТЬ СОВЕСТИ: ПОТряСЕНИЕ И ПОБЕГ

С. В. СОЛОВЬЕВА

*Она внедряется, переворачивая суть,
И ночи рвет, не умереть и не уснуть,
Ты испаряешься, и твердо зная
Боль потери наперед, идешь вперед...*
С. Голубева.

В социальной науке и философии власть всегда рассматривалась как некая вершина социальной пирамиды, но природа и смысл власти лишь недавно становятся предметом особого внимания. В современной философии назрела важная необходимость построить новый способ разума власти — неинституциональный. Понимание социальной реальности как событийной позволяет по-новому сформулировать проблему власти и осознать ее не только социальный, но экзистенциальный смысл. Власть — это способ (на) (у) правления силой, энергией, это способность свершения события, созидания социальной реальности. Она не только внешнее к существованию человека, институциональна, но власть имеет экзистенциальный исток, поэтому она сингулярна и всякий раз требует ее заново утверждения. Власть — исток события человеческой жизни и совместности людей друг с другом. Одним из самых ярких феноменов экзистенции, открывающих силовой характер осуществления человеческого бытия, выступает совесть. Коллизии совестливого переживания, которое рождается в душе любого человека, уверяют нас, что совесть есть феномен власти или определенный способ управления и направления силы человеческого бытия.

Впервые неоднозначный характер совести как способа управления силой, а значит, и власти зафиксировал Ницше. Предыдущие этические проекты просто постулировали ее наличие и никак не очерчивали круг совести как власти. Ницше прямо ставит вопрос о ложном характере совестливого переживания, фактически компрометируя субъекта, производя из него фикцию социального. У философа встречается два фундаментальных определения совести. В первом совесть увязывается с инстинктом и жизнью. «Гордая осведомленность об исключительной привилегии ответственности, сознание этой редкой свободы, этой власти над собою и [...] стало инстинктом, доминирующим инстинк-

том — как же он назовет его, этот доминирующий инстинкт? [...] Суверенный человек называет его своей *совестью*» [1]. Совесть — это сила, это способность обещать и держать слово, именно это отличает человека от раба. Способность обещать приписывается «невинной совести хищного зверя как ликующего чудовища», «хищному зверю благородных рас» «белокурой бестии», имя которой — победа. Совесть, по Ницше, формируется у человека через фигуру *обещания*. Онтологический смысл совести в том, что она есть сила, способность обещать и держать слово вне зависимости от враждебности обстоятельств. Смеющийся обещать всегда бросает вызов не просто нормам, но себе, так открывается небрасывающий, рискованный и властный характер собственного бытия. Эта некоторая экзистенциальная, онтологическая перспектива совести как броска. Здесь совесть тесно связывается с инстинктом, жизнью, волей к власти, и в этом отношении она выше культурных норм и запретов, выше морали.

Обещание становится камнем преткновения для социального субъекта и превращает его совесть в «нечистую», фальсифицируя ее известной невозможностью выполнения обещания. Социальный смысл власти совести конституируется, по Ницше, по модели должник/заимодавец. Совесть не только формирует различные психические феномены, но сама «сформирована». «Выдрессировать животное, смеющееся обещать, — не есть ли это как раз та парадоксальная задача, которую поставила себе природа относительно человека? не есть ли это собственно проблема человека?.. [...] Такова польза активной, как сказано, забывчивости, как бы некой привратницы, охранительницы душевного порядка, покоя, этикета, из чего тотчас же можно взять в толк, что без забывчивости и вовсе не существовало бы никакого счастья, веселости, надежды, гордости, никакого настоящего» [2]. Святость обещания необходима для того, чтобы должник страдал нечистой совестью как глубоким заболеванием, вынуждающим его склониться под давлением мира и общества. Основное понятие морали — «вина», как толкует его Ницше, произошло от материального понятия «долги». В этой ситуации власть совести основана на идее эквивалентности ущерба и

боли и устанавливается из договорного отношения между заимодавцем и должником, которое восходит к основополагающим формам купли, продажи, обмена и торговли [3]. Так окончательно связывается совесть, боль, ущерб и долг. Генеалогия власти совести показывает, что появление совести как социального института не было добровольным и представляло собою прыжок, принуждение, против которого невозможной оказывалась всякая борьба. Альтернативой нечистой совести как социальной слабости субъекта может быть только агрессивность и справедливость сверхчеловека, практикующего свободу и волю к власти.

На репрессивный характер совести указывает и Фрейд, увязывая власть совести с интенсивностью силы желания. Совесть встроена в структуру запрета, который сам является действием желания. По мнению Батлера, у Фрейда сила совести питается той агрессивией, которую она сдерживает. Сила совести вытекает не из страха наказания, или памяти о нем, но сила совести — это *интенсивность собственной агрессии субъекта* [4]. Запрет интенсифицирует силу желания и как следствие усиливает энергию и потенциал совести. Таков ресурс совести как социального феномена, репрессивного в отношении к бытию субъекта.

Первоначально совесть (вернее страх) была первопричиной отказа от влечений, потом отношение переворачивается. Каждый отказ делается динамическим источником совести, он всякий раз усиливает ее строгость и нетерпимость. Совесть для Фрейда — это особая психическая инстанция. Ее назначение — обеспечить нарцисстическое удовлетворение, исходящее из идеала Я посредством наблюдения за действительным Я, которое непрерывно сравнивается с идеалом. Совесть как инстанция сознания вырастает из опыта наблюдения, первоначально родительского, а затем и самонаблюдения. «Подобная сила, — пишет Фрейд, — которая следит за всеми нашими намерениями, узнает их и критикует, действительно существует даже у всех нас в нормальной жизни. [...] Побуждением к образованию идеала Я, стражем которого призвана быть совесть, послужило влияние критики родителей, воплощенное в слуховых галлюцинациях, а к родителям со временем примкнули воспитатели, учителя и весь необозримый и неопределенный сонм других лиц, составляющих общественную среду (окружающие, общественное мнение)» [5]. Так

получается, что встраивание совести в структуру сознания человека проходит исключительно на социальных основаниях. Совесть в концепции Фрейда является инстанцией общества в психической и духовной жизни человека. История развития совести для Фрейда (так же как и для Ницше) — это непрерывный конфликт индивидуального возмущения против цензорской власти. Совесть — это параллельный процесс возникновения человеческого привязи к запрету и одновременно его стремления освободиться от всех влияний. Самокритика совести по существу совпадает с самонаблюдением, а функция сводится к внутреннему исследованию. Фрейд замечает, что способность к философской рефлексии у человека вытекает из продуктивной работы инстанции совести. Инстанция цензорского наблюдения, власть совести настолько тотальна, по мнению Фрейда, что распространяется даже на сновидения личности, образование которых происходит под ее властью [6].

Американский теоретик власти Джудит Батлер развивает концепцию социального происхождения власти совести и задается вопросом: в силу каких особенностей формирования субъект становится уязвимым перед давлением? Страсть к подчинению у человека возникает в силу того, что субъект изначально имеет страсть к социальному существованию. Его уязвимость перед обществом связана с его жадной признания, которая встраивается в душевную жизнь субъекта в виде инстанции совести, попадая в неизбежную ловушку власти просто в силу социального существования. Субъект может искать признания только в категориях, именах, не им созданных, знаки своего существования находятся в дискурсе, дарующем и существование, и субординацию (доминирование) одновременно, встраивая субъекта в структуры власти [7]. Власть совести организует управление человеческой жажды признания. Батлер продолжает традицию Ницше-Фрейд-Альтюссер в анализе феномена совести, которая понимается как действие производительной силы нормы на субъекта.

Думается, что объяснение совести как эффекта воздействия власти общества на человека не является исчерпывающим, поскольку упускает из вида ее онтологический смысл и влияние на экзистирование человека. Совесть является феноменом власти не потому, что она регламентирует поведение и устремления индивида, внедряя социальные запреты во внутреннюю жизнь человека, но совесть является феноменом власти, пос-

кольку она есть по способу *возвращения*, обращения к онтологическому истоку экзистенции. Для Ницше власть совести выражается в возвращении к силе собственного обещания (в социальном смысле это возвращение долга), для Фрейда совесть — это инстанция возвращения личности к наблюдениям и регламентации своих желаний. Думаю, что совесть — это фигура власти вовсе не потому, что она есть нудительное требование ответа человека на вызов общества или императива. Напротив, совесть открывает властный, силовой характер собственно человеческого бытия. Совесть — феномен власти, принципом ее осуществления выступает возвращение или событие обращения на себя силы (в виде воли, запрета и пр.) или «зова» закона (Альтюссер). В социально ориентированных концептах совесть — это возвращение человека к закону, норме (в известном смысле репрессивное и насильственное), в экзистенциально-антропологических совести — это власть, обращающая человека к самому себе.

Наиболее ярко власть совести как конституция возвращения представляется в философии Хайдеггера. Философ ярко показывает диалектику экзистенциальности и фактичности в феномене совестливого переживания человека. Философ, конечно, не говорит о совести как власти и вообще не связывает совесть с системой господства и давления, но совесть для него выступает способом подлинного существования человека. В «Бытии и времени» высказывается принципиальная мысль: совесть есть способ осуществления онтологической силы, а, следовательно, и власти как способа управления силой экзистенции. Хайдеггер делает акцент на силовом характере существования совести, во-первых. Совесть выступает одной из «структур» возвращения, в данном случае возвращение к себе из потерянности в людях, во-вторых. Эти два тезиса позволяют понять совесть как феномен власти в фундаментальной онтологии Хайдеггера. Власть совести организуется как «машина» возвращения, а именно возвращения к ситуации выбора как такового. «Эту невыбирающую ничью тоже-захваченность, через какую присутствие увязает в несобственности, можно опрокинуть только так, что присутствие намеренно вернет себя из потерянности в людях назад к самому себе. У этого возвращения однако должен быть *тот* способ бытия, *через упущение* какого присутствие потерялось в несобственности. Возвращение себя назад из людей, т. е. экзистентное моди-

фицирование человеко-самости в *собственное* бытие-самостью, должно происходить как *наверстание выбора*. Но *наверстание выбора* означает *избрание этого выбора*, решимость на способность быть из своей самости. В избрании выбора присутствие впервые *позволяет себе* свою собственную способность быть» [8]. Только в *наверствовании выбора* у нас есть возможность, способ, проще говоря, *совесть* выбирать собственную возможность быть. Эмансипируясь от власти социума, совесть остается силовой, властной структурой возвращения из «падения», растворения экзистенции «в людях».

Власть совести на онтологическом уровне открывается благодаря существованию в ее целостной структуре **возвращения, силы, вызова и ответа**. Чаще всего совесть открывается в виде вторгающейся, внешней для человека силы. Хайдеггер выступает категорически против понимания совести как «чужой силы», силы внешнего давления и контроля. Тогда что это за сила, вызывающая во мне событие совести? Эту силу он называет силой ужаса, которая обретает очертания в образе «не-по-себе» бытия. «Не-по-себе обнажается собственно в фундаментальном расположении ужаса. [...] Зовущий в его кто *ничем* в «мире» не может быть определен. Он есть присутствие в его не-по-себе, исходное брошенное бытие-в-мире как не-у-себя-дома, голое «так оно есть» в ничто мира. Зовущий не освоен повседневной человеко-самостью — что-то вроде чужого голоса» [9]. Состояние не-по-себе (рождаемое ужасом своей брошенности) приводит к решимости, раскрепощает силу собственной способности быть. Для понимания совести достаточно силы собственной экзистенции присутствия (ее ужаса, ее не-по-себе, ее решимости). Активизация и интенсификация энергии совести вытекает из состояния не-по-себе, которая затем модифицируется в решимость экзистенции. Поэтому никакой публичной, всеобщей и объективной совести не существует, *совесть всегда только моя*.

Коллизии совестливого переживания, ужаса ее власти очень ярко описаны Достоевским в «Преступлении и наказании». «Перемена эта произошла как-то в один миг, в одну минуту. [...] Кажется, не нашлось для них у него ни одного человеческого слова, до того вдруг опустело его сердце. Мрачное ощущение мучительного бесконечного уединения и отчуждения вдруг сознательно сказались в его душе. [...] Ему показалось, что он как будто

ножницами отрезал себя от всех и всего в эту минуту. [...] Раскольников в бессилии упал на диван, но уже не мог сомкнуть глаз; он пролежал с полчаса в таком страдании, в таком нестерпимом ощущении безграничного ужаса, который никогда не испытывал» [10]. Бунт Раскольникова первоначально был против совести как договора, конвенции власти комфортной совместности. Героя манили лавры сверхчеловека, поэтому постоянное проговаривание, почти заговор: «Право имею! Имею право посягнуть на жизнь, разорвав циничную конвенцию ради искоренения человеческой подлости и ничтожества. Раскольников предпринял отчаянную попытку сбросить долговые обязательства совести как диктат чести и совести перед лицом займодавца. Он не просто забыл о договоре, но он разорвал его, уничтожая жизнь. Нарушение договора, бунт Раскольникова обернулся трагедией, когда вдруг и совершенно неожиданно совесть не исчезла, потому что она не просто договор и обещание оплаты долга. Совесть объявила себя в молчаливом ужасе понимания проступка. Лавры сверхчеловека пали сухим, пыльным, ничтожным венцом. Оказалось, что «права не имел»...

Власть совести в экзистенциальном существовании открывается в двух измерениях: первое — это зов из не-по-себе, когда сила экзистенции обращает мою самость к себе самой; второе измерение — это голос «виновен», эта наша актуальная способность и воля иметь совесть здесь и сейчас. Существенно, что всякий раз власть совести в нашей экзистенции открывается в форме призыва, *голоса* совести. Голос совести в философии толкуется по-разному, точнее, называются разные источники и субъекта его производства. Он может приписываться и социальным институтам, и социальным субъектам, и силе экзистенции. Если у Хайдеггера голос совести, ее молчаливый оклик становится образом возвращения к силе экзистенции и отказу от власти социума, то у Альтюссера голос, оклик призывает, рекрутирует нашу человеческую свободу в руки социальной власти. «Окликнутой самости ничего не *на-зывается*, — пишет Хайдеггер, — но она *вызывается* к себе самой, т.е. к ее самой своей способности быть. Зов, отвечая своей зовущей тенденции, не вводит призываемую самость в «судоговорение», но как призыв к самой своей способности самобытия он есть вы-(выводящий-«вперед»-) зов присутствия в его собственных возможности» [11]. Зов окликает

в модусе молчания. Голос как форма вызова совести важен не сам по себе, но как совестливое понимание собственной возможности быть. Наша способность быть бросает нам вызов, усиливая наш волевой ресурс, наше желание/решимость (или нежелание) иметь совесть. Голос совести молчалив, но способствует его слышанию, охватывая и потрясая нас до глухоты и немоты.

У Альтюссера оклик, зов совести также обращает человека к вине, но не ради самости и подлинности его экзистирования, а ради «барыша социальной идентичности». Известна иллюстрация власти голоса у Альтюссера. Он приводит пример: когда полицейский, находящийся среди проходящих и движущихся по улице людей, обращается, то мы невольно оборачиваемся на его голос. В этом простом примере открывается сама суть власти как зова. «Сам зов также построен как запрос на встраивание себя в закон, как оборачивание (чтобы встретиться лицом к лицу с законом? чтобы найти лицо для закона?), как вхождение в язык самоопределения — «Вот это я» — через апроприацию вины. [...] Обращение к закону, таким образом, есть обращение против себя, обращение на себя, что составляет движение совести. [...] Важно помнить, что призыв не несет за собой с необходимостью оборот к закону; оборот неизбежен в смысле менее чем логичном, поскольку он сулит обретение идентичности» [12]. Хайдеггер и Альтюссер противоположны в своем движении и анализе, но, говоря о совести, они высказываются о ней как феномене власти, что не только очевидно, но и верно. Совесть и как способ социального контроля, и как властная жажда идентичности, и как способ силового, властного возвращения от человека-самости к самости очевидно выступают формами ее существования в жизни человека и общества.

Эмпирически мы далеко не всегда имеем эту простую и очевидную волю иметь совесть, а что если мы не слышим вызов и забалтываем его отговорками и пр. уловками? Думаю, что эта ситуация в полном и радикальном смысле невозможна. Кажется более существенным сформулировать иной вопрос: возможно ли существование совершенно бессовестного человека? Бессовестность такой же факт нашего существования, как и событие совести. Бессовестный человек существует в структуре самообмана, который маскирует зов бытия, но совершенно его не отменяет. Мне кажется, что бессовестность как форма бессилия (кто-то скажет «сопротивления», ускользания

от власти) не есть онтологически и логически первичная реальность (Хайдеггер, кстати, полагает обратное). Поскольку онтологически изначально состояние силы, власти, энергии, добра. В какой-то степени проблема власти совести разрешает древнюю тедицию добра и зла, которая занимала Августина. Он утверждал, что зло есть отсутствие добра, подобно темной комнате, в которой темнота происходит лишь из отсутствия света. Зло и бессовестность как онтическое расположение обстоятельств и поступков людей вроде бы очевидны, типичны (Мамардашвили писал о том, что совесть удивляет, тогда как бессовестность привычна и обыденна). Зло и бессилие — оптический эффект, замутненность события и бытия. Бессовестность — это не взиави власти совести, не ее альтернатива, а указание на конфликтную природу ее власти. Поэтому радикально бессовестного человека не существует, поскольку совесть как событие нашего существования онтологична, совесть все равно будет возвращаться, производя зов. Существенно, что возвращение и слышание зова совести происходит как событие нашей экзистенции. «Зов ведь, — как точно замечает Хайдеггер, — как раз не бывает, причем никогда, ни запланирован, ни подготовлен, ни намеренно исполнен нами самими. «Оно» зовет, против ожидания и тем более против воли. С другой стороны, зов несомненно идет не от кого-то другого, кто есть со мной в мире. Зов идет *от* меня и все же *сверх* меня» [13]. Этот факт открывает и событийную, и силовую природу существования власти совести. Бытие-виновным открывает нам нетствующий, отрицательный характер экзистирования.

Совесть имеет характер вызова к бытию-виновным, она бытийствует в респонзивной структуре вызова и ответа. И если само бытие вызывает, посылает мне вызов в виде бытия-виновным, то как Присутствие отвечает на этот вызов? Думаю, что ответом на этот вызов может быть только «*воля-иметь-совесть*», это и позволяет стать «фактично виновным». Но ответом на зов бытия может быть не только совесть, но и бессовестность, отказ услышать свое бытие-виновным. У Хайдеггера парадоксальным образом связываются совесть и бессовестность, а именно вина и бессовестность есть условие существования совести. «Всякое действие фактично необходимо «бессовестно», не только потому что не избегает фактичной нравственной провинности, но потому что на ничтожном основании своего ничтожного наброска всегда уже в событии с

другими стало перед ними виновно. Так воля-иметь-совесть становится принятием на себя сущностной бессовестности, лишь внутри которой имеет место экзистенциальная возможность быть «добрым»» [14], — пишет он. Так другой вносит в экзистенциальное существование бессовестность, так совместность присутствия с другим делает его потенциально виновным и бессильным. Воля иметь совесть возможна как онтический опыт только в силу того, что присутствие онтологически виновно, а значит бессовестно. Такова позиция Хайдеггера. Мне представляется это отношение обратным. Власть совести носит онтологический характер, тогда как отпадение и побег от нее в бессовестность (негативный, отрицательный опыт экзистенции) значим лишь в той мере, в какой мы имеем память и опыт о событии совестливого переживания и поступка.

Расхожее толкование совести исходит из того, что опыт совестливого переживания наступает как бы после проступка, после случившегося события, когда вдруг возникают угрызения души. Поэтому «чистая совесть» как бы следует за «нечистой», за трагичным опытом переживания своей вины по окончании каких-то коллизий. Хайдеггер выступает против обыденного разумения, чистая совесть никогда не выводится из совестливого опыта повседневного присутствия как некоторого баланса между «виной» и «невинностью». Экзистенциальный анализ феномена совести направлен на то, чтобы выявить, как возможен *поступок* присутствия, силу и ресурс которого рождает решимость. Он ухватывает подлинный смысл совести не как апостериорный факт нашей способности свершать поступки, но как событие, которое располагается до поступка и всякий раз способно организовать поступок под знаком совести, выйти из круговорота человеческих проступков/повторов на поступок.

Хайдеггеровский анализ совести примечательный для понимания событийной, властной (силовой) природы совести, но все же у него есть камень преткновения. Опыт совестливого слышания зова убеждает меня в том, что есть не только я, но и другие. У Хайдеггера нет другого, он ему не нужен. Мой решительный выбор иметь совесть действительно производится в глубине моего интимного (читай онтологически чистого) существования. Никто меня не может заставить иметь совесть, но это вовсе не значит, что другой совершенно не влияет на мой выбор ее иметь, на мое бытие совестливого экзистирования. Экзис-

тенциальная аналитика игнорирует участие другого в опыте моего совестливого переживания и поступания. Другой, как представляется, важен, потому что он усиливает ресурс вызова, а значит, интенсифицирует мой ответ на вызов бытия, мою волю иметь совесть. Кроме того, другой необходим, чтобы указать на захватывающий характер силы и власти бытия. Власть как способ управления силой ставит человека перед проблемой отчуждения. В социально ориентированных концептах совесть рассматривается как структура, приватизирующая социальное лицо человека в совместность с другими на правилах и требованиях общества и тем отчуждающая агента действия от его онтологической свободы. В экзистенциальном концепте власти совести другой только отчуждает присутствие от него самого, делая его объектом разглядывания (Сартр) или организуя его падение в «люди» (Хайдеггер). Совесть здесь — не интенсификация другого и отчуждения, но интенсификация собственного бытия без другого, где отчуждение заменяется одиночеством. Другой необходим в решении вопроса о совести как феномене власти, поскольку совесть как событие организуется через структуру вызова и ответа.

Другой появляется, врывается даже тогда, когда этого не хотят, интенсифицируя мое «участное мышление», усиливая, словами Бахтина, «мое не-алиби в бытии». *Вызов и ответ* на зов бытия или другого (будь он законом, другим субъектом или трансцендентальной структурой, в данном контексте это не имеет решающего значения) открывает власть совести в ее со-бытийном измерении. Современная культура вызова и ответа выстраивается в ситуации диалога (здесь и я, и другой — субъекты, партнеры во власти). Тогда возможна интрига между вопросом и ответом, субъектом и субъектом, а следовательно, логика ответа непредсказуема, событийна и сингулярна.

Кто или что вынуждает нас отвечать, рождаться совестливому переживанию и поступку? Нехватка и поиск инспирирует мой ответ на знаки и претензии другого. Совесть есть предельное выражение внутреннего раскола субъекта и состояния вины. Поэтому любая ситуация вопроса-ответа есть действие власти. Вопрос другого ставит меня «у стенки» в требовании отклика. Общество несет в себе диктат, вынуждающий отвечать на поставленные вопросы, но и в самой природе человеческого существования заложена нехватка, о

которой говорил Лакан. Власть совести обнаруживается в виде нудительной силы существования человека, ставя его перед требованием ответа.

Мне представляется, что я отвечаю на вызов в силу того, что само бытие или другой как запрос бытия обращает меня лицом к «нудительности» моего исконного существования. В одной из своих работ Бубер выделил три вида ответа в ситуации диалога: ответ-молчание (уклонение), ответ-лепет (попытка свершения), ответ-отказ (один из обликов свершения) [15]. Эти типы ответов реализуются не только в диалоге, но в ситуации столкновения с другим, обращающим меня к совестливому переживанию. Уклонение, свершение и отказ — вот три возможных варианта разрешения интриги вызова и ответа в совести как феномене власти. Уклонение уводит человека в состояние самообмана, тем онтически организуя существование человека как бессовестное, но не позволяет ему укрыться от власти совести окончательно. Свершение или совестливый поступок — наиболее позитивная форма ответа, в этой ситуации человек сам интенсифицирует властный аспект собственного бытия. Я не покоряюсь совести, но я беру на себя принудительность своего бытия как мой свободный выбор, как способ организации моего онтологического и онтического опыта. Отказ от ответа на вызов совести неоднозначен. Он может быть самой радикальной попыткой бегства от ситуации, но также отказ может означать действие по долгу.

Вызов совести первоначально ставит человека в ситуацию растерянности. Ведь по большому счету, подлинный ответ может быть дан только из неопределенности обстоятельств, из отсутствия правил действия в этой ситуации. Поэтому исток ответа располагается в топосе неопределенности: неясности правил, спутанности ценностей, проблемы собственного сопротивления (начиная от неохоты, заканчивая бунтом). Ответ на вызов никогда не дается из готового, подлинный ответ возникает из крушения правил. Тогда я отказываю ответу в том, чтобы быть просто отговоркой или уловкой, но я могу утверждать, что ответ есть событие. Ответ сингулярен, как полагает Вальденфельс [16]. В зове совести нет места для готовых ответов, и невозможен абсолютный отказ от ответа. Вызов и ответ власти как событие моей истории есть утверждение нового порядка, а значит в ответе всегда есть «ответственность». «Подлинная ответственность есть лишь там, — пишет Бубер,

— где есть действительная возможность ответа. Ответа на что? На то, что с человеком случается, что он видит, слышит, чувствует» [17]. Говоря об ответственности в ситуации вызова и ответа совести, я хочу сказать, что ответ

— неизбежность, и каков бы он ни был по содержанию (утверждением, отказом, уловкой или чем-то еще), он всегда заявка и манифестация своего уникального жизненного кредо, своей самости в самом ее чистом виде.

-
1. Ницше Ф. Генеалогия морали/Ф. Ницше [Электронный ресурс]//<http://www.lib.ru/NICSHE/morale.txt>. — 306 Кб. (26.02.2007). Ч. 2. § 2.
 2. Ницше Ф. Генеалогия морали/Ф. Ницше [Электронный ресурс]//<http://www.lib.ru/NICSHE/morale.txt>. — 306 Кб. (26.02.2007). Ч. 2. § 1.
 3. См. Там же. Ч. 2. § 4.
 4. См. Батлер Дж. Психика власти: теории субъекции/Дж. Батлер. Пер. З. Баблюяна. «Серия гендерные исследования». Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя. 2002. С. 62–65.
 5. Фрейд З. О Нарцизме/З. Фрейд [Электронный ресурс]//Фрейд, З. или http://ihtik.lib.ru/psychology_21dec2006-64.Mb. (5.03.2007.) или Очерки по психологии сексуальности. Киев: Изд. «Здоровья», 1990. С. 105–106.
 6. См. Там же. С. 106–107. или//http://ihtik.lib.ru/psychology_21dec2006/5.03.2007.
 7. См. Батлер Дж. Указ. соч. С. 30.
 8. Хайдеггер М. Бытие и время/М. Хайдеггер [Электронный ресурс]//http://ihtik.lib.ru/philosbook_22dec2006/-1,2.Mb. (5.03.2007.) Разд. 2. Гл. 2. § 54.
 9. Хайдеггер М. Бытие и время/М. Хайдеггер [Электронный ресурс]//http://ihtik.lib.ru/philosbook_22dec2006/-1,2.Mb. (5.03.2007.) Разд. 2. Гл. 2. § 57.
 10. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание/Ф. М. Достоевский. Куйбышев, 1983. С. 126, 137–138.
 11. Хайдеггер М. Бытие и время/М. Хайдеггер [Электронный ресурс]//http://ihtik.lib.ru/philosbook_22dec2006/-1,2.Mb. (5.03.2007.) Разд. 2. Гл. 2. § 56.
 12. Батлер Дж. в своей книге «Психика власти» посвящает главу проблеме власти как зова, оклика у Альтюссера. См. Батлер Дж. Указ. соч. С. 92–93.
 13. Хайдеггер М. Указ. соч. Разд. 2. Гл. 2. § 57.
 14. Там же. Разд. 2. Гл. 2. § 58.
 15. См. Бубер М. Диалог/М. Бубер//Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1995. С. 106–107.
 16. Вальденфельс Б. Ответ чужому: основные черты респонзивной феноменологии/Б. Вальденфельс//Вальденфельс Б. Мотив чужого. Сб. пер с нем., науч. ред. А. А. Михайлов, отв. ред. Т. В. Щитцова. Минск: Прополис, 1999. С. 134.
 17. Бубер М. Диалог/М. Бубер//Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1995. С. 106.

ФАКТОРЫ ЛЕГИТИМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ. ПОЛИТИКО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

А.В. УФИМЦЕВ

Проблематика легитимности власти интересовала политических мыслителей с древних времен. От древнеегипетских источников до современных технологических исследований политическое сообщество пыталось дать ответ на актуальные вопросы существования легитимной власти, средствах ее поддержания и возможности улучшения. В статье осуществляется факторный анализ процессов легитимации и делегитимации политической власти как наиболее адекватно раскрывающий структуру и содержание данного вида политических процессов. Поскольку легитимность власти является качественным отношением состояния всей политической системы в целом, то рассмотрение процесса легитимации как структурного и многофакторного явления позволяет более глубоко понимать существование сложных властно-общественных взаимодействий.

В институционально-правовом плане особую значимость имеют следующие политические факторы, которые влияют на степень легитимности российских политических институтов и отражают определенную специфику современного состояния легитимационных процессов: а) наличие общей интегрирующей, идеократической основы, способной консолидировать разнообразные этнополитические и этнокультурные общности единой, социально признанной системой ценностей, так называемый интегративный фактор; б) обеспечение правомочности и признания населением существующих государственных институций, так называемый фактор соответствия; в) обеспечение стабильной, единой, организационно крепкой и преемственно воспроизводящейся системы государственной власти, так называемый фактор стабильности; г) формирование и реализация продуктивного социально-политического государственного курса, в целях удовлетворения основных потребностей населения, так называемый фактор эффективности; д) осуществление легитимации политической системы посредством популяризации личности политического лидера, так называемый фактор личностной поддержки; е) и,

наконец, фактор электоральной поддержки, способствующий как аккумуляции поддержки населения проводимому политическому курсу, так и ограничению властных статусных полномочий, при нарастании критического делегитимационного потенциала.

Рассмотрение проблем легитимного состояния власти по отношению к общественным институциям традиционно начинают с анализа концепций выдающегося немецкого политического теоретика Макса Вебера. Действительно, им был подробно сформулирован и определен позитивистско-социологический подход к пониманию существования легитимной власти и проведена не утратившая до сих пор своей научной ценности классификация типов легитимности [1], основывающаяся на типах господств – традиционную, харизматическую и легальную легитимность. Не останавливаясь подробно на этой достаточно известной классификации, стоит отметить, что, по мнению М. Вебера, рациональная легитимность является более слабой, поскольку любое ее установление может быть априорно подвергнуто критике. «Порядок, устойчивость которого основана только на целерациональных мотивах, в целом значительно лабильнее, чем тот порядок, организация которого основана только на обычае, привычке к определенному поведению...», – писал в связи с этим немецкий социолог [2]. Аналогичную мысль высказал русский правовед И.А. Покровский, увидевший еще в 1919 г. слабые места демократической политической системы. Он отметил, что благодаря значительной степени иррациональности, а также освященности традицией монархической власти «повинуются легче и прощае» [3]. Рациональные мотивы «далеко не всегда оказываются равным и по силе прежним», вследствие чего в условиях демократии возможно ослабление «психологического влияния власти и психологической силы закона».

Дело в том, что для традиционной и харизматической легитимности не столь уж и важен факторный анализ структурного моделирования, поскольку опора власти при таких

формах легитимации происходит на один источник, либо на укорененные в массовом сознании и адекватные общественным реалиям традиции, либо на исключительные способности и возможности политического лидера. При рационально-бюрократической организации власть диверсифицирует свои источники, технологизирует механизм реализации политического курса, тем самым расширяет факторное поле своего легитимного существования, что выражается в усилении зависимости от населения. Именно рационально-легальной власти необходимо задумываться о степени своей легитимности и осуществлять постоянные меры по усилению поддержки населения при осуществлении политического курса.

Первым, достаточно значительным фактором, влияющим на общую легитимность власти, является фактор эффективности. Само понятие эффективности определяется степенью достижения поставленных целей. Это – достаточно очевидный и поддающийся наглядной оценке критерий, и в российской политологии такое понимание эффективности власти является преобладающим [4]. Действительно, проверка компетентности и дееспособности властных структур определяется их способностью ставить адекватные уровню развития общества и его потребностям цели и задачи и достигать их посредством успешного политического курса. В этой связи, в контексте проблем легитимации, возникает вопрос эффективных политических решений для власти, но деструктивных для общества. В качестве примера функционирования такой формы политической системы исследователи [5] приводят тоталитарный, либо авторитарный вариант. Безусловно, опора лишь на фактор эффективности политической власти приводит от простой технократизации власти к авторитарной эффективности, а затем и к тотальной легитимации эффективных стратегий. В целях предотвращения подобного варианта реализация эффективности власти должна быть уравновешена представленностью в политическом курсе прочих факторов легитимации. Такая техническая эффективность постепенно становится лишь эффективностью по форме, теряя свою значимость в содержательном плане. До тех пор, пока данная власть хоть в малейшей степени служит людям символом их идентичности с обществом, пока органы власти в глазах большинства олицетворяют страну, ее действия, идущие вразрез с интересами этого общества, воспринимаются

как ошибки, как неэффективность. Критерий эффективности требует от власти сохранение существующего потенциала системы и его развитие, посредством адаптации к меняющимся условиям политической среды. И общество, в конечном счете, оценивает эффективность политической власти именно этим критерием.

Фактор эффективности напрямую связан с другим, не менее значимым фактором политической легитимации – фактором адекватного соответствия власти, мало того, именно их органическое соединение убеждает население в справедливости существующей политической власти. И хотя в распоряжении элиты, казалось бы, находятся все ресурсы власти, это не может гарантировать ей устойчивости собственного положения без обретения решающего ресурса – добровольного согласия на то основной части населения. Проблема адекватного соответствия власти лежит не в плоскости политической институционализации, а в плоскости социальных отношений. Так, например, С. Липсет проводил аналогии между процессами легитимации власти и функционирования денежных отношений [6]. Об истинно легитимной власти как об эффективном, универсальном посреднике говорил Т. Парсонс [7]. Адекватное соответствие власти интересам населения позволяет глубокому пониманию сложного и неоднозначного процесса легитимации политической власти.

Интересен подход Липсета, который, по сути, попытался систематизировать структурное рассмотрение феномена эффективности и стабильности власти. Он выделил три уровня легитимирования власти, на каждом из которых должен быть достигнут определенный оптимум, посредством эффективной реализации которого достигается желаемая для власти стабильность. Уровней три – идеологический, правовой, нравственный.

Идеологический уровень легитимации содержит установки, ориентированные на интересы лишь части общества, но именно той части, с которой власть связывает свои перспективы осуществления политического курса. Обеспечение идеологического оптимума может быть реализовано в различных формах – поиска национальной идеи, реализации национальных проектов, актуализации национальных интересов и как крайний вариант выстраивание всего государственного курса на основе одной идеологии. Идеологический уровень легитимации лежит в основе интегративного фактора легитимации, поскольку важнейшей функцией идеологии является ре-

альная политическая социализация и объединение людей, сплочение социальных групп и индивидов вокруг каких-либо идей и лозунгов, побуждение их к политическим действиям [8]. Посредством служения определенным идеям происходит сплочение населения, что в конечном итоге легитимирует данную политическую систему. Для интегративного фактора важен некий средний уровень реализации, поскольку его доминирование и его недостаток одинаково негативно отражается на уровне легитимности существующей власти. Тем не менее, он крайне важен и является дополнительным фактором по отношению к основному фактору соответствия, поскольку именно на идейном уровне происходит окончательное согласие или несогласие граждан общества к политическому курсу своей властной элиты. Гармоничная обществу реализация интегративного фактора позволяет говорить о полном соответствии власти управляемому им обществу.

Второй уровень – правовой – отражает потребность общества в нормативном регулировании социальных и политических отношений. Правовые стандарты в целях долгосрочного обеспечения деятельности государственных институтов. Деятельность, основанную на принципах справедливости и эффективности. Безусловно, общественный договор, как понимали его создатели, заключается в целях регулирования социальных и политических конфликтов [9], утверждения эффективного государственного строительства. Этот уровень легитимации является как основой, так и ограничителем для основного фактора – фактора эффективности и дополнительного фактора – фактора личностной и институциональной поддержки. Правовые условия не только создают определенные условия для эффективного функционирования власти, но и предотвращают ее так называемый «произвол эффективности», когда в целях бесконтрольной постановки и реализации все новых пределов эффективности социума начинают нарушаться права различных социальных и общественных групп. Произвол эффективности зачастую перерастает в неэффективный произвол. Для предотвращения этих процессов создаются правовые ограничения, прежде всего конституционные, с одной стороны, ограничивающие власть, но с другой стороны, способные ее легитимировать. Правовая легитимация характерна, прежде всего, для стран Западной Европы и Соединенных Штатов Америки, где именно правовые ин-

ституты обладают доминирующим приоритетом. «Правление законов, а не людей», этими словами второго президента США Дж. Адамса можно охарактеризовать данный вид легитимации и функционирования власти. Однако именно люди, помимо институтов, осуществляют дополнительную поддержку правовой системе. Фактор личностной поддержки, в форме поведения конкретных политических лидеров страны, способен как легитимировать властные и правовые институты, так и делегитимировать их посредством девальвации их значения. Гармоничная обществу реализация фактора личностной поддержки позволяет говорить о полноценном осуществлении эффективности политического курса.

Третий уровень – нравственный – содержит установки общечеловеческого характера, вневременные духовные и моральные императивы. Именно нравственный уровень легитимации власти является характерным для российского политического пространства. Не закон, а мораль, не норма, а долг долгое время являлись движущими мотивами политических процессов в России. Основа нравственного уровня легитимации выступает основной фактор легитимации – фактор стабильности и дополнительный фактор – фактор электоральной поддержки. На нравственном уровне в полной мере ощущается, насколько власть стабильна, насколько действительно компетентна в управлении обществом. Даже в случае отсутствия правовых процедур анализа эффективности нравственная оценка в контексте стабильности приобретает не менее значимое для власти влияние. Сколько бы ни был успешен и эффективен правительственный курс Б. Годунова, общество не приняло его как царя, а это означало лишь одно – внутреннее неприятие власти и фактическое начало Смутного времени. В современных условиях именно выборные процедуры позволяют проверить, насколько власть легитимирована на этом уровне. Манипуляция электоральными технологиями приводит к искаженному представлению о существе отношений обществе к власти, и после достигнутой на определенном этапе этим стабильности, наступают аномии ценности, абсолютизация абсентеизма, перерастания его в активно-пассивные формы сопротивления власти. Фактор электоральной поддержки должен естественно, а не искусственно показывать власти политические настроения общества и выносимые им морально-нравственные суждения. В задачу власти входит уже их дальнейшая переработка в кон-

кретные политические решения. Дальнейшая манипуляция политическим сознанием населения и возможное ограничение в выборных процедурах, как было показано выше, может привести к обратному эффекту. И вместо легитимации возможна делегитимация манипулирующей власти. И наоборот, гармоничная обществу реализация фактора электоральной поддержки позволяет говорить о длительном существовании стабильности всех институтов и персоналий политической власти.

Политической власти крайне необходимо учитывать все формы, все уровни и все уровни проистекания легитимности. Их гармоничное соединение дает благотворный эффект на жизнь всего социума. Грамотный учет и реализация этих факторов легитимации необходимы в обычных условиях существования власти в обществе, и тем более необходим взвешенный подход в условиях кризиса, переходного состояния общества, когда процесс отражения и реализации уровневых факторов не поспевает за изменяющейся социальной и политической реальностью. Прежние условия переосмысливаются, вытесняются из политической практики, а на их место приходят новые, наслаиваются на старые, – и в этой динамичной ситуации происходит нарушение внутренней непротиворечивости самих этих нормативных факторов.

Объективная трудность полной легитимации любой политической власти состоит в противоречии между сформировавшейся в процессе исторического развития политической и социальной системы и возникшим в ходе трансформации общества новым содержанием легитимирующих власть факторов, во внутренней противоречивости самих факторов. Так, например, для современной России характерно сегодня отсутствие общепризнанных идеологических ценностей. Более того, реализация как советской, авторитарной стратегии легитимации власти, так и либеральной, демократической стратегии влечет за собой нарушение нравственных норм. Те и другие нарушали нормы и процедуры правового уровня. Можно сказать, что идеальный учет и воплощение всех факторов легитимации, постоянный мониторинг социально-политических, экономических, духовно-нравственных и прочих тенденций изменения их содержания является неким идеальным типом существования легитимности. Тем не менее, власть, общество и, особенно, экспертное сообщество обязаны отслеживать, учитывать и осуществлять максимум действий по

достижению полной гармонизированной легитимности политической власти. Признание динамичности процессов легитимации власти обуславливает активистскую роль самой власти в обеспечении легитимности. Динамизм легитимации наглядно продемонстрирован на рисунке [10]. На этой основе выстраивается классификация режимов по основаниям легитимности и эффективности.

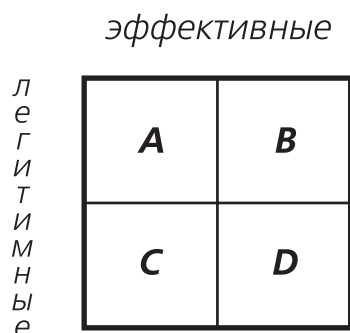

Рис. Эффективность и легитимность

На этом рисунке позиция «А» как раз и отражает этот идеальный уровень легитимации при полной реализации факторов легитимности. С определенной долей условности, в эту группу стран можно отнести развитые страны Европы и Соединенные Штаты Америки. Позиция «В» определяет наличие у режима определенной легитимности при отсутствии эффективного политического курса. Это характерно для стран с высоким уровнем интегративного фактора и фактора стабильности, когда, например, легитимация осуществляется по идеологическому принципу (например, Северная Корея). Позиция «С» говорит об эффективности политического режима, при этом недостаточной его легитимности. Ситуация весьма характерна для авторитарно-модернизационных стран (классический пример – Чили при Пиночете). Вполне в эту модель укладываются и технократические модели власти, один из которых реализуется в современной России. Варьирование легитимности при такой ситуации возможно в достаточно больших пределах. Так, в России помимо фактора эффективности предельно реализуется фактор личностной поддержки, что повышает уровень легитимности политической системы. Наконец, позиция «D» говорит нам о режимах нелегитимных и неэффективных. Казалось бы, и сама организация власти невозможна в таких условиях. Отнюдь, пока политический режим осуществляет властные полномочия,

значит он легитимирован на определенном уровне. И даже при минимальном уровне легитимности и эффективности власть, имеющая авторитет, например в силовых структурах, может продержаться определенное время. Поскольку легитимность динамична, то возможен определенный переход из одного квадрата в другой. Он может реализовываться по следующим сценариям [11]:

- в ситуации «В» вполне возможна мобилизация внутренних ресурсов эффективности существующим политическим режимом или новым правительством и возвращение в зону «А» (например, Франция конца 60-х годов);

- возможен вариант мобилизации внутренних ресурсов общества, повышение эффективности при понижении степени легитимности власти, характерно для авторитарно-модернизационных режимов, то есть переход из «В» в «А» через состояние «С», когда после достижения эффективности начинается постепенная легитимация политического режима (вариант Пиночета в Чили);

- мобилизация внутренних ресурсов общества через системный кризис, с утратой социально-политической легитимности и стабильности, посредством социальной и политической революции и переход через «D» в «А» (Великая французская революция или Россия февраля и октября 1917 года, осени 1993 года);

- катастрофа, распад общественной системы в целом, остановка в зоне «D» (Восточная Германия, Южный Вьетнам, СССР);

- повышение эффективности с последующей легитимацией – через «С» в «А» – за счет внешних ресурсов (послевоенные Япония и Западная Германия).

Многое зависит от того, насколько далеко заступила политическая власть за границу между «В» и «D».

Еще одну корреляцию трех основных факторов легитимации власти исследовал С. Липсет, представивший ее в виде следующей таблицы [12]:

Таблица 1

Легитимность, эффективность, стабильность

Легитимность	+	-	+	-
Эффективность	+	-	-	+
Стабильность	А	В	С	С

При наличии эффективности и соответствия режим стабилен (А), при их отсутствии – нестабилен (В). При наличии же только

одного из двух компонентов режим находится в неустойчивом положении (С).

Очевидна связь фактора легитимного соответствия и фактора эффективности политической власти. Трудно отрицать, что демонстрация властью успешности в осуществлении своих полномочий и обещаний способствует росту ее авторитета. Высокая эффективность может даже стать предпосылкой повышения легитимности власти, а низкая – подрывать ее. Действительно, оценка того, насколько государство способствует удовлетворению их целей, – важнейший фактор легитимности, являющийся наряду с фактором соответствия и стабильности основным фактором. Как заметил Гегель, «если гражданам нехорошо, если их субъективная цель не удовлетворена, если они не находят, что опосредованием этого интереса является государство как таковое, то прочность государства сомнительна» [13].

Таким образом, легитимность взаимозависима с явлениями стабильности и эффективности власти. Однако есть авторитетное направление, рассматривающее легитимность исключительно как психологическое понятие. Никакие ссылки на законы, на целесообразность или традиции не сделают власть легитимной до тех пор, пока эти аргументы не станут убедительными для большинства или, хотя бы, значительного числа управляемых. В отличие от системного подхода психологическое направление анализирует не структурные категории политических взаимодействий, а различные полюса властных отношений, прежде всего отношений население-власть. С точки зрения психологизаторского подхода, без выяснения механизмов повиновения граждан власти нельзя вообще говорить о ее наличии, даже если бы у субъекта присутствовало весьма выраженное стремление употребить свою волю. Данное обстоятельство с неизбежностью ставит проблему психологических причин подчинения власти.

Взаимосвязь факторов эффективности и легитимного соответствия, с позиций данного подхода, также имеет психологическое основание. Эффективность здесь сопоставляется с инструментальными ценностями, а легитимное соответствие – с терминальными. При удовлетворении базовых потребностей за счет успешного экономического роста актуализируются более высокие устремления личности (в т. ч. стремление к осознанию себя как субъекта общественного развития). Эффективность не сводится только к экономике [14]. Помимо материальных, не менее (а час-

то и более) важным является удовлетворение таких потребностей граждан, как безопасность, эмоциональная поддержка, уважение и т.п. [15].

Оценка власти населением может осуществляться по различным ее параметрам. Однако, как показало исследование, проведенное Е. Б. Шестопал [16], основными изменениями являются:

- 1) сила – слабость;
- 2) симпатия – антипатия.

Соответственно, в современных условиях власть воспринимается россиянами как:

- 1) слабая, выражающаяся в неспособности государства обеспечить повседневную безопасность;
- 2) размытая, неопределенная (непоследовательная, нерешительная);
- 3) отчужденная (безразличная к положению людей, не проявляющая элементарного уважения и заботы, рассматривающая людей как «винтиков»);
- 4) корыстолюбивая, эгоистичная [17].

Однако, каким бы ни был исследовательский подход ученого, вывод у всех одинаков: раскрывая сущность легитимности власти, выстраивая многомерные структурные модели ее легитимации, ученое сообщество вырабатывает научное видение оптимизированного варианта существования власти, ее подлинной легитимности. Задача самой власти заключается в необходимости прислушиваться к подобным рекомендациям. К сожалению, не всегда такой подход реализовывался в политической жизни России.

Итак, максимально эффективной является политическая власть, легитимированная на всех трех уровнях и на основании всех шести факторов легитимности в равномерной пропорции. В этом – условие ее стабильности, способности эффективного проведения политического курса, возможности к адекватной адаптации к изменениям внешних и внутренних условий существования, обеспечения гармонизированного состояния взаимоотношений власти и общества.

Наличие подобных взаимозависимостей и корреляционных связей позволяет говорить о легитимности как о динамичном политическом явлении, в определенном смысле можно сказать, что инклюзивность самой власти во многом проявляется в колебаниях ее легитимности. Легитимность, рассмотренная сквозь призму процессуального подхода, предстает как стохастический процесс легитимации. Причем колебания легитимности

могут быть в русле как положительной, так и отрицательной регрессии. В силу этого в профессиональном, экспертном сообществе принято говорить о той или иной степени легитимности власти, поскольку она включает наряду с укрепляющими власть факторами также и те, которые ослабляют легитимность. Факторы делегитимации являются обратной стороной факторов легитимации. Если тот или иной фактор укрепления власти не реализован в политической практике, то он автоматически становится делегитимирующим властью явлением. По этой логике ведущим фактором делегитимации будет, по аналогии с легитимационным фактором соответствия, несоответствие тому принципу, на котором она базируется. Например, для традиционного общества разрушительным оказываются несоответствия властной элиты заложенным в обществе сакральным принципам, а следующие за этим перемены приводят к постепенному отходу от политических традиций. В разных обществах этот процесс протекал с различной степенью конфликтности социальных групп. Любые действия власти, не соответствующие заданным рамкам, подрывают ее основы. Современный пример – это несоответствие деятельности президента В. Путина после трагедии с атомной подводной лодкой «Курск», когда первоначальная безучастность и невыраженность позиции негативно отразилась на степени легитимности всей власти. По аналогии можно вывести и прочие делегитимирующие власть факторы. Обратной стороной фактора эффективности становится неэффективность власти, невыполнение ею своих обязанностей и недостижение поставленных политических, экономических и прочих целей. Кризис правящей группы, внутриэлитные распри и несогласия, снижающие стабильность политической власти, во многом являются следствием несоблюдения соответствующего фактора стабильности. Ценностный диссонанс, выражающийся как в форме различия декларируемых и реально воплощаемых властью ценностей, так и как различие ценностных ориентации основной массы граждан и власти, является результатом нереализованности в обществе интегративного легитимационного фактора. Отсутствие личностной поддержки власти может выразиться в общем снижении авторитетности правящей элиты, что может отразиться на благополучии всей политической системы. Наконец, весьма актуальна для современной российской власти непроявленность фактора электоральной

поддержки, выполнение минимума которого выполняется в сугубо технократическом ключе (каковым, по сути, является решение об упразднении электоральной строчки «против всех» или снижение минимального барьера явки). Результатом крайней делегитимации фактора электоральной поддержки может стать отчуждение граждан от власти, отсутствие возможности выразить свои интересы, наступление своеобразной вакуумизации власти с ее последующим расколом. Зачастую именно пассивное отсутствие электоральной поддержки при нереализованности прочих факторов легитимации превращается в активное сопротивление части общества проводимому политическому курсу.

Данное видение власти населением, будучи представленном в массовом сознании, вполне способно стать основанием формирования определенных делегитимационных тенденций в обществе. Признание существования таких факторов легитимации и делегитимации власти заставляет власть занимать активную позицию и быть инициатором многих политических процессов. Имманентным свойством властных структур является достижение признания их господства большинством населения. Такую «технологическую» точку зрения выразил С.М. Липсет. По его мнению, легитимность — «способность системы создать и поддержать у людей убеждение в том, что существующие политические институты являются наилучшими из возможных для общества» [18]. Из данного тезиса вытекает одна из основных технологий самолегитимизации — создание с помощью пропаганды представления о соответствии реальности и ожиданий людей. Данный способ весьма широко использовался в современной России в отношении укрепления влияния СМИ в общественном сознании и практике как четвертой власти. В условиях монополизации информационных потоков гражданам приходилось воспринимать их содержание, а нередко признавать предлагаемые ценности, цели, оценки.

Вполне понятно, что такие установки становятся весьма удобной почвой для установления авторитарной политической системы и ее стабильности. Полная реализация таких установок возможна при доминировании в обществе авторитарной личности,

препятствующей развитию в нем гражданских отношений и цивилизованных отношений с властью. Проведенная факторная дифференциация легитимации власти, так или иначе, применима к демократическому обществу, поскольку именно в таком обществе власть подвергается постоянному анализу и критике. В авторитарном обществе подобные процедуры представляются излишними, поскольку доминирование власти осуществляется на внелегитимационных основаниях — силе и заблуждениях. Истоки этого кроются в исследованных особенностях авторитарного характера в том, что «человек восхищается властью, хочет ей подчиняться, но в то же время он хочет сам быть властью, чтобы другие подчинялись ему» [19].

В любом случае у процесса легитимации есть две стороны медали — легитимирующая и делегитимирующая. И уже от высшего управленческого персонала России многое зависит в реальном легитимационном положении в обществе политической власти. Однако, не все зависит от управляющей элиты, специфика российского политического пространства, вырабатываемая в вековом историческом развитии, создала некие неизменные инварианты и детерминанты политического дискурса, не учитывая которые власть в России обречена на политические неудачи. Помимо названных универсальных факторов легитимационного развития власти, в России существует не только специфическое их распределение и взаимозависимое расположение, но и собственный содержательный контент. Не существует полноценных универсальных легитимационных стратегий. В каждом историческом и географическом пространстве создаются разные и разнообразные конструкции, укрепляющие властное положение правящей группы. Естественно, что выработались универсальные структурные элементы политических действий и целые политические стратегии, легитимирующие власть. Однако существует масса примеров тому, когда такие стратегии, бездумно переносимые на конкретно-историческую почву, не только не достигали своих целей, но и приводили к катастрофическим последствиям. И Россия, к сожалению, исключением здесь не является.

1. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.

2. Вебер М. О буржуазной демократии в России // Социологические исследования, 1992, № 36. С.637.

3. Словарь политического анализа. М., 1993.
4. См., напр. Политология. МГИМО МИД России, Проспект М., 2004.
5. См. напр. Арентс Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996.
- Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993.
- Friedrich C.J., Brzezinski Z. Totalitarian dictatorship and autocracy. N.Y., 1967.
- Щербинин А.И. Тоталитарная индоктринация: у истоков системы. Полис. 1998. №5.
6. Lipset S. Consensus and Conflict: Essays in Political Sociology. – New Brunswick - New Jersey, 1985. P. 23.
7. Парсонс Т. О понятии «политическая власть». Антология мировой политической мысли. Т. 2. М., 1997.
8. В легитимационном контексте крайне любопытен труд Мангейма К. Идеология и утопия. М., 1995, Мангейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994.
9. См. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Начала политического права. М., 1906.
10. Приводится по: Шаран П. Сравнительная политология. В 2 ч. Ч.1. М., 1992. С. 117.
11. Подробней см. Шабров О.Ф. Политическая власть, ее эффективность и легитимность // Политология: Учебник / Отв. ред. В.С.Комаровский. М.: Изд-во РАГС, 2002.
12. Приводится по: Морозова Е.Г. Если власть легитимна // Политолог: взгляды на современность. Вып. 2. М., 1995. С. 70.
13. Словарь политического анализа. М., 1993. С. 291.
14. Патнэм Р. Процветающее комьюнити, социальный капитал и общественная жизнь // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 4. С. 77–86.
15. Шестопап Е.Б. Восприятие образов власти: политико-психологический анализ // Политические исследования, 1995, № 4. С. 90.
16. Шестопап Е.Б. Восприятие образов власти: политико-психологический анализ // Политические исследования, 1995, № 4.
17. Hunt S., Hilton J. Individual development and social experience. London, 1975.
18. Словарь политического анализа. М., 1993. С. 103.
19. См. подробнее Адорно Т. Авторитарная личность. М., 1993.
- Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990.
- Цуладзе А. Формирование имиджа политика в России. М., 1999.

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ МОНАРХИИ В XV–XVIII ВВ. (НА СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ПРИМЕРЕ ОЛОНЕЦКОЙ И ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИЙ)

В.А. ВОРОПАНОВ, А.Н. САБАНЦЕВ

Ретроспективный анализ эволюции судебной системы России на рубеже XX–XXI вв. вызывает закономерно растущий интерес отечественных исследователей [1]. Углубленное изучение местных социально-политических и этнокультурных условий функционирования государственно-правовых институтов, региональных особенностей управленческой, судебной, правотворческой практики местных органов власти позволяет выявить основные принципы имперской юридической политики, понять закономерности и специфику становления и развития российской государственности. На определенном этапе эволюции политической системы российскому обществу, не имевшему внешнего фундаментального правового наследия, подобного античному римскому, исторически сложившихся профессиональных корпораций юристов, предстояло создать самостоятельную судебную власть со специализированной структурой судебных органов и сложным процессуальным регламентом.

В статье предпринята попытка сравнения и сопоставления опыта правительственного освоения обширных окраин на северо-западе и юго-востоке Российской империи на примере Олонецкой и Оренбургской губерний, роли, целей, форм, способов, эффективности реализации судебной власти в специфических условиях Карельского края и Южного Урала.

С конца XV в. структура центрального управления фиксировала не только усложнение государственных функций, но и особенности положения отдельных областей России. Присоединенные земли, как с русским, так и смешанным населением, последовательно выводились из-под контроля внешнеполитического ведомства и передавались специальным территориально-отраслевым учреждениям. После присоединения территорий Великого Новгорода к Московскому государству большая часть Карелии вошла в состав

Карельского и Новгородского уездов. Земли саами на Крайнем Севере и Керетская волость оказались в составе Двинской земли. Бывшие новгородские владения состояли в ведомстве специальных должностных лиц – дворецкого и дьяков новгородских Казны и Дворца. Приказные чины назначались царем и непосредственно участвовали в управлении северо-западным регионом. Так, в Заонежских погостах дворецкий Новгородского дворца совместно с дьяками курировал вопросы местного землевладения, разбирая возникавшие споры и конфликты. Дьяк Новгородской казны собирал налоги в городах, а также на севере Карелии – в Кемской и Шуерецкой волостях, осуществляя следствие и правосудие по делам местных жителей. Суд над «лоплянами» вершился в центре обширного края – Новгороде. В 1539 г. полномочия дьяков Новгородской казны в Кеми и Шуе приняли дьяки Дворца [2].

Право суда как неотъемлемая принадлежность административно-управленческих полномочий, отраженная в родстве понятий «судить» и «управить», с конца XV в. являлось узаконенным видом доходов местной администрации. Включение функции суда в кормленную систему великокняжеские уставные грамоты компенсировали санкцией древнего института судебных представителей – авторитетных лиц общинного мира, выразителей обычного права, гарантов правосудия [3]. В Новгороде полномочия управления и суда вручались наместникам боярского звания, ответственным проводникам государственно-политических планов, находившимся под неусыпным контролем верховной власти [4]. С 1496 г. Заонежские погосты делились на станы – округа сельских кормлений во главе с волостелями. Наместники не вмешивались в вопросы управления нерусским населением окраинных территорий. Керетская волость и земли саами оставались вне компетенции

местных государственных органов. Наконец, по делам церковной юрисдикции суд в области производился дьяками, представлявшими власть архиепископа.

Руководство восточными «царствами» с 60-х гг. XVI в. осуществлял приказ Казанского дворца. К концу XVI в. юрисдикция приказа охватывала Среднее, Нижнее Поволжье, Южное Приуралье, Сибирь. В новоприобретенных регионах ответственность за укрепление и всемерное расширение государственного влияния, учет населения, систематизацию и обеспечение исполнения налоговых обязательств и обычных повинностей, осуществление суда, гарантирующего общественный порядок, возлагалась на воевод, контролировавшихся специальным приказом. Действовавшая до XVIII в. система управления способствовала постепенному осмыслению специфики регионального аспекта. Приобретаемый опыт анализировался и обобщался в центральных ведомствах, оформлялся в типовых наказах, составлявших правовую основу деятельности воеводской администрации [5]. Движение российской государственности на восток в 50-х гг. XVI в. охватило башкирские племена. После 1586 г. Башкирия составила Уфимский уезд, возглавлявшийся воеводами из числа детей боярских, подотчетных казанскому воеводскому управлению.

Воеводы удаленных от Москвы территорий имели специальные наставления и полномочия не только в сфере управления, но и суда. В уголовных делах допускалось применение ими смертной казни с донесением о приговорах, касавшихся исключительно знатных лиц, имущественные претензии удовлетворялись без ограничений в сумме иска [6]. Воеводы главных городов рассылали на места представителей правительственной администрации, регламентируя их деятельность. Реальная роль и активность губных органов, повсеместно вводившихся в 50-х гг. XVI в., в восточных уездах обуславливались статусным положением приказа Казанского дворца и назначенных в ключевые центры власти и управления должностных лиц [7].

В 1550-х гг. система кормленных должностей в государстве подверглась последовательному сокращению. Так, в середине 1550-х гг. волостей в Заонежских погостах сменили представители администрации Новгорода. На рубеже 50–60-х гг. XVI в., вскоре после начала тяжелой для России Ливонской войны, на Корельский и Новгородский уезды, как и восточные, распространилась власть

воевод, соединив в комплексе обязанностей местной администрации задачи внутреннего управления с решением внешнеполитических вопросов. Установление воеводств в Новгороде и Кореле способствовало развитию практики сельского и волостного самоуправления. Локальная специфика жизнедеятельности подданных учитывалась актами сепаратного законодательства – «государевыми грамотами». Губная реформа в регионе проводилась на основе военно-пятинного устройства. Корельский, Орешковский и Ладожский уезды составили единый округ – Корельскую половину Водской пятины, где губных старост и целовальников избирали уездные помещики. Заонежские погосты вошли в Заонежскую половину Обонежской пятины. Впрочем, из-за компактного размещения поместий юрисдикция местных губных старост распространялась лишь на Посвирье и южный берег Онежского озера [8]. В остальной части Заонежья, а также на Севере, в Лопских погостах, губных старост с начала 1560-х гг. избирали крестьяне, получившие, таким образом, право государственного суда в первой инстанции. Опричный режим не оказал значительного влияния на сложившуюся практику управления и суда.

Таким образом, самодержавное правительство, обеспечивая интересы обороноспособности и внешнего влияния усилившейся во второй половине XV – первой половине XVI вв. России, объективно наделяло должность главы местной администрации на окраинах государства, включая Карелию и Южное Приуралье, политическим значением, сохраняя повышенные меры контроля за деятельностью своих представителей в «национальных регионах». Совмещение исполнительных и судебных полномочий в должности воевод, взаимопроникновение административных, гражданских, уголовных правоотношений в повседневной жизнедеятельности оставались исторически обусловленным явлением, характеризовавшим современное правосознание. Длительный процесс становления правовой системы постоянно расширявшегося государства исключал единую и однородную судебную систему. Передача уголовных функций наместников и волостей населению осуществлялась с учетом как локального своеобразия в его составе, так и реального статуса главы местной администрации – в Новгороде или Казани. Многообразие и смешение культур, местных обычаев определяло существование различных форм традиционного суда. Наконец, принципом веротерпимости в Рос-

сии санкционировалась инославная духовная юстиция, включая действие шариатских судов, закономерно испытывавших влияние обычного права.

Преодоление последствий Смутного времени вызвало усиленные меры по централизации власти, управления, суда в первой половине XVII в. В частности, в 1649 г. Заонежские и Лопские погосты были выведены из состава Новгородского уезда и переданы в воеводство с центром в г. Олонце, обозначив новый этап государственного освоения северных земель. Через олонецких воевод правительство впервые получило возможность постоянно контролировать население удаленных территорий. По условиям Столбовского мира 1617 г. спорные дела, возникавшие между жителями приграничных районов России и Швеции, вершились с обоюдным участием органов управления порубежных городов обеих держав. Распространение на коренное население уголовной юрисдикции царского суда способствовало упрочению политического влияния. Однако, несмотря на важность его адаптирующей роли, общих принципов правосудия в «национальных регионах» выработаться не могло. Экономические, социально-политические и нравственно-идеологические основы кормления должностных лиц от исполнения административных и судебных обязанностей в XVII в. оставались неизменными. Как пишет Г. П. Енин, представители власти традиционно рассматривали уезд в качестве пожалованной во временное пользование вотчины, крестьян и посадских людей – в качестве корпоративной собственности: «получение от них наиболее высокой ренты являлось первостепенной задачей кормленщиков на административной службе» [9].

Неудовлетворительная компетентность воевод на Европейском Севере, в Поволжье, Южном Приуралье или Сибири оставалась схожей. В частности, башкиры ежегодно съезжались для судебных дел в Уфу, однако пороки и недобросовестность администраторов лишали воеводский суд авторитета, побуждая истцов обращаться к обычным органам правосудия. Межэтнические конфликты, связанные со стихийным наплывом переселенцев, приводившие к убийствам и массовым столкновениям в удаленных от Уфы местностях, не привлекали должного внимания воевод, озаченных решением насущных военно-политических и фискальных задач [10].

Изменения в системе государственного управления в первой половине XVIII в. опре-

делялись не только логикой, но и условиями строительства Российской империи. Интенсивность регионального законотворчества соответствовала текущим задачам институциональной, социальной, правовой интеграции территорий и часто зависела от состояния международных отношений. Деконцентрация государственной власти в пользу губернаторов на пике Северной войны приблизила судебную-административную власть к населению, вызвав структурную реорганизацию центрального аппарата. Отраслевой принцип управления становился доминирующим, но единообразие организации правительственных учреждений не могло охватить всех областей, что отразилось инструкциями, преемственные по целям и содержанию наказам XVII в., губернаторам ряда пограничных и осваиваемых территорий [11].

К началу XVIII в. основную часть Карельского края охватывал Олонецкий уезд, ставший в 1719 г. Олонецкой провинцией Ингерманландской (Петербургской) губернии. Карельское поморье вошло в состав Архангельской губернии. Практика управления землями Ингерманландской губернии традиционно обладала особенностями. Деятельность провинциальных воевод определялась не распоряжениями и наказами Разрядного приказа, но именными указами монарха и личными распоряжениями князя А. Д. Меншикова, наделенного широкими правами [12]. Одной из главных задач губернских властей стало участие в «Балтийском корабельном строении», обусловившем приписку ряда районов к Олонецкой верфи, подчиненной Адмиралтейству. Под контролем военно-морского ведомства находились Олонец, Каргополь, Белоозеро, Устюжна, составившие особый адмиралтейский округ. Местные коменданты уступили часть полномочий адмиралтейским комиссарам, принимая участие в производстве следствия по уголовным делам и суде [13].

Одновременно край был включен в Олонецкий горный округ. Власть в горном округе с начала XVIII в. осуществлялась канцелярией Олонецких Петровских горных заводов. Канцелярии принадлежало право суда и расправы над мастеровыми, а также населением погостов и волостей, приписанных к заводам. Со окончанием Северной войны Олонецкие Петровские горные заводы утратили свое стратегическое значение и пришли в упадок. В 1727 г. из ведения Адмиралтейства они отошли к Берг-коллегии, а Олонецкий уезд вошел в состав Новгородской губернии.

В Олонце восстановилась воеводская канцелярия, власть которой распространилась на большую часть уезда.

Если контроль государственных органов над населением северных уездов мог вполне удовлетворить российскую монархию, то взаимоотношения власти и населения восточных провинций в начале XVIII в. потребовали форсированного развития. Однако увеличение налогов в сочетании с произволом местной администрации, спровоцированным воззрениями Петра I на роль государства в развитии общества, стали причиной массового неповиновения и вооруженного сопротивления населения в Поволжье и на Южном Урале в 1705–1711 гг. [14]. В 1724 г. В. Н. Татищев доложил императору обоснованное мнение о причинах социальных волнений в крае, предложив, в частности, разделить его жителей «под разные суды», разместив дополнительных должностных лиц внутри Башкирии под охраной воинских команд или вдоль сложившейся дороги из Казани в Тобольск с запрещением самосуда в тяжких преступлениях [15]. Расширение системы органов правосудия рассматривалось опытейшим чиновником как главный шаг к упрочению государственного влияния и обеспечению общественного порядка.

Именной указ от 27 июля 1728 г. вследствие челобитной, поданной башкирской делегацией в Коллегию иностранных дел 6 марта, временно лишил Казанского губернатора власти над Уфимской провинцией, подчинив ее непосредственному ведению Сената, подтвердил действие выданных башкирам жалованных грамот и сообщил населению о строгом наставлении нового воеводы П. Бутурлина «никакого озлобления и обид и налог отнюдь никому никаких не чинить и нападками взятков ни с кого никакими мерами не брать, и подчиненных своих до того не допускать». Сбор ясака полагался в привычных объемах, в установленные сроки и впредь без участия служилых людей. Наконец, «суд и расправу» П. Бутурлину было приказано осуществлять так, как прежде такие суды были чинены по прежним данным воеводским наказам: «в правду, не чиня никому ни малаго продолжения и волокиты» [16].

Между тем, геополитическое развитие империи актуализовало планы государственного освоения Южного Приуралья. Негативные последствия слабого контроля над регионом, в частности, в 1730 г. с чувством европейски высокомерного и грубого превосходства комментировал казанский губернатор

А. П. Волынский. Беглые русские крестьяне и посадские люди самовольно оседали в ясачных селениях на востоке или вместе с ясачными «иноверцами» – татарами, чувашами, удмуртами, марийцами, мордвой, растворялись в Башкирии – «Уфимской провинции». Прекратить систематический выход подданных из сферы налогообложения губернатор предложил радикальным выравниванием населения в выплате подушной подати [17].

Цели Оренбургской экспедиции, запланированной на 1734 г., сформулировал обер-прокурор Сената статский советник И. К. Кирилов: утверждение российского господства в области проживания полукочевых и кочевых народов, обеспечение безопасности внешних торговых путей, развитие торговли, строительство заводов и городов, заселение края [18]. В мае 1734 г. последовал ряд правительственных указов, охвативших многообразные вопросы управления Уфимской провинцией. Важное место в инструкции И. К. Кирилову от 18 мая заняли принципы организации правосудия. Признав нефункциональность аманатства, монарх предложил прекратить употребление термина и окончательно вытеснить институт заложников из практики взаимоотношений с подданными, образовав судебные коллегии из русских чиновников и представителей местной социальной элиты. Суды обязались применять нормы обычного права, учитывать традиции и нравы местного населения [19]. Приняв во внимание обширность края, 31 мая Сенат узаконил разбирательство мелких уголовных дел в третейских судах без обращения в провинциальную канцелярию и выплат судебных пошлин за исключением инициативных просьб о записи мировых челобитных в государственной документации [20].

Маршрут экспедиции через Уфимскую провинцию был признан ошибкой из-за недооценки социально-политической ситуации в регионе, повлекшей самое крупное выступление башкир (1735–1741), опасавшихся расширения сфер государственного влияния. Правительство сделало запоздавшую попытку остановить движение отряда И. К. Кирилова. Политическая администрация единодушно признала главным источником народного возмущения произвол и бесконтрольные поборы местных чиновников, подвергшихся уголовному преследованию. Жестоко подавляя восстание, уполномоченные лица искали средства для умиротворения населения, упорядочивали налогообложение с учетом нарушения

родовых связей среди башкир, равномерно распределяли повинности с включением пришлых крестьян, пресекали массовые правонарушения в гражданской сфере. Уже в январе 1735 г. И. К. Кирилов сообщил правительству, что «суд застал по здешнему народу весьма обидной», служившим местному начальству традиционной статьёй доходов. Любой иск оформлялся челобитной с взиманием пошлины, сыскные сборы оставались нерегламентированными, мировые соглашения не добавляли стороны от явки в Уфу. И. К. Кирилов обратил внимание монарха на необходимость развития архаичной формулы воеводского наказа о суде указанием на письменную или словесную форму. Наконец, обычными мерами воевод являлись использование осужденных за воровство людей в частных услугах или попросту продажа рабочих рук. Между тем, большинство уголовных дел было связано с кражей лошадей. Неадекватность мер наказания, по свидетельству И. К. Кирилова, стала причиной распространённого среди народа мнения, «что де дикого зверя – волков всех перевели, ...а воров де уфинския судьи перевести не могут» [21].

Возглавивший Оренбургскую комиссию в мае 1737 г. В. Н. Татищев стремился вернуть коллегиальность в управлении краем, добивался бескомпромиссного осуждения подчиненных за совершенные преступления, оптимизировал систему местных налогов и повинностей. С 1737 г. число центров управления и суда в крае увеличилось. По условиям деятельности, полагали члены имперской администрации, всех воевод следовало посылать в край от имени Сената, отбирая квалифицированные кадры и повышая доверие населения. Офицеры, временно заместившие воеводские вакансии, были снабжены инструкциями по исполнению своих обязанностей [22].

Обеспечение правосудия последовательно оценивалось как ключевой элемент в системе мер, упрочивающих политическое господство. Вернувшись к вопросу о повышении эффективности государственного суда, в частности, в марте 1738 г. в наставлении провинциальной канцелярии В. Н. Татищев разъяснил: «Главное дело есть, чтобы суд и расправа было беспродолжительное и по законам беспристрастное, чим такие дикие народы наипаче в добром порядке и покорности содержаны быть могут». Ограничить местное судоустройство инстанцией в Уфе не позволяли площадь провинции и общее число дел, под-

лежавших рассмотрению, однако, желая изменить настроения башкир, недвусмысленно сообщавших об отношении к судейскому персоналу, В. Н. Татищев установил право апелляции на решения нижестоящих органов и ввел жалование воеводам и канцелярским служителям, что являлось исключительным фактом в России до введения штатов Екатериной II, подтвердив населению противозаконность любых подношений и вымогательств [23].

Очередной глава уфимской администрации П. Д. Аксаков публично осудил сложившиеся порядки управления и побудил население подать сотни исков и жалоб против должностных лиц. Именной указ от 11 февраля 1736 г., содержащий перечень мер по нейтрализации башкирского возмущения, в частности, запретил несанкционированные собрания народа и впредь обязал избирать по 2–3 старшины на волость сроком на 1 год, ответственных перед коронными властями за нарушения общественного порядка и ясачных выплат. Глава Комиссии башкирских дел генерал-лейтенант Л. Я. Соимонов трактовал указные нормы по текущим обстоятельствам. П. Д. Аксаков засвидетельствовал искажения статьи указа о старшинах, поставленных распоряжениями генерала бессменно с охватом нескольких волостей без должностных наставлений и приведения к присяге, закономерно оказавшихся новым бременем для беззащитного перед властью населения [24]. И. И. Неплюев, первый руководитель Оренбургской губернии, образованной по указу от 15 марта 1744 г., отменил введенные Л. Я. Соимоновым должности главных старшин, исполнивших координирующие задачи, и вручил волостным письменные инструкции с подтверждением ранее переданных им ограниченных судебных функций [25].

В представлении переводчика Уфимской провинциальной канцелярии К. Уракова, составленном в 1746 г. под влиянием деятельности вице-губернатора П. Д. Аксакова, предлагалось производить смену старшин «по силе вышеписанного указа для лутчей казенной пользы и народного довольствия» и сузить судебные полномочия волостной администрации, склонной к их незаконному расширению, через запрет на решение челобитных дел, пошлины с которых часто не поступали в канцелярию. Дела духовной юрисдикции передавались при указах ахунам, однако исполнение решений суда по шариату зависело от канцелярии, создавая волокиту и неограниченные возможности для злоупотреблений.

Для ускорения и повышения результативности судопроизводства по делам шариатского суда К. Ураков предложил создать сменяемую коллегию духовенства с участием представителей «дорог», способного переводчика с нравственной репутацией и канцелярских служителей. Деятельность шариатских судов в духе времени подлежала регламентации [26].

Социальные противоречия, копившиеся на Южном Урале в 40–60-х гг., получили выход в пугачевском движении (1773–1774 гг.). Обещая архаизацию общественной жизни, распространяя казачьи порядки, легкие на расправу руководители восстания рассылали слепые угрозы о смертной казни уполномоченным лицам за любые преступления по должности. Тогда же в лице Екатерины II правительство спешно готовило альтернативные средства достижения и поддержания социального равновесия в рамках сложившегося в России общественного строя. Судебно-административная реформа, осуществлявшаяся с 1775 г. и направленная на ускорение политико-правовой эволюции России, была неразрывно связана с процессами формирования крупных сословий. Издания жалованной грамоты для государственных крестьян не состоялось, однако роль всех категорий населения в местном управлении значительно возросла. В установленных законами пределах личной свободы подданным гарантировались их гражданские и сословные права, получившие охрану в органах уездной полиции, уездных и губернских судебных инстанциях в лице выборных сословных представителей. Самодержавие поощряло участие обывателей в практике суда и управления путем укрепления корпоративной структуры и системы правовой защиты. Продуктивность мер рутинизации и дидактической деятельности коронных органов была поставлена в зависимость от степени административной ответственности складывавшихся сословий.

Уже в 1776 г. была образована Олонецкая область, как часть Новгородского наместничества, «из Олонецкого уезда, из Петрозаводского ведомства», переименованного в Петрозаводскую округу, «из Вытегорского уезда, из Лопского Паданского комиссарства... из Каргопольского уезда, за исключением северной части...» [27]. Северные районы Каргопольского уезда с числом жителей до 10 000 человек отошли к Архангельской губернии [28]. Именным указом от 21 марта 1777 г. Петрозаводская слобода переименовывалась в город [29], указом от 12 мая 1782 г.

из Олонца в Петрозаводск было переведено провинциальное правление. В первой половине 1780-х гг. масштабные преобразования завершились на окраинах государства. Административно-территориальное устройство всех областей империи получило развитие. В частности, указ от 23 декабря 1781 г. разукрупнил Оренбургскую губернию, образовав Оренбургскую и Уфимскую области в составе 12 уездов [30]. В 1784 г. был выделен Троицкий уезд [31]. В 1784 г. Олонецкая область получила самостоятельный статус губернии. В 1785 г. число уездов в Олонецкой губернии увеличилось с 6 до 8: Лодейному Полю и Пудожу присвоили статус городов [32]. Таким образом, на территории Олонецкого края завершилось образование административных центров, получивших определенное финансирование и штаты служащих.

Число специализированных судебных мест устанавливалось в строгом соответствии с составом и численностью народонаселения, а также размерами провинций. Удельный вес первого сословия, представленного, преимущественно, табельными служащими, оставался в указанных областях России минимальным. В 1782 г. дворяне составляли 910 душ муж. пола в Уфимском наместничестве и 130 в Олонецком [33]. Таким образом, на Южном Урале суды для дворян и разночинцев с припиской к ним крепостного населения открылись лишь в 5 уездных городах [34]. «В уважении, что в Олонецком наместничестве обретается некоторое количество дворянских имений» указ от 5 сентября 1784 г. санкционировал штат одного уездного суда в Вытегорской округе [35].

Открытие магистратов и ратуш как судов первой инстанции для городских сословий было ориентировано на изменения численности и платежеспособности купеческо-мещанских «обществ», объективно свидетельствуя о качестве экономического развития регионов. Первые выборы в Петрозаводский городской магистрат состоялись 1 августа 1778 г. [36] В целом штат Екатерины II предусматривал открытие в Олонецкой губернии пяти городских магистратов и трех ратуш в 1782 г. В 1786 г. граждан, подсудных Петрозаводскому городскому магистрату, в городе насчитывалось 715, в уезде – 4002 человека [37]. Через год купцов и мещан, подсудных Петрозаводскому городскому магистрату, стало 785 человек [38].

Реформа повлекла увеличение числа штатных городов, форсировала рост купеческо-мещанского сословия, но в укрепленных

центрах развивающегося Южного Урала доминировали военнотрудовые люди, составлявшие, в частности, 69 % жителей в Челябинске, 71 % в Уфе, 78 % в Оренбурге. В Белебее, Бугульме и Бугуруслане преобладали крестьяне [39]. К 1784 г. магистраты действовали в Оренбурге, Уфе и Челябинске [40]. Население остальных городов охватывала юрисдикция сословных судов с учетом географических расстояний и транспортных удобств [41]. «Татарское» общество в Сеитовском посаде под Оренбургом получило особую ратушу, однако его численность не была устойчивой. В июне 1792 г. 168 мещан и 1820 купцов посада записались в иррегулярные войска из-за неспособности поддержать статус [42].

Первой инстанцией судебного разбора дел сельского податного населения стали расправы, рассчитанные на подсудность от 10 до 30 тыс. чел. Сфера объектной юрисдикции судов унифицировалась, охватив служилых людей прежних сословий, казаков, ямщиков, непомещичьих крестьян, ясачные общества [43]. До образования новых областей администрация собирала сведения о происхождении, численности, культурных особенностях подведомственных групп населения [44]. В 1782 г. в уездах Южного Урала проживало уже свыше 588 тыс. чел., в том числе 219,1 тыс. русских, 138,9 тыс. башкир, 82,7 тыс. татар, 44,1 тыс. чувашей, 19,1 тыс. мордвы, 1,8 тыс. украинцев, 0,8 тыс. удмуртов. Соотношение народностей по уездам было различным. Основная масса башкир сосредотачивалась в Верхнеуральском, Белебеевском, Бирском, Оренбургском, Стерлитамакском, Троицком и Уфимском уездах, мишарей – Бирском, Белебеевском, Стерлитамакском, Уфимском и Челябинском. Большинство русских населяло Бузулукский, Сергиевский, Троицкий и Челябинский уезды, татар – Бугульминский, Мензелинский и Оренбургский, чуваш – Белебеевский, Бугурусланский, Бугульминский, Бузулукский и Стерлитамакский, мордвы – Бугульминский и Бузулукский, удмуртов и маришцев – Бирский, украинцев – Бугурусланский уезд [44]. Свыше 80 тыс. южно-уральских крестьян числились в сословии тептярей и бобылей, более 19 тыс. принадлежали дворцовому ведомству. В категорию пахотных солдат входило 1250 чел., однодворцев – 348 [46].

Верховная власть не только законодательно обеспечила сословно, социально, культурно обособленным сообществам равные условия для участия в государственной жизни, но и сочетала политику унификации

системы управления и суда с сословными процессами дифференциации, последовательно и прагматично упорядочивая социально-правовую организацию населения. Коренной этнос Южного Урала насчитывал к концу XVIII в. свыше 160 тыс. чел. [47] В общественном строе башкиры окончательно выделились в категорию коллективных землевладельцев, подобную донскому казачеству, обладая особым объемом сословных прав и повинностей. Статус башкир, подобно статусу служилых татар XVI–XVII вв., формально мог быть распространен на иные этнические группы [48]. С учетом компактности расселения, близости образа жизни и статусного положения в январе 1782 г. башкиры и мишари поступили в ведомство отдельных расправ. В двух нижних земских судах Оренбургской провинции, «в разсуждении пространства и разности языков», по штату добавлялся 3-й сельский заседатель [49]. Впрочем, башкирские и мишарские представители включались в состав уездной полиции по усмотрению губернской администрации на основе социальной статистики. В 1782–1784 гг. специальные суды открылись в Белебее, Бирске, Оренбурге, Троицке, Уфе и Челябинске – по составу населения. В 6 уездах заработали расправы общей юрисдикции. В 4-х уездах, включая Троицкий и Челябинский, не имевших дворянского судебного представительства, формировалось по 2 расправных коллегии [50]. Сословные суды получили порядковые номера, наименование их по этническому признаку возбранилось [51].

Личный состав судей в расправах обуславливался нормативно-правовыми актами, численностью и активностью сельских сословий. В 1782–1783 гг. вакансии сельских заседателей в Уфимском наместничестве заняли зажиточные и, как правило, грамотные поселяне, укрепившие житейские позиции обретением опыта государственной службы [52]. Связи и отношения, сложившиеся среди служилых людей, создавали преимущества низшей администрации при выдвижении кандидатов. Высокий статус башкирских сотников и старшин определялся принципом родоплеменного единства должностных лиц с подведомственным населением [53]. Тем не менее, в условиях политической стабильности влияние рядовых башкир на официальные институты самоуправления заметно возросло, выбор кандидатов для занятия как административных [54], так и судебных должностей предполагал общественное согласие и доверие. Команды

полным составом участвовали в выборах поверенных, свободно подавая голоса, выставя подписи и тамги под баллотировочными листами [55]. Особым приоритетом обладали ветераны, лица, удостоенные боевых наград. Кроме исполнения регулярных повинностей, многие военнообязанные заседатели участвовали в походах против Пруссии, Польши, Турции, гучаевских отрядов [56].

Выборность позитивно влияла на взаимодействие расправ, земской полиции, заводских контор, сельской администрации, представителей разных сословий и этносов. В исполнении полицейских обязанностей происходило естественное взаимное замещение дворянских и сельских заседателей [57]. Совместно с исправниками и коллегами из дворян сельские заседатели участвовали в организации и проведении волостных выборов [58]. Народные избранники строго оценивали скорость делопроизводства, побуждая коллег к исполнительности, «не ожидая более» [59], «избегая впредь излишних переписок», настаивали решать дела «в указанный срок» без «какой-либо остановки» [60]. Судьи определяли судьбу прошений, руководствуясь законной мотивацией и здравым смыслом [61], санкционировали зазывные грамоты, следили за наличием и целевым использованием кормовых денег для содержания колодников [62]. Полицейским заседателям с участием стряпчих поручалась проверка на дому добросовестности уклонения чиновников от канцелярской службы [63].

Процессы огосударствления и унификации судебной сферы проявлялись в апробации форм и обрядов, привычных для населения. Заседатели-мусульмане присягали на верность службе, обращаясь к Корану под руководством муллы и в окружении старшин округа [64]. Приведение к присяге и «увещевание» опрашиваемых свидетелей и обвиняемых осуществлял мулла из числа заседателей или сопровождавший официальных лиц. Официальное делопроизводство на Южном Урале велось на русском и языке тюрки, интенсивно усваивавшем русизмы [65]. На языке тюрки в расправы и суды поступали как присяжные и опросные листы свидетелей, так и указы начальства, рапорты заседателей [66]. Наконец, работу судов облегчали штатные переводчики-толмачи, нанимавшиеся из местных обывателей [67].

О росте доверия к власти, популярности обновленного государственного суда, его доступности сообщают материалы делопроиз-

водственной документации, умножавшейся в 80–90-х гг. XVIII в. Вследствие заинтересованности избирателей перемены в составе сословных судей происходили регулярно. Уволенные заседатели нередко вновь баллотировались на штатные места и получали поддержку во время выборов [68]. Иные лица употребляли полученный ими опыт в помощь крестьянам, ведшим тяжбы или привлеченным к уголовной ответственности [69]. Наконец, бывшие заседатели оказывали содействие государственным органам, в частности, в качестве переводчиков [70].

Деятельность судебных представителей явно влияла на эволюцию правосознания крестьян и служилых людей, выносивших на рассмотрение выборных коллегий имущественные споры и личные «обиды». Обыватели основательно осваивали механизм правосознания, составляя с участием канцелярских служащих содержательные заявления. Иски о краже и традиционном отгоне скота, прежде всего, в пограничных уездах, играли важную роль в массе удовлетворяемых башкирскими судьями жалоб, создавая устойчивую альтернативу самосуду. У обывателей выработывалось понимание ценности правомерного владения имуществом и стремление получать законную поддержку государственных органов в восстановлении своих прав на собственность.

Рядовые башкиры посредством государственных органов удовлетворяли имущественные претензии к вышестоящим по социальной лестнице соплеменникам [71], имели возможность по решению судов переводиться в другие команды, избегая давления и злоупотреблений старого начальства [72]. Большое значение официальное правосудие имело в решении вопросов о коллективной земельной собственности. Посредством государственных должностных лиц утверждались вотчинные права служилых команд в Южном Приуралье, границы казенных поселений [73]. Наконец, расправы применяли формальное право в регулировании семейных отношений, утверждали этические нормы. Охотно доверяли государственным органам разбор семейно-бытовых дел, искали прямой защиты личных интересов как христиане, так и мусульмане [74].

Олонецкая губерния оказалась одной из наиболее крупных и наименее населенной в империи. Подавляющее большинство ее жителей, государственных крестьян, проживало в селениях, отдаленных друг от друга порой на десятки верст [75]. Каждый уездный центр гу-

бернии получил штат нижней расправы, местопребыванием верхней расправы с 1782 г. стал Петрозаводск. Особенностей этнического состава жителей Олонецкого края судебная реформа не отразила. Христианизированное карельское население рассматривалось как часть черносошного крестьянства, уже не требовавшая учета языковой и культурной специфики. Между тем, из 8 олонецких уездов Кемский и Олонецкий числились «карельскими», карелы составляли более половины жителей Петрозаводского и Повенецкого уездов. В Лодейнопольском уезде компактно расселялись вепсы. Устоявшаяся практика взаимоотношений органов государственной власти с коренным населением Карелии, исторически лишенным этнической политической элиты, удовлетворяла правительство. Официальным языком делопроизводства в губернии являлся русский, в определенной степени снижая для значительной части крестьян-карел степень доступности государственного правосудия.

Тем не менее, русскоговорящие карелы обязательно участвовали в деятельности уездной полиции и судебных учреждений. Источники свидетельствуют, что основная работа по рассмотрению судебных дел велась именно в нижних земских судах Олонецкого наместничества [76], преимущественно разбиравших имущественные споры крестьян [77]. Так, в 1781 г. уездными учреждениями полиции было решено 142 дела, 80 % которых составили имущественные конфликты [78]. Наибольшее количество гражданских исков (63) удовлетворил Олонецкий нижний земский суд [79].

Суды II инстанции – верхние земские, губернские магистраты и верхние расправы, комплектовавшиеся путем сословных выборов, действовали в губернском Петрозаводске и, с учетом обширности Уфимского наместничества, в областных Уфе и Оренбурге. Таким образом, в целом, в 1784–1796 гг. отправлением правосудия для помещиков и чиновников в Оренбургском крае было занято 15 заседателей на уездном и 20 на губернском уровне. В Олонецком крае, как в Северном Приуралье или в Сибири, сословных судей с табельными чинами отбирала губернская администрация. В магистратах и ратушах наместничеств было занято соответственно 27 и 30 выборных городских обывателей. Наконец, сельское население обслуживало 42 судебных представителя в Олонецком наместничестве и 72 – в Уфимском.

Третью инстанцию в местной судебной системе составили палаты уголовного и граж-

данского суда, размещенные в центрах наместничеств [80]. В присутствии палаты входили назначаемые чиновники: председатель, 2 советника, 2 асессора. Работу компетентных учреждений разгружали совестные суды, земская и городская полиция, городские словесные суды, органы заводского управления, родового и сельского самоуправления, а также дворянские опеки и сиротские суды, обладавшие специализированными судебными функциями.

Таким образом, политика российской верховной власти в Карелии и на Южном Урале в XV–XVIII вв. учитывала особенности, связанные с обширностью, пограничным статусом территорий, полиэтничным составом населения, влиявшие на структуру и принципы управления и суда в регионах. Особенности реализации судебной власти в последней четверти XVIII в. соответствовали уровню государственно-политического развития России, качеству территориально-политической организации ее пространства. Задачи унификации государственного правосудия решались с учетом исторических, культурных, географических особенностей регионов. Имперские принципы социальной и правовой дифференциации служили фактором ослабления межсословных противоречий, сближения россиян с коренными жителями заселяемых территорий. Сословно-групповая подсудность наиболее полно обеспечивала защиту законных интересов, личную и имущественную безопасность подданных. Выборы усилили процесс амальгамации родовой знати в государственные структуры, благоприятствовали росту социального статуса лиц, заслуживших государственные отличия. Выходцам из податных сословий были предоставлены новые формы и возможности взаимодействия с государственной властью, обогащения мировоззрения и жизненного опыта. «Нерационально» увеличенные судебные штаты объективно вовлекали в поле официальной правовой культуры постоянно растущее число россиян. Пробуждая действительными мерами доверие к государственному суду, интерес к общественной и правовой практике, повышая значимость официальных правоотношений, реформатор способствовал не только социально-политической стабилизации, но и складыванию предпосылок для развития единой правовой культуры, обновления гражданского мировоззрения и правосознания российского населения в равной степени как в северо-западных, так и юго-восточных областях государства.

1. См.: Модернизация политико-правовой системы России: прошлое, настоящее, будущее (К 140-летию Уставов Судебной реформы). Волгоград, 2004. С. 45–131; Слободянюк И.П. История суда России в отечественной и зарубежной историографии конца XX – начала XXI в. // Вестник Моск. ун-та МВД России. 2004. № 3. С. 154–160.
2. История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 99.
3. См. подр.: Алексеев Ю.Г. Судебник Ивана III: Традиция и реформа. СПб., 2001. С. 191–195, 297–303.
4. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. Кн. 2. М., 1993. С. 68–71; Носов Н.Е. Становление социального представительства в России в первой половине XVI в. // Исторические записки. Т. 114. М., 1986. С. 152.
5. См. подр.: Муратова В.Н. Воеводский аппарат управления в Башкирии во второй половине XVI – начале XVIII в. // Социально-экономическое и политическое развитие Башкирии в конце XVI – начале XX в. Уфа, 1992. С. 52–54.
6. Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича // История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII–XX вв. Москва и Европа. М., 2000. Гл. 7. Ст. 37. С. 105; Соборное уложение 1649 года. Л., 1987. Гл. XIII. Ст. 3. См. комм. на с. 244.
7. См. подр.: Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. Казань, 1982. С. 167–168.
8. История Карелии... С. 107.
9. Енин Г.П. Воеводское кормление в России в XVII в. (содержание населением уезда государственного органа власти). СПб., 2000. С. 247, 322–324.
10. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. М.–Л., 1949. С. 481–482.
11. См. подр.: Рафиенко Л.С. Инструкция сибирскому губернатору 1741 г. // Археографический ежегодник за 1973 г. М., 1974. С. 58–67.
12. См.: История Карелии... С. 197; Данченко В.Г. Губернская реформа Петра Великого на Северо-Западе России (административное управление Санкт-Петербургской губернии): Дисс. канд. ист. наук. СПб., 1995. С. 11.
13. История Карелии... С. 62, 198.
14. См. подр.: История Урала с древнейших времен до 1861 г. / Отв. ред. А.А. Преображенский. М., 1989. С. 368–372.
15. Материалы по истории Башкирской АССР. С. 481–482.
16. Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях. Уфа, 1999. С. 29; Материалы по истории Башкирской АССР... С. 122–123.
17. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. I... С. 302–306.
18. Законы Российской империи о башкирах... С. 97–101.
19. Там же. С. 102–103.
20. Там же. С. 32, 35–36.
21. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III... С. 490–491.
22. Законы Российской империи о башкирах... С. 160.
23. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. I... С. 145–146.
24. Там же. Т. III. С. 526–531.
25. Там же. С. 515.
26. Там же. С. 559–560.
27. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XX. С. 408.
28. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XX. С. 408–409.
29. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XX. С. 514.
30. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXI. № 15307; ГАПО. Ф. 316. Оп. 1. Д. 32, 50.
31. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXII. № 15992.
32. Благовещенский И.И. Образование Олонецкой губернии, управление ее за столетие существования (1801–1902) // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1902 год (ПКОГ на 1902 г.). Петрозаводск, 1902. С. 213.
33. Кабузан В.М., Троицкий С.М. Изменения в численности, удельном весе и размещении дворянства в России в 1782–1858 гг. // История СССР. 1971. № 4. С. 164.
34. ОГАЧО, ф. 115, оп. 1, д. 99, л. 3.
35. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXII. № 16060; НА РК (Национальный архив Республики Карелия), ф. 2, оп. 61, д. 1/10, л. 6.
36. НА РК, ф. 643, оп. 1, д. 6/31, л. 10.
37. НА РК, ф. 63, оп. 3, д. 53/462, л. 21–22.
38. НА РК, ф. 396, оп. 2, д. 1/4, л. 174 об.
39. История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. / Отв. ред. Х.Ф. Усманов. Уфа, 1996. С. 267; История Урала. С. 288–300.
40. ГАОО, ф. 6, оп. 6, д. 12808, л. 2.
41. ОГАЧО, ф. 15, оп. 1, д. 213; ф. 211, оп. 1, д. 4.
42. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXII. № 16089; Т. XXIII. № 17050.
43. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XX. № 14392. Ст. 279, 335; Т. XXII. № 16165.
44. ГАПО, ф. 316, оп. 1, д. 78, л. 24–57.
45. Кабузан В.М. Народы России в XVIII в. Численность и этнический состав. М., 1990. С. 210–248.
46. Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала. Вторая половина XVIII – первая половина XIX в. М., 1984. С. 59–63.
47. Томашевская Н.Н. От социального пространства к социальному времени: Опыт этнической истории башкирско-го этноса в новое время. Уфа, 2002. С. 88.
48. См. подр.: Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII–XVIII веках. М., 1988.
49. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XLIII. № 17494.
50. ОГАЧО, ф. 44, оп. 1, д. 38, л. 6; ЦГИА РБ, ф. 346, оп. 3, д. 1, л. 3.
51. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXI. № 15324.

52. ЦГИА РБ, ф. 1, оп. 1, д. 17, л. 124–143, 198; ф. 346, оп. 3, д. 1, л. 2–3.
53. Шакурова Ф.А. Башкирская волость и община в середине XVIII – начале XIX в. Уфа, 1992. С. 67.
54. ОГАЧО, ф. 117, оп. 1, д. 11, л. 126–128 об.; д. 17, л. 191 об.–196 об., 303–304 об.
55. ОГАЧО, ф. 117, оп. 1, д. 14, л. 30–37.
56. ЦГИА РБ, ф. 1, оп. 1, д. 17, л. 143–155.
57. ОГАЧО, ф. 117, оп. 1, д. 4, л. 191.
58. ОГАЧО, ф. 117, оп. 1, д. 14, л. 30.
59. ОГАЧО, ф. 117, оп. 1, д. 6, л. 30–39, 50–52, 201–201 об.
60. Там же, д. 4, л. 226.
61. ОГАЧО, ф. 115, оп. 1, д. 19, л. 17–17 об.; д. 36, л. 1–14; д. 59, л. 6.
62. ОГАЧО, ф. 117, оп. 1, д. 11, л. 163; д. 14, л. 101.
63. ОГАЧО, ф. 117, оп. 1, д. 19, л. 134.
64. ОГАЧО, ф. 115, оп. 1, д. 40, л. 27–27 об.; ЦГИА РБ, ф. 6, оп. 1, д. 365, л. 58.
65. Галляудинов И.Г., Ишбердин Э.Ф., Ураксин З.Г., Халикова Р.Х. Очерки по истории башкирского литературного языка. М., 1989. С. 65.
66. ОГАЧО, ф. 115, оп. 1, д. 38, л. 162–162 об.; ф. 117, оп. 1, д. 4, л. 156; д. 11, л. 11; д. 14, л. 133–135.
67. ОГАЧО, ф. 115, оп. 1, д. 40, л. 27–27 об.
68. ОГАЧО, ф. 115, оп. 1, д. 82, л. 10.
69. ОГАЧО, ф. 44, оп. 1, д. 126, л. 1; д. 201, л. 1; ф. 115, оп. 1, д. 90, л. 10; д. 98, л. 1.
70. ОГАЧО, ф. 116, оп. 1, д. 20, л. 2–3.
71. ОГАЧО, ф. 117, оп. 1, д. 6, л. 443.
72. ОГАЧО, ф. 117, оп. 1, д. 4, л. 385–385 об.
73. ОГАЧО, ф. 115, оп. 1, д. 106, л. 1–20; ф. 117, оп. 1, д. 4, л. 35–42 об.; д. 6, л. 866–869.
74. ОГАЧО, ф. 117, оп. 1, д. 6, л. 279–283.
75. Эпштейн Е.М. Г.Р. Державин в Карелии. Петрозаводск, 1987. С. 20.
76. НА РК, ф. 445, оп. 1, д. 288, л. 10–12.
77. НА РК, ф. 60, оп. 1, д. 13, 65; ф. 187, оп. 2, д. 1; ф. 211, оп. 1, д. 21; ф. 234, оп. 1, д. 1, оп. 3, д. 1.
78. НА РК, ф. 642, оп. 1, д. 23/252, л. 10, 25, 28, 31, 36, 36 об., 37.
79. НА РК, ф. 642, оп. 1, д. 23/252, л. 31.
80. НА РК, ф. 655, оп. 4, д. 1/2, л. 17.

СИСТЕМНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА. ЧАСТЬ 1. АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ

А. Б. ДОКТОРОВИЧ

В XXI веке стратегической перспективой и основной тенденцией устойчивого и динамичного социально-экономического прогресса постиндустриальных обществ становится развитие, ориентированное на расширяющееся воспроизводство социального и человеческого потенциала. Одним из главных генераторов такого развития являются социальные инновации, осуществляемые в условиях безопасности государства, общества и человека. В социально ориентированном государстве, достигшем постиндустриального этапа развития, социальные инновации нацелены на гармоничное, сбалансированное развитие человека, общества и экономики знаний. Одно из наиболее содержательных определений постиндустриального общества сформулировано Д. Беллом: «Постиндустриальное общество – это общество, в экономике которого приоритет перешел от преимущественного производства товаров к производству услуг, проведению исследований, организации системы образования и повышению качества жизни;... в котором внедрение нововведений... во все большей степени зависит от достигнутого теоретического знания» [1].

В современной России на фоне экономического роста проблемы социальной и инновационной ориентации развития приобрели особую остроту и актуальность. Состояние ключевых областей социально-трудовой сферы, основных характеристик и показателей, определяющих развитие человеческого и трудового потенциалов, вызывают особую тревогу и неудовлетворенность. Существенное снижение качества образования, ухудшение основных демографических показателей и здоровья населения, качества медицинских услуг (особенно профилактических, первичных, диагностических и высокотехнологичных), многолетние трудно решаемые жилищно-коммунальные проблемы обусловили значительное снижение российского социального и человеческого потенциала, что признают многие ученые, эксперты и политики. На пленарном заседании VI Международной научной конференции «Россия: тенденции и перспективы развития» доктор экономических наук,

профессор А. Ю. Шевяков, сопредседатель Совета по национальной конкурентоспособности А. Г. Шестопалов, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Г. К. Леонтьев, доктор философских наук, профессор О. Г. Голиченко и др. ученые справедливо отмечали, что современные проблемы развития России не в отсутствии экономического роста, а в основных областях социально-трудовой сферы (СТС).

Объективные причины сложившейся ситуации хорошо известны: недостаточное и запаздывающее бюджетное финансирование, отсутствие современного социального прогнозирования и планирования, научного обоснования крупных национальных проектов, программ и ряд других. Ситуацию усугубляют неэффективное использование бюджетных средств, коррупция, низкий уровень социальных, особенно медицинских, технологий. Многие образовательные учреждения при выборе направлений и специальностей обучения исходят из краткосрочной коммерческой целесообразности, не стремясь к максимальному удовлетворению потребностей рынка труда, повышению качества образования, внедрению новых образовательных и современных информационных технологий, формированию социальной перспективы.

Дефицит высококвалифицированных специалистов, подготовленных для работы в современной рыночной экономике, особенно в ее социальных отраслях, порождает вторую группу проблем – отсутствие *системного анализа социально-экономического развития, низкую эффективность управления отраслями социально-трудовой сферы*. В настоящее время лишь отдельные крупные и эффективно функционирующие предприятия, организации и учреждения располагают в своем штате специалистами, обладающими высокой профессиональной квалификацией, способными к инновационной деятельности в рыночной экономике. Такая ситуация не способствует внедрению результатов теоретического знания, развитию социального и человеческого потенциалов.

По прошествии более 15 лет после пе-

рехода России к рыночной экономике наметился долгожданный экономический рост. По состоянию на 20 апреля 2007 г. стабилизационный фонд страны достиг размера 2,812 трлн. рублей, а золотовалютные резервы — 338,830 млрд. долл. США. Но и сегодня, в условиях роста экономики, при наличии такого стабилизационного фонда мы с глубоким огорчением констатируем, что мужественному поколению победителей в Великой Отечественной войне, молодым россиянам и другим социальным группам приходится жить в сырьевой экономике, а не в социально ориентированной, нацеленной на развитие человека, человеческого и социального потенциала. У нас по-прежнему вся *социально-экономическая конструкция строится из человека, а не для человека*. В такой экономике человек рассматривается и используется в качестве объекта и необходимого рабочего ресурса, а не как главный субъект и бенефициант социально-экономического развития.

Именно поэтому сегодня столь актуальна и обострена главная проблема — **проблема целей развития**. В новом тысячелетии мы должны, наконец, признать, что устойчивое развитие экономики — лишь необходимое, но не достаточное условие развития человека и общества.

Главной целью социально-экономического развития всей системы «человек — общество — государство» является всестороннее, сбалансированное, динамичное развитие человека, расширяющееся воспроизводство социального и человеческого потенциалов.

Настоящая работа открывает цикл публикаций, посвященный системному исследованию социального потенциала — фундаментальной категории, характеризующей совокупные возможности и способности общества, социальных групп и индивидов к жизнедеятельности и труду. В публикациях этого цикла будут представлены авторская трактовка и дефиниция анализируемого понятия, системное исследование социального потенциала современного общества, включающее изучение его структуры, основных компонентов и формирующих его полей социальных взаимодействий. Взаимосвязи и взаимоотношения социального потенциала с человеческим и трудовым потенциалами. Проанализирована динамика индекса развития человеческого потенциала за период 1990–2005 годы.

Социальный потенциал

Термин «социальный потенциал» начал использоваться в социальных и социально-

экономических исследованиях со второй половины 1970-х годов. Это понятие существенно обогатило и обобщило традиционно использовавшуюся категорию «трудовые ресурсы», наполнило ее качественно новым — социальным содержанием и получило заслуженное признание.

В концептуальном аспекте переход от анализа трудовых ресурсов как запаса имеющейся рабочей силы, оцениваемого численностью трудоспособного населения [2], к углубленному исследованию социального потенциала *в социально-экономическом и социокультурном пространствах* ознаменовал принципиально новый по существу подход и перевод исследований потенциала труда и социального развития на более высокий уровень.

В настоящей и последующих работах автором предлагается качественно новая программа исследования социального, человеческого и трудового потенциалов, процессов социального развития, основанная на системном подходе и системологических методах. Предлагаемая нами новая программа изучения потенциалов общества, труда и социального развития нацеливает на глубокое *системное исследование социокультурных и социоэкономических взаимодействий в социальном пространстве*, которые обеспечивают воспроизводство социального, человеческого и трудового потенциалов.

При таком подходе решение задач качественного и количественного анализа важнейших ресурсов экономики и источников социального развития выводится на новый, существенно более высокий теоретический уровень.

С позиций системного подхода представление о социальном потенциале и его качественное описание формируются и развиваются на базе следующих основополагающих концептуальных положений:

1) социальный потенциал — это потенциал сложной самоорганизующейся динамической системы;

2) социальный потенциал формируется и воспроизводится в результате социокультурных и социоэкономических действий, взаимодействий, отношений и деятельности, которые осуществляются во взаимодействующих полях социального пространства [3];

3) ядром социального потенциала является человеческий потенциал.

В качестве определения социального потенциала принимается следующее.

Социальный потенциал (СП) представляет собой системную совокупность способностей и возможностей индивидов, социальных групп и общества, которые обеспечивают их жизнедеятельность и его воспроизводство. В определенных условиях и при наличии необходимых ресурсов социальный потенциал реализуется в труде.

Мы определяем и трактуем исследуемое понятие в наиболее общем смысле — как системную совокупность *способностей индивидов, социальных групп, общества и их возможностей*.

Способности индивидов, социальных групп и общества (носителей СП) формируют *человеческий потенциал* [4], аккумулируются и воспроизводятся в нем. *Возможности* индивидов и социальных групп определяются их социальным статусом, действиями, взаимодействиями, отношениями и социальной деятельностью. Таким образом, с одной стороны, *совокупность общественных возможностей и способностей (социальный потенциал)* порождается, обуславливается и воспроизводится человеческим потенциалом и возможностями его носителей. С другой стороны, именно социальный потенциал обеспечивает действия, взаимодействия, отношения и социальную деятельность его носителей.

При таком толковании соответствующим термином характеризуются: во-первых, *совокупные способности индивидов, социальных групп и общества — человеческий потенциал*; во-вторых, *социальные взаимодействия и отношения, формирующие социальное пространство* — абстрактное пространство, конституированное «социально сконструированными полями действия» [5]; в-третьих, *возможности, которыми располагают индивиды, социальные группы и общество в целом (носители СП)*.

Важно отметить, что социальный потенциал формируется (конституируется, по П. Бурдьё [6]) и воспроизводится в ансамбле полей социальных взаимодействий (культуры, экономики, науки и др.). С одной стороны, общественные возможности и способности к активности, взаимодействиям и деятельности, которыми обладают социальные группы и индивиды, формируются и воспроизводятся в полях социальных взаимодействий. С другой стороны, социальные взаимодействия и деятельность обусловлены конкретными проявлениями возможностей действующих агентов, их способностями к активности и деятельности (вклю-

чая труд), а также совокупностью имеющихся в их распоряжении ресурсов.

Социальный потенциал зарождается и аккумулируется в его носителях — индивидах, социальных группах и обществе. Формирование социального потенциала и его изменения осуществляются в социальных взаимодействиях его носителей (акторов), в которых взаимодействующие акторы используют *ресурс социального потенциала — социальный капитал*.

Для социального потенциала существенны следующие взаимозависимости.

Первая. Структура и характеристики социального потенциала обусловлены структурой полей социального пространства и взаимодействиями акторов в его полях. При этом изменения социального потенциала, со своей стороны, порождают изменения структуры социального пространства и характера взаимодействий в его полях.

Вторая. Структура и существенные свойства полей социального пространства обусловлены реализуемыми в них функциями, характером и особенностями социальных взаимодействий.

Третья. Структура и существенные характеристики социального потенциала обуславливаются и изменяются в зависимости от количественных и качественных показателей человеческого потенциала. Человеческий и трудовой потенциалы определяют способности к воспроизводству социального потенциала.

Системный анализ структуры социально-го потенциала

В системной совокупности, представляющей собой социальный потенциал, можно выделить социально интегрированные способности к активности и деятельности — человеческий потенциал и структурированную систему полей взаимодействий, формирующих социальное пространство.

Как уже отмечалось, социальный потенциал — системное понятие. Поэтому анализ его структуры целесообразно проводить с позиций системного подхода, выделяя в ней основные системные компоненты:

- человеческий потенциал, включающий трудовой потенциал,
- совокупность взаимодействующих динамических полей, формирующих социальное пространство.

С определенными упрощениями структура социального потенциала представлена на рис. 1.

Социальное пространство — не физичес-

кое пространство, хотя и «стремится реализоваться в нем более или менее полно и точно» [7], включая в себя все возможные поля: культуры, религии, права, экономики, науки, информации и другие. Структура социального пространства — это структура распределения формирующих его и взаимодействующих в нем полей. «Социальное пространство, таким образом, вписано одновременно в объективные пространственные структуры и в субъективные пространственные структуры, которые являются отчасти продуктом инкорпорации объективизированных структур» [8].

В такой трактовке социального пространства постулируется его актуальное существование. Основанием такого постулирования является эпистемологический принцип доступности научному познанию только таких сущностей социальной действительности, которые тем или иным способом взаимодействуют друг с другом и с познающим субъектом. Предполагается, что социальное пространство, понимаемое как *полиструктура полей и пози-*

ций, формирующаяся в «пространстве-времени», обеспечивает всеобщую (а не только мыслимую социологом) действительную взаимосвязь предметов познания социально-экономической реальности и является той минимально необходимой системой структурированных отношений, без которой познание невозможно [9].

Следуя П. Бурдьё, мы определяем социальное поле «как такое многомерное пространство позиций [10], в котором любая существующая позиция может быть определена, исходя из многомерной системы координат, значения которых коррелируют с соответствующими различными переменными» [11].

Подобно тому, как физические поля (гравитационное, электрическое, электромагнитное, тепловое и др.) формируются расположением соответствующих физических тел в физическом пространстве, социальные поля формируются позициями наделенных соответствующими капиталами агентов, взаимодействующих в социальном пространстве.

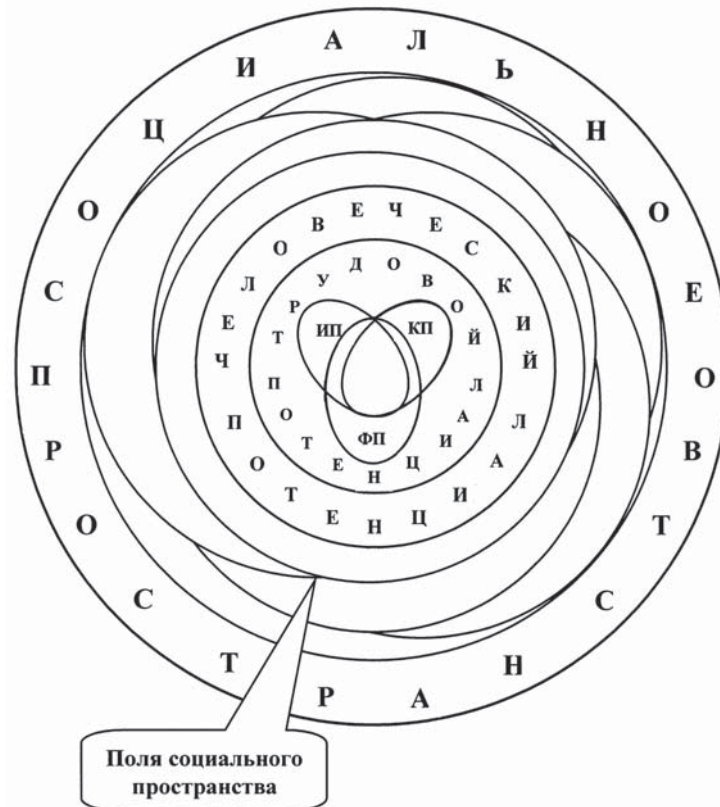
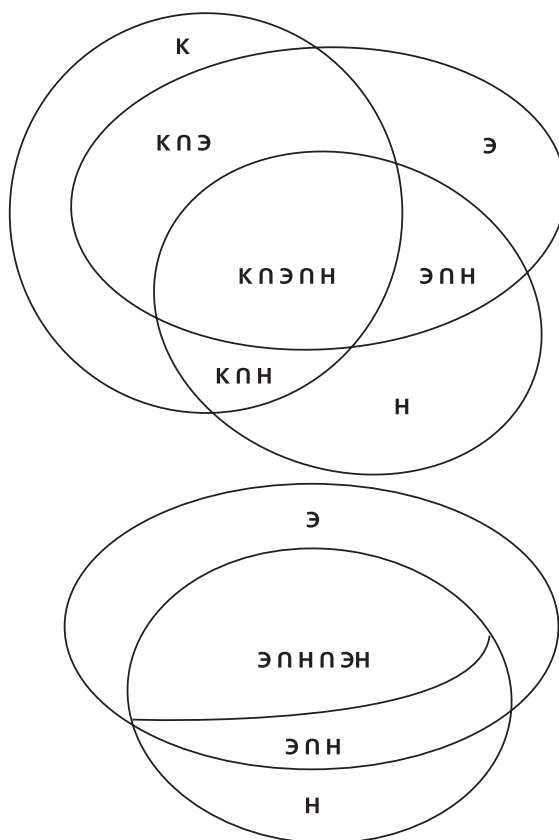

Рис. 1. Структура социального потенциала

Мы рассматриваем поле как подпространство социального пространства, определяемое ансамблем различий активных свойств, обуславливающих его специфику и отличие от любого другого подпространства. Поле есть специфическая система отношений между различными *позициями индивидуальных или групповых агентов*. Позиции агентов обусловлены как структурой социального пространства в целом, так и структурой данного поля и по существу мало зависят от физического существования занимающих эти позиции индивидов. Иными словами, при синхронном рассмотрении поле предстает как *структурированное пространство позиций*. К основным свойствам полей относятся свойства состав-

ляющих их позиций, которые могут быть исследованы независимо от характеристик занимающих их индивидов. Индивидуальные или групповые агенты определяются в поле реляционно – их позициями, отличающимися друг от друга властью и влиянием, получаемой материальной и символической прибылью, ценой, которую необходимо заплатить, чтобы их занять, и т.д. Итак, *поле* – это область социального пространства, в которой проявляют себя достоверно зарегистрированные и доступные измерению или экспертной оценке взаимодействия агентов, занимающих определенные позиции.

Такую трактовку анализируемого понятия разделяет Н. А. Шматко [12].

К – поле культуры, Э – поле экономики, Н – поле науки,
 П – символ пересечения взаимодействующих полей,
 КЭ – поле взаимодействия культуры и экономики,
 ЭН – поле взаимодействия экономики и науки,
 КН – поле взаимодействия культуры и науки,
 КЭНН – поле взаимодействия культуры, экономики и науки
 ЭНЭНН – поле взаимодействия экономики, экономической науки и других наук

Рис. 2. Структура взаимодействующих социальных полей

Социальный потенциал конкретной социальной системы характеризует ее максимальные (предельные) возможности, которые могут быть реализованы в существующем реальном поле социальных взаимодействий при наиболее благоприятных (оптимальных) условиях и наличии всех необходимых ресурсов. Образно выражаясь, социальный потенциал конкретной социальной системы – это объем запасенной ею «социальной энергии», которая «заложена», сформирована и развита в данной социальной системе.

Исследуя социальное пространство, П. Бурдьё подробно изучает различные социальные поля и взаимодействия в них индивидуальных и групповых агентов. Такой подход представляется весьма плодотворным в исследовании социального потенциала.

В исследованиях социального пространства целесообразно и полезно изучение структуры его полей и характера взаимодействий в них. Мы полагаем, что хотя социокультурные и социально-экономические поля различаются существенно, невозможно полностью отделить социокультурные взаимодействия от социоэкономических. С одной стороны, социокультурным взаимодействиям присущи те или иные особенности хозяйствования и традиции труда. А, с другой стороны, во всякой экономике и во всех социоэкономических взаимодействиях имманентно присутствуют элементы культуры.

Понимая, что полный анализ всех известных полей, их структуры и сложного многообразия социальных взаимодействий [13] выводит за пределы данной работы, мы не задаемся целью такого исследования, ограничиваясь изучением полей культуры, экономики и науки (рис. 2).

Поле культуры

В последние десятилетия XX в. и в новом XXI в. заметно возрос интерес к культурным аспектам социальной жизни. Во многих научных работах глубоко исследуются культурологические аспекты социальных процессов, интенсивно развиваются и получают признание области социологии, занимающиеся культурой: социология культуры (и родственные ей культурная антропология, этнология и этнография), социология средств массовой информации, социология искусства, социология нравственности, а также имеющая особый теоретический статус культурология. В нашей работе мы стараемся сохранить высокий уровень абстрагирования, поэтому, не вникая в конкретную проблематику различных видов

культуры, исследуем поле культуры, а также поля экономики и науки, взаимодействия в которых самым существенным образом обусловлены его элементами.

Понятие «культура» многозначно. Для его определения исследователи используют богатое множество предикатов и характеристик.

Авторы «Социологического энциклопедического словаря» формулируют следующее определение понятия «культура»: 1) совокупность материальных и духовных ценностей, выражающая определенный уровень исторического развития данного общества и человека; 2) сфера духовной жизнедеятельности общества; 3) уровень овладения той или иной областью знаний или деятельности; 4) формы социального поведения человека, обусловленные его воспитанием и образованием [14].

Культура – это специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленный в продуктах материального и духовного труда, системе социальных норм и учреждений, в духовных ценностях, совокупности отношений людей к природе, между собой и к самим себе [15].

Выдающийся британский социальный антрополог А. Р. Рэдклифф-Браун определял культуру «как процесс приобретения человеком знаний, навыков, идей, убеждений, вкусов и чувств посредством контакта с другими людьми или из книг и произведений искусства» [16].

Культура общества охватывает «все аспекты, как нематериальные – верования, идеи и ценности, являющиеся содержанием культуры, так и вполне осязаемые – объекты, символы и технологии, которые воплощают это содержание» [17]. Обратимся ли мы к «простой и примитивной культуре или к культуре крайне сложной и развитой, в любом случае мы обнаружим обширный аппарат, частью материальный, частью человеческий и частью духовный, при помощи которого человек способен справиться с встающими перед ним специфическими проблемами» [18].

Британский антрополог, этнограф и социолог Б. К. Малиновский рассматривал культуру как основной стержень социальной жизни, совокупность всего социального наследия: «оборудование, учреждения, материальные достижения, технические процессы, идеи, обычаи, традиции, ценности», а также мифы, магия и религия [19]. Культура, по его представлению, имеет следующие характерные особенности: она формирует опреде-

ленную целостность и интегрирована внутри этого целого, ее элементы выполняют своеобразные, свойственные именно им функции, и, кроме того, она представляет инструментальный аппарат, обеспечивающий реализацию человеческих потребностей.

Выдающийся российско-американский социолог и культуролог П. Сорокин в труде «Социальная и культурная динамика» [20] определил культуру как «интегрированную целостность». По его мнению, «всякая великая культура есть не просто конгломерат разнообразных явлений, сосуществующих, но никак друг с другом не связанных, а есть единство, или индивидуальность, все составные части которого пронизаны одним основополагающим принципом и выражают одну, главную, ценность» [21].

Российский социолог В. М. Межуев определяет культуру как «специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленный в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм и учреждений, в духовных ценностях, в совокупности отношений людей к природе, между собой и к самим себе. В понятии культура фиксируется как общее отличие человеческой жизнедеятельности от биологических форм жизни, так и качественное своеобразие исторически конкретных форм этой жизнедеятельности на различных этапах общественного развития, в рамках определенных эпох, общественно-экономических формаций, этнических и национальных общностей (например, античная культура, культура майя и др.)» [22].

Ю. Г. Волков формулирует следующие определения культуры:

«Культура — это система конструктивных ценностей, жизненных представлений, образцов поведения, норм, совокупность способов и приемов человеческой деятельности, объективированных в предметных, материальных носителях (средствах труда, знаках) и передаваемых последующим поколениям. Она включает в себя нематериальную культуру — созданные человеком абстракции, такие, как ценности, верования, символы, нормы, обычаи и установленные принципы, и материальную культуру — физические артефакты или предметы — каменные топоры, компьютеры, набедренные повязки, смокинги, автомобили, картины, гамаки и крытые стадионы.

Культура — это то, что выделяет человеческое общество из животного мира. Культура есть среда, искусственно созданная при помо-

щи языка, мышления и символических значений» [23].

Не задаваясь целью критического анализа многообразия различных научных дефиниций рассматриваемого понятия, попытаемся выделить сущностные свойства, характеристики и особенности культуры как сферы человеческого бытия и социальной деятельности.

1. Культура возникает, формируется и развивается там и тогда, где и когда люди, обретая *человеческие черты*, выходят за пределы природной необходимости, биологических инстинктов и потребностей, становятся творцами своей жизни.

2. Культура — это основа, позволяющая людям интерпретировать свой опыт и направлять свои действия, в то время как общество представляет собой сети социальных отношений, возникающих между людьми.

3. Совокупность материальных и духовных ценностей, выражающая определенный уровень исторического развития данного общества и человека.

4. Сфера духовной жизнедеятельности общества, включающая систему образования, воспитания, духовного творчества.

5. Уровень овладения той или иной областью знаний или деятельности.

6. Формы социального поведения человека, обусловленные уровнем его воспитания и образования [24].

7. Культура — способ социализации. Она возникает и формируется как совокупность осознанных ответов на множество вопросов и проблемных ситуаций социальной и природной жизни людей. Это — общая база знаний, средств и технологий, выработанных людьми для решения общезначимых проблем, осмысленного выбора в проблемных ситуациях.

8. Культура обеспечивает целеполагание деятельности, интеграцию общества, формирует и сохраняет его структуру.

9. Культура характеризует особенности поведения, сознания и деятельности идей в конкретных сферах общественной жизни (культура труда, культура быта, художественная культура, политическая культура).

10. В культуре может фиксироваться способ жизнедеятельности отдельного индивида (личная культура), социальной группы (например, культура класса) или всего общества в целом.

11. Культура порождает и «обслуживает» множество форм организации человеческого опыта, обеспечивая их необходимыми ресурсами и коммуникациями. Рост разно-

образия не приводит к размыванию границ культуры.

12. Культура формирует и изменяет социальный и человеческий потенциалы.

13. Культура — тип социальной памяти общностей — народов и этносов.

14. Культура представляет собой расширяющийся спектр возможностей и альтернатив развития человека и общества. Она определяет конкретное содержание, контекст и характер деятельности людей в каждый момент их существования.

15. Культура — способы и результаты символического и ценностно-нормативного конструирования реальности, ее воспроизводства по определенным принципам, нормам и критериям прекрасного — безобразного, возвышенного — низменного, нравственного — аморального, истинного — ложного, рационального — иррационального и др.

16. Культура — результаты, возможность и способы самопорождения и самопостижения человека, его реальный и духовный миры.

17. Культура — возможность, способы и результаты «проникновения» человека в иные миры: Природы, Божественный, Науки, в миры других народов, общностей и людей, в которых человек себя реализует. Благодаря культуре и посредством нее человек становится Человеком.

18. Культура аккумулирует, хранит и транслирует исторически накапливаемый социальный опыт.

19. Культура генерирует новые программы деятельности, повеления и общения, которые, реализуясь в соответствующих видах и формах человеческой активности, порождают реальные изменения в жизни общества.

20. Культура реализует функцию трансляции социального опыта [25].

Перечисление свойств, характеристик и особенностей культуры можно продолжить, так и не исчерпав до конца все многоаспектное, полигранное многообразие и богатство ее содержания, форм, качеств и функций.

Следуя Т. Парсонсу, под взаимодействиями «в поле культуры» мы понимаем межличностные взаимодействия акторов-субъектов, разделяющих общие ценности, нормы, убеждения и правила, их взаимодействия с социальными системами, а также с символами и системами символов как объектами [26]. Существенным является предположение о том, что акторы, признающие и принимающие некие ценности, нормы, убеждения и правила, стал-

киваясь с другими акторами, которые не разделяют их, сохраняют некоторые взаимоприемлемые нормы и правила взаимодействий.

Поле экономики

Множество дефиниций понятия «экономика», содержащихся в научной литературе, по количеству и разнообразию не уступает обильному множеству определений понятия «культура». Разрабатывая понятие «поле экономики» и изучая экономическую науку, П. Бурдые отмечал: «В силу того, что экономическая наука представляет собой сильно диверсифицированное поле, невозможно найти такие ее предположения или недостатки, к критике которых она не обращалась бы сама. Подобно лернейской гидре, у нее столько разных голов, что всегда найдется одна, которая уже поднимала, более или менее успешно, вопрос, который пытаются перед ней поставить, и всегда найдется одна — не обязательно та же самая голова, — у которой найдутся кое-какие элементы ответа на поставленный вопрос. Потому ее критики обречены выглядеть невеждами или несправедливо осуждающими» [27].

В качестве основы определения поля экономики представляется приемлемым использовать следующие дефиниции. Великий английский экономист Альфред Маршалл, по инициативе которого с 1908 г. был введен новый курс, получивший название Economics, определял экономику как «учение о нормальной жизнедеятельности» [28]. Современные российские авторы под экономикой в общем смысле понимают «совокупность условий, средств, объектов, процессов, которые люди используют для удовлетворения своих потребностей и обеспечения жизни при ограниченности имеющихся в каждый данный момент ресурсов» [29].

По нашему мнению, для определения поля экономики целесообразно использовать ту ее сущностную характеристику, которая выделяет *совокупность экономических отношений*. Рассматривая понятие «экономика» в широком воспроизводственном плане, профессор Н. А. Волгин формулирует следующее определение: «Экономика — это динамичная общественно организованная система, обеспечивающая процесс производства, распределения, обмена и потребления общественно полезных материальных благ и услуг» [30]. «Экономическая система — это сложившаяся система экономических отношений и институтов, которые определяют общий облик,

характер функционирования, взаимодействия и воспроизводства объектов хозяйствования (отраслей, предприятий, хозяйственных структур, домохозяйств и др.), обеспечивающих производство и реализацию продукции и услуг в соответствии с потребностями общества и складывающимся спросом» [31].

Исходя из представленных определений и трактовок анализируемого базового понятия, учитывая совокупность отношений, складывающихся в экономических взаимодействиях агентов, поле экономики можно охарактеризовать как поле, в котором реализуется вся система экономических действий, взаимодействий и отношений, воспроизводимых в процессах производства, обмена, распределения и потребления благ.

Таким образом, *поле экономики* — это поле действий и взаимодействий, которые осуществляются в процессах производства, обмена, распределения и потребления благ в условиях ограниченности имеющихся ресурсов, и формируют воспроизводящиеся экономические отношения.

Поле науки

Понятие «наука» многозначно. Поэтому ниже представлены взаимодополняющие определения анализируемого понятия.

«Наука — 1) особый вид познавательной деятельности, нацеленный на выработку объективных, системно организованных и обоснованных знаний о мире; 2) социальный институт, обеспечивающий функционирование научной познавательной деятельности; 3) сфера человеческой деятельности, функцией которой является выработка и теоретическая систематизация объективных знаний о действительности» [32].

«Наука — сфера человеческой деятельности, направленная на получение, обоснование и систематизацию объективных знаний о мире. Под наукой понимают и исторически развивающуюся совокупность таких знаний, и социальный институт, в рамках которого она осуществляется» [33].

«Наука — сфера человеческой деятельности, где осуществляется выработка и теоретическая систематизация новых объективных знаний о действительности, одна из форм общественного сознания. Это также сумма полученных к данному моменту научных знаний, образующих в совокупности научную картину мира. Термин «наука» употребляется и для обозначения отдельных отраслей научного знания» [34].

Знания добываются, аккумулируются и

используются и в других областях и сферах человеческой деятельности, но лишь в сфере науки получение новых знаний выступает главной целью и основным продуктом деятельности. В научной деятельности как сами научные знания, так и процессы их получения, накопления и систематизации обладают рядом специфических черт, которые в системной совокупности характерны именно для этой сферы деятельности.

Научную деятельность отличают следующие сущностные свойства и особенности:

1. Целенаправленное стремление к объективно истинному, обоснованному и верифицированному знанию.

2. Целенаправленное стремление к совершенствованию методологии и разработке новых методов, обеспечивающих рационализацию процессов познания, объективность и логическую обоснованность утверждений и доказательств, схем, моделей и конструкций.

3. Системность как в способах получения знаний, так и в форме их организации. Такая системность носит название Научного Метода [35].

4. Практическая и логическая проверка получаемых знаний, новых утверждений и доказательств.

5. Объективная необходимость обобщения выработанных законов и анализируемых концепций и гипотез.

6. Непрерывная научная специализация, с одной стороны, расширение существующих и разработка новых областей междисциплинарных исследований, с другой.

7. Объективная необходимость и субъективная потребность к расширению сфер научного познания.

Перечисленные сущностные свойства и особенности не исчерпывают увлекательное и многоаспектное многообразие научной деятельности, все ее качества и функции.

Научная деятельность взаимодействует с другими видами познавательной деятельности: обыденным, художественным, философским познанием мира и обогащается ими.

Научная деятельность взаимодействует с другими видами познавательной деятельности: обыденным, художественным, философским познанием мира и обогащается ими.

Поле науки — это поле действий и взаимодействий, нацеленных на выработку, обоснование, систематизацию, актуализацию и практическое использование объективных знаний о мире и абстрактных моделей, а также признаваемых научным сообществом мето-

дов познания, которые формируют систему воспроизводящихся научных действий, взаимодействий и отношений.

Существенными факторами научных отношений являются:

- совокупность факторов, обеспечивающих функционирование научных институтов и ученых;
- факторы производства знаний;
- признание научных результатов и достижений как в научной среде, так и в обществе;
- факторы, влияющие на социальные взаимодействия;
- факторы, обеспечивающие реализацию культурных функций науки;
- совокупность факторов, обеспечивающих развитие производительных сил, реализацию социальных, экономических и политических функций науки в различных сферах и областях практической деятельности.

«Поле науки как система объективных отношений между достигнутыми (в предшествующей борьбе) позициями является местом (т.е. игровым пространством) конкурентной борьбы, специфической ставкой в которой является монополия на научный авторитет, определяемый как техническая способность и — одновременно — как социальная власть, или, если угодно, монополия на научную компетенцию, понимаемую как социально признанная за определенным индивидуом способность легитимно (т.е. полномочно и авторитетно) говорить и действовать от имени науки... Нет такого научного «выбора», будь то выбор области исследований, используемых методов, печатного органа для публикации,... который не был бы — хотя бы в одном из своих аспектов, в котором, конечно, труднее всего признаться и который труднее всего распознать, — политической стратегией инвестиции, направленной — во всяком случае объективно — на увеличение чисто научной прибыли, т.е. признания, полученного со стороны коллег-конкурентов» [36].

С последним утверждением процитированной развернутой характеристики поля науки вряд ли можно вполне согласиться. По нашему мнению, «научная прибыль» — это главным образом новое знание или приращение знания. Признание научным сообществом нового знания (или приращения знания) и его автора, включающим коллег-конкурентов, — это лишь элемент научной прибыли.

Большая часть научных действий, взаимодействий и процедур осуществляется в

соответствии с основными принципами, нормами и традициями, сложившимися в каждой конкретной научной дисциплине (монодисциплине, по терминологии А. И. Ракитова [37]). Тем не менее, сложившиеся в каждой конкретной научной монодисциплине подмножества действий, взаимодействий и отношений не исчерпывают всего их многообразия. Соглашаясь с утверждениями А. И. Ракитова о существовании «некоторых общих проблем, относящихся к науке в целом, т.е. без дисциплинарного членения» [38] и «принципиально нового отношения или, точнее, «букета» отношений между наукой, технологией, реальным производством и сферой услуг» [39], можно признать, что полная совокупность научных действий, взаимодействий и отношений включает: во-первых, все множество сложившихся в конкретных научных монодисциплинах, во-вторых, — междисциплинарные, и, в-третьих, те, которые обеспечивают взаимодействия поля науки с другими полями социального пространства. Такую же позицию занимает и крупный американский теоретик в области общественных наук Иммануил Валлерстайн: «Мы доказывали, что отдельные ящички, внутри которых ведутся исследования (в университетах их называют дисциплинами), только препятствуют, а не способствуют пониманию мира» [40].

Завершая изложение результатов исследования структуры социального потенциала, отметим, что выполнение полного и исчерпывающего анализа всего сложного многообразия социальных взаимодействий и факторов, формирующих социальный потенциал и воздействующих на его изменения, вряд ли возможно.

В настоящей работе мы ограничились рассмотрением структуры социального потенциала и основных полей, определяющих его развитие. Результаты системного анализа других компонентов социального потенциала, социальных полей, взаимодействий и факторов, обуславливающих его формирование и изменения, будут изложены в последующих публикациях.

В заключение работы отметим высокую актуальность и практическую значимость для развития социального потенциала приоритетных национальных проектов «Здоровье», «Образование», «Доступное и комфортное жилье», разработанных по инициативе Президента Российской Федерации В. В. Путина.

1. Bell D. Notes on the Post-Industrial Society // The Public Interest. 1967. № 7. P. 102.
2. Трудовые ресурсы — это трудоспособная часть населения страны — см.: Костин Л. А. Проблемы экономики труда. Избранное: В 2 т. Т.1. М.: АТиСО, 2005. С. 12.
3. Как и П. Бурдьё, под «социальным пространством» мы понимаем «абстрактное пространство, конституированное ансамблем подпространств или полей (экономическое поле, интеллектуальное поле и др.)» — см.: Бурдьё П. Социология социального пространства/Пер. с франц. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 53.
4. Определение понятия «человеческий потенциал» — см.: Докторович А. Б. Человеческий потенциал // Социальная политика. Энциклопедия/Под ред. Н. А. Волгина, Т. С. Сулимовой. М.: Изд-во «Альфа-Пресс», 2006. С. 400.
5. Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики/Пер. с франц. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 146. Здесь уместно отметить, что категория «социальное пространство» появилась в понятийном аппарате социологии и ряда других наук в начале 1970-х гг.
6. Бурдьё П. Социология социального пространства/Пер. с франц. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 53.
7. Там же. С. 53.
8. Там же. С. 52.
9. В современных исследованиях наметилась актуализация темы социального пространства, о чем свидетельствует все возрастающее число работ, в которых изучается широкий спектр разнообразных тем, относящихся к рассматриваемой проблематике. В настоящей работе мы не задаемся целью анализа всего многообразия публикаций, посвященных тематике социального пространства, и рекомендуем заинтересованному читателю обратить внимание на содержательный реферативный сборник: Социальное пространство: Междисциплинарные исследования: Реферативный сборник/РАН ИНИОН; отв. ред. Гирко Л. В. М.: ИНИОН, 2003, а также на кн.: Филиппов А. Ф. Теоретические основания социологии пространства. М., 2003.
10. Статус агента в социальном поле и в социальном пространстве определяется его позицией в социальной структуре, которой соответствуют: во-первых, общий объем его капитала, во-вторых, структура капитала, т. е. относительный вес различных видов капитала в их совокупности и, в-третьих, особенности расходования капитала, определяющие типы социальных взаимодействий. Так же понятие «позиция» определял и А. Р. Рэдклифф-Браун: «личность — это человеческое существо, рассматриваемое не как организм, а с точки зрения позиции, занимаемой в социальной структуре» [Рэдклифф-Браун А. Р. Структура и функция в примитивном обществе/Пер. с англ. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2001. С. 17].
11. Бурдьё П. Социология социального пространства/Пер. с франц. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 16.
12. Шматко Н. А. «Социальное пространство» Пьера Бурдьё // Послесловие к кн.: Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики/Пер. с франц. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 569.
13. Более полный анализ представлен в трудах Бурдьё П.: Социальное пространство: поля и практики/Пер. с франц. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005; Социология социального пространства/Пер. с франц. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005; Bourdieu P. Le champ scientifique/Actes de la recherche en sciences sociales. 1976. № 2–3. P. 88–104; Bourdieu P. Le champ économique/Actes de la recherche en sciences sociales. 1997. № 119. P. 48–66, а также в фундаментальной работе Coleman J. S. Foundations of Social Theory. The Belknap Press of Harvard University Press Cambridge, Massachusetts, and London, England, 1990.
14. Социологический энциклопедический словарь/Редактор-координатор — академик РАН Г. В. Осипов. М.: Изд-во НОРМА, 2000. С. 151.
15. Энциклопедический социологический словарь РАН/Общ. ред. академика РАН Г. В. Осипова. М.: ИСПИ РАН, 1995. С. 343.
16. Рэдклифф-Браун А. Р. Структура и функция в примитивном обществе/Пер. с англ. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2001. С. 12.
17. Гидденс Э. Социология/Пер. с англ. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2005. С. 33–34.
18. Малиновский Б. Научная теория культуры. М.: ОГИ, 2000. С. 44.
19. Цит. по: Штомпка П. Социология. Анализ современного общества/Пер. с пол. М.: Логос, 2005. С. 261.
20. Sorokin P. A. Social and Cultural Dynamics. V. 1–4, N. Y., 1962.
21. Ibid. P. 429.
22. Межуев В. М. Культура // Энциклопедический социологический словарь/Общ. ред. академик РАН Г. В. Осипов. М.: Изд-во ИСПИ РАН, 1995. С. 343.
23. Волков Ю. Г. Социология: Элементарный курс: Учеб. пособие. М.: Гардарики, 2003. С. 18.
24. Социологический энциклопедический словарь/Редактор-координатор — академик РАН Г. В. Осипов. М.: Изд-во НОРМА, 2000. С. 151.
25. Подробная систематизация философских определений понятия «культура» приводится в книге: Каган М. С. Философия культуры. — СПб, 1996. Отметим также работы: Ионин Л. Г. Социология культуры. М., 1996; Келле В. Ж. Культура и социальность // Постигание культуры. Ежегодник. Вып. 7. М. 1997; Уайт Л. Понятие культуры // Антология исследований культур. Т. I. Интерпретация культуры. СПб, 1997; Кафанья А. К. Формальный анализ определения понятия «культура» // Антология исследований культур. Т. I. Интерпретация культуры. СПб, 1997; Пилипенко А. А., Яковенко И. Г. Культура как система. М., 1998; Малиновский Б. Научная теория культуры. М.: ОГИ, 2000; Егоров В. К. О культурных, культурно-национальных кодах истории // Ученые записки РАГС, выпуск 1/под общ. ред. В. К. Егорова, В. П. Чичканова, В. М. Герасимова. М.: Изд-во РАГС, 2004. С. 5–25; Лисаковский И. Н. Типология культур: четвертый элемент // Ученые записки РАГС, выпуск 2/под общ. ред. В. К. Егорова, В. П. Чичканова, В. М. Герасимова. М.: Изд-во РАГС, 2004. С. 51–81.
26. Парсонс Т. О структуре социального действия. Изд. 2-е. М.: Академический Проект, 2002. С. 550–551.
27. Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики/Пер. с франц. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 129.

28. Цит. по: Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р. Экономика/Пер. с англ. 2-го изд. М.: Дело, 2002. С. 1.
29. Популярная экономическая энциклопедия/Гл. ред. А.Д. Некипелов. М.: Большая Российская энциклопедия, 2001. С. 306.
30. Экономика труда (социально-трудовые отношения): Учебник/Под ред. Н.А. Волгина, Ю.Г. Одегова. М.: Изд-во «Экзамен», 2004. С. 8.
31. Экономический словарь. Современная рыночная экономика. Государственное регулирование экономических процессов/Общ. ред.: д. э. н., проф. Кушлин В.И., д. э. н., проф., член-корр. РАН Чичканов В.П. М.: Изд-во РАГС, 2004. С. 700.
32. Социологическая энциклопедия: В 2-х т. Т. 2/Руководитель научного проекта Г.Ю. Семигин; гл. ред. В.Н. Иванов. М.: Мысль, 2003. С. 20.
33. Энциклопедический социологический словарь/Общ. ред. академика РАН Осипова Г.В.; РАН. ИСПИ РАН. М., 1995. С. 440.
34. Большой толковый словарь русского языка/Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Изд-во «Норинт», 2004. С. 392.
35. Как справедливо указывает С.В. Илларионов, «именно наличие Научного Метода отличает науку от ненауки, донауки, преднауки, и поэтому, строго говоря, нельзя говорить о науке до того времени, когда было осознано значение Научного Метода». – Илларионов С.В. Теория познания и философия науки. М.: РОССПЭН, 2007. С. 462.
36. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики/Пер. с франц. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 474, 478.
37. Ракитов А.И. Новой науке – новое науковедение (от парадигмы к синтагме) //Науковедческие исследования: Сб. науч. тр./отв. ред. Ракитов А.И.; РАН. ИНИОН. М., 2003. С. 17.
38. Ракитов А.И. Новой науке – новое науковедение (от парадигмы к синтагме) //Науковедческие исследования: Сб. науч. тр./отв. ред. Ракитов А.И.; РАН. ИНИОН. М., 2003. С. 11.
39. Там же. С. 12.
40. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение/Пер. с англ. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 45.

ПРОСВЕЩЕНИЕ И ДУХОВНОСТЬ: У ИСТОКОВ РУССКОГО САМОПОЗНАНИЯ

А.Н. БУРМЕЙСТЕР

Московский университет. Холера и чума. Любомудры и студенческие кружки

С любезного разрешения автора, проф. А.Н.Бурмейстера, мы публикуем сокращенный вариант первой главы его книги «Просвещение и духовность: у истоков русского самопознания».

Эта книга не простая для чтения. Написанная профессионалом, она привлекает целым рядом своих качеств. Во-первых, она написана в современной Франции о России XIX века, что само по себе уже заслуживает внимания российских специалистов по истории отечественной философии. Во-вторых, она создана на очень обширном материале с привлечением весьма большого числа источников. В-третьих, ее автор подчеркнуто стремится быть объективным и избежать оценок.

Но самое главное, что обратило на себя внимание редакции, это напрашивающаяся параллель состояния культуры в России первой половины XIX века с ее современным состоянием после распада СССР. Причем автор сам этой параллели не проводит, но она становится неизбежной при прочтении книги в контексте нынешней российской ментальности.

Как тогда, так и сейчас наступающие и наступившие эпохальные перемены и предчувствие еще более глубоких перемен ставят всех нас перед проблемой социокультурного самоопределения: кто мы такие есть как в своих собственных глазах, так и в глазах других народов, с которыми нам приходится жить на нашей уже очень небольшой планете? Читая эту книгу, трудно отделаться от мысли, что всего через полвека после окончания описываемого ею периода начнется величайшая в нашей, а может быть, и в мировой истории революция, и начинается она в мысли молодых и симпатичных героев книги. А что ждет нас через полвека? В условиях неизбежной глобализации и интенсивного диалога культур альтернативой саморазрушительному для человечества конфликту становится только утрата государственности. Эта перспектива стоит перед всеми без исключения народами, ее не избежать, как ни странно себе это предста-

вить, ни США, ни Китаю, ни Ирану, не избежать ее и России.

Без государственности народ существует лишь тогда, когда живы его язык, философия и гуманитарные науки. Слово «религия» мы тут избегаем потому, что вряд ли на свете есть хоть один моноконфессиональный большой народ. В этом перечне, на наш взгляд, на первом месте стоит философия, потому что именно она в ряду своих вопросов имеет и проблему: «Кто мы такие есть?» Философия необходима тогда, когда человечество попадает в принципиально новую для себя ситуацию, для выхода из которой ни у кого, в том числе и у науки, попросту нет необходимой полноты знаний. Тогда становится нужной новая идея, ее философия и предлагает. Философская идея не является выводом, написанным в заключении монографии, она формирует новый тип рациональности, новое мировоззрение, складывающееся во всем философском процессе, вдруг, начавшемся в пространстве культуры. И она заставляет носителей этой новой рациональности определять себя по отношению ко всему миру со всей возможной ясностью и отчетливостью. Чем-то это похоже на само зарождение человечества, на его отделение от природы и неизбежно связанный с отделением вопрос: «Кто мы такие есть?»

Всем хорошо известная европейская культура пережила несколько типов рационализма: космоцентристскую Античность, теоцентристское Средневековье, натуроцентристское Просвещение, гуманистический Модерн конца XIX–XX века. И сейчас, вступив в затянувшуюся полосу постмодернистского кризиса, она тоже оказалась перед проблемой самоопределения и создания нового разума.

Аналогичная задача стояла перед Россией XIX века, когда складывающийся в тогдешней нашей философии российский вариант европейской рациональности обещал провозвести на свет российский тип европейской цивилизации, своеобразный синтез петровских реформ и отечественных духовных начал. Этот сложный, длительный процесс, к сожалению, не был доведен до конца, оказавшись прерванным Октябрьской Революцией, которая, как и всякое чрезвычайное событие, была

бивалентной и имела оборотной стороной Контрреволюцию.

По книге проф. А.Н.Бурмейстера в наивных и романтических во многом дискуссиях нарождавшейся отечественной философии угадываются очертания российской рациональности, по крайней мере, ее гуманизм, многомерность и ее неприятие чрезмерных абстракций, прямую связь с жизнью.

В центре этой книги находится зарождающаяся русская рациональность. Одним из главных ее персонажей является Н.Станкевич, русский философ, проживший недолгий век и почти не оставивший философских сочинений, преимущественно переписку с товарищами – студентами недавно появившегося Московского университета. Его искренняя увлеченность философией привлекала, заражала и создавала вокруг него напряженную интеллектуальную атмосферу, которой были увлечены многие, позднее гораздо более известные мыслители и политические фигуры. Не оставив сочинений, Н.Станкевич, тем не менее, оставил тот дух философского поиска и то чувство проблемности жизни, какое позднее отличало и русскую философию, и науку.

Его влияние на Белинского, Бакунина, молодого Тургенева, Грановского, Герцена и других – очевидно. В книге показана траектория жизненного пути Станкевича в контексте с теми, кто прямо или опосредованно соприкасался с этой траекторией: В. Белинский, А. Герцен, гр. Уваров, гр. Бенкендорф, А. Пушкин, А. Кошелев, император Николай I, Ф. Шеллинг, Г. Гегель, Ф. Булгарин, М. Погодин и множество других.

Траектория жизненного пути Станкевича вписалась в судьбу его друзей и в контексте с теми, кто касался ее, превратилась в пеструю ткань русской мысли.

Чтение этой книги требует немалой эрудиции или, по крайней мере, обширной литературы под рукой. И, тем не менее, мы надеемся, что когда-нибудь эта книга будет издана и в нашей стране, и что сокращенная по необходимости более чем вдвое ее первая глава побудит и нас задуматься над вопросом собственного самоопределения в мире сражающихся культур и трансформирующихся разумов.

Александр Павлов.

Летом в 1830 г., выступая из далекой своей индийской колыбели, вдоль по Волге пробирается холера до Москвы. Июльская ре-

волюция в Париже вызывает «политическую чуму» по всей Европе и возбуждает польскую молодежь. Восстание польской армии превращает волнение в революцию. Вмешательство русских войск становится неизбежным.

Чума и холера, совпадение этих двух событий создает необычную обстановку в Московском университете. «Везде карантин, город оцеплен, университет закрыт, фабрики распускают», записывает в своем дневнике профессор М.П. Погодин. Казенным студентам воспрещен выход за ограду университета. Предоставленные сами себе, без дела, они тут же находят занятия. И так, комната №11 становится местом заседаний литературного кружка, который будет регулярно собираться до официальной отмены карантина 6 декабря. Вдохновителем кружка является Виссарион Белинский, старший сын военного врача при Балтийском флоте в отставке, пожалованного дворянством за свой чин и поселившегося с 1816 года в Пензенской губернии. Виссарион – страстный театрал, автор драмы в пяти картинах «Дмитрий Калинин». Одно чтение его произведения вызывает восторг среди товарищей. Герой пьесы, крепостной, не знает, что он – незаконный сын своего покойного хозяина и благодетеля; он соблазнил его дочь, свою сестру, и вызвал ненависть законных наследников, своих братьев [1].

Неистовство этой обвинительной пьесы превосходит дерзкие выступления немецких авторов Sturm und Drang'a, (Бури и натиска) прошлого столетия. Виссарион – достойный наследник Шиллера! Но нельзя не удивиться тому, что подобные реплики высказываются открыто, почти публично, в стенах Московского университета. Надо учесть, что в начале царствования Николая I университет еще проживает в патриархальной обстановке и обладает некоей парадоксальной независимостью. Поступив казеннокоштным студентом в 1824 году, Николай Пирогов, будущий знаменитый профессор медицины, описал свое смятение:

«За исключением одного или двух, обитателями 10-го номера были все из духовного звания, и от них-то именно я слышался таких вещей о полах, богослужении, обрядах, таинствах и вообще о религии, что меня на первых порах с непривычки мороз по коже продирает...» Студенты обмениваются запрещенными произведениями Пушкина, поэта-декабриста Рылеева и говорят о политике: «От революции, пожалуй бы, и не прочь на словах, но систематическое осуществление принци-

пов было не по силам. Осуществлять что-либо задуманное и передуманное, действовать, это не нашего поля ягода; это нечто западное, пришлое к нам вместе с паром и железными колеями». Пирогов с грустью вспоминает: «Тогда университетская молодежь, предоставленная самой себе, жила, гуляла, училась, бесилась по-своему. Не было ни попечителей, ни инспекторов в современном значении этих званий». Выполняя функции попечителя Московского учебного округа, князь Оболенский приезжал в университет лишь раз в год. В университетских стенах царила свобода слова. Полиция не имела права проникать за его стены. Впрочем, добавляет Пирогов, политических демонстраций не было [2].

На самом деле в глазах властей политическим вопросом университет тогда еще не является. Он набирает студентов, главным образом, среди не определившегося еще населения, из низших слоев общества: духовенство, мелкое чиновничество, купечество, свободное крестьянство. С конца XVIII века тех, кто образует этот новый социальный слой, называют разночинцами. Это чисто отрицательное определение: они не платят налогов, не принадлежат к дворянству, не относятся ни к купеческой гильдии, ни к гильдии ремесленников. Будучи скорее вне классов, нежели деклассированы, образованы, нежели просвещены, разночинцы образуют недворянскую среду, стремящуюся к самопознанию и определению своего социального положения в традиционном обществе. А иерархическая лестница этого общества переживает европеизацию, бюрократизацию, с тех пор как Петр ввел «Табель о рангах», едва ли им доступную. Получив образование в семинариях, не имея призвания к церковной службе, разночинцы становятся секретарями, служащими, управляющими, мелкими чиновниками, без доступа к дворянству. С виду смиренные и услужливые, чтобы продвинуться в жизни, в большинстве они зависят от наследственной знати, среди которой царит стойкое предубеждение против образования, подготовляющего к гражданской карьере; зато нет предубеждения против военной карьеры, для которой монархический строй умножает формы обучения: кадетские корпуса и юнкерские училища.

В 1809 году для мелких чиновников, не имеющих высшего образования, но желающих дослужиться до восьмого класса, до доступа в дворянство, были учреждены специальные «комитетские экзамены». В двадцатых годах состав постепенно меняется: на

подготовку к этим экзаменам записываются молодые дворяне, с намерением поступить на гражданскую службу. Одаренные юноши получили уже серьезное домашнее воспитание. Дмитрий Владимирович Веневитинов родился в 1805 г., мать его урожденная кн. Оболенская принимала у себя на Мясницкой писателей, артистов; предок его, по роду Венева, был атаманом воронежских детей боярских, отец его, гвардейский прапорщик, скончался в 1812 г. Поступая в университет вольнослушателем, помимо французского и немецкого, он изучал уже с детства древние языки. Грек Байло преподавал язык Гомера ему и его сверстникам, Александру Ивановичу Кошелеву, сыну причудливого «либерального лорда» и Дарьи Desjardins, дочери французского эмигранта, которая обеспечила его образование, и Ивану Васильевичу Киреевскому. Род Киреевских среди самых старинных; отец его, просвещенный человек, дружинный начальник первой милиции, умер от тифа в 1812 г.; овдовев, мать его вышла замуж за внучатого брата Ал. Ан. Елагина, который до 1822 г. воспитывал Ивана, его сестру Марию и брата Петра, будущего фольклориста, собирателя народных песен. Сам Елагин был почитателем Канта и Шеллинга. Юноши читали Софокла, Эсхила в подлиннике, увлекались Платоном, переводили, кто Горация, кто Фукидида. Все трое посещали университет с 1822 по 1824 г., познакомились там со старшекурсником М.П. Погодиным и его товарищами Максимовичем и Рожалиным.

Александр Кошелев рассказывает, как он и его товарищи присутствовали только «по обязанности» на лекциях; они не оказали серьезного влияния на их образование, поскольку центр их интересов находился вне университета, в изучении немецких философов, в частности Шеллинга. Следует добавить, что основы натурфилософии излагал тогда на своих лекциях профессор латинской словесности И.И. Давыдов и что на заседаниях Общества любителей русской литературы им дозволялось слушать возражения профессора А.Ф. Мерзлякова против романтизма; как поэт, переводчик и критик, он защищал классицизм, ссылаясь на авторитет Буало, Баттл и Лагарпа. Заседания проходили под председательством А.А. Прокоповича-Антонского, директора университетского пансиона, где преподавали Погодин, В.И. Оболенский и С.Е. Райч. С целью переводить классиков древнего мира был создан кружок Райча.

Одним из отзывов о спорах того времени

остаётся статья Веневитинова «Разбор рассуждения г. Мерзлякова», напечатанная в «Сыне отечества» в 1825 г. Молодой автор упрекал своего бывшего профессора в отсутствии теории: чтобы оценить достоинство поэта, надобно основать свой приговор на определенной мысли. Он выступал за честь своего века: «Поэзия древних пленяет нас как гармоническое соединение многих голосов. Она превосходит новейшую в совершенстве соразмерностей, но уступает ей в силе стремления и в обширности объема». «В литературе право давности не должно бы существовать, а г. Мерзляков часто жертвует ему собственным суждением: «Кто ожидал бы, чтоб в наш век на поэзию взирали как на орудие политики; чтоб мы были обязаны трагедиею мудрым правителям первобытных обществ? Как? поэзия, получившая свое существование от случая, должна сверх того владеть оковы рабства от самой колыбели? Бесплезно опровергать эту мысль: тот, кто питает в сердце страсть к искусствам, страсть к просвещению, сам ее отбросит» [3].

Тут столкновение между старым и новым превосходило прежние сравнения, во имя прогресса, между достоинствами древнего и современного искусства; оно было созвучно с возбужденностью умов накануне событий на Сенатской площади; оно провозглашало свободу творчества: поэт покоряется лишь законам и условиям своего мира, не признает повиновения мудрым правителям, воспекает слияние поэзии с философией. Кн. В.Ф.Одоевский разделял с Веневитиновым эти взгляды. Отец его управлял Государственным Ассигнационным Банком в Москве, мать была простолюдинка. Закончив университетский пансион в 1822 г. с золотой медалью, он посещал кружок Райча и, в союзе с Кюхельбекером, издавал альманах «Мнемозина», в котором совмещалось гражданское назначение литературы с влиянием немецкого идеализма.

К тому времени Веневитинов со своими товарищами уже успешно выдержали «комитетский экзамен» и все трое поступили на службу в Московский Архив Министерства Иностранных Дел. До этого около десяти человек, в том числе Кошелев, предпочли оставить университет после того, как в 1823 г. университетский совет решил обязать строптивых студентов посещать по меньшей мере восемь лекций. Архивом управлял А.Ф. Малиновский, ему импонировали столь одаренные подчиненные! Дополняли состав выпускники университетского пансиона: С.П. Шевырев, В.П. Титов, Н.А. Мельгунов, С.А. Соболевский

и другие. Занятия заключались, вспоминает Кошелев, «в разборе, чтении и описи древних столбцов. Понятно, как такое занятие было для нас мало завлекательно. Впрочем, начальство было очень мило: оно и не требовало от нас большой работы. Сперва беседы стояли у нас на первом плане, но затем мы вздумали писать сказки, так чтобы каждая из них писалась всеми нами. Десять человек соединялось в это общество (...) сочинения выходили очень забавные, и мы усердно являлись в Архив в положенные дни – по понедельникам и четвергам. Архив прослыл сборищем блестящей московской молодежи, и звание архивного юноши сделалось весьма почетным, так что впоследствии мы даже попали в стихи начинающего тогда входить в большую славу А.С. Пушкина».

Расставшись с кружком Райча, «архивные юноши» создали под председательством В.Ф. Одоевского «Общество любомудрия», «тайное» общество почитателей немецкой философии, «любителей мудрости» отказавшихся от термина «философы», прилагая его исключительно «болтунам французам». «Тут господствовала немецкая философия, хващается Кошелев, т.е. Кант, Фихте, Шеллинг, Окен и др.» Успели ли любомудры постичь всю глубину новой науки? Едва ли. Они беседовали о началах, на которых должны быть основаны всякие человеческие знания: «христианское учение казалось нам пригодным только для народных масс, а не для нас любомудров. Мы особенно высоко ценили Спинозу, и его творения мы считали много выше Евангелия и других священных писаний» [4]

Гражданскую службу любомудры выбрали вопреки традиции дворянства служить под военным мундиром, но, выслужив лишь краткий срок, выходили в отставку, приобретая залог человеческого достоинства – независимость, идеал любомудрия. Об истинной религии, о содействии к просвещению народа и вообще о самом Просвещении, по мере того, как с болтунами-французами осуждался XVIII век, во имя немецкой науки, обо всем этом еще впереди. Мимолетное сияние любомудрия не пропало бесследно. Помимо самих любомудров, читавших всю жизнь память и наследие лучшего из них, Московский университет перерос в этот краткий срок и стал зачатком «гражданского пространства», с которым вскоре придется считаться.

К началу тридцатых годов университет все больше и больше привлекает молодых дворян, стремящихся к гражданской карьере.

Из пятисот студентов, записанных в Московский университет, половина принадлежит к знати. На отделении словесных наук насчитывают:

19 детей дворян, большей частью мелкопоместных;

16 детей титулярных советников (девятый класс);

8 детей советников с пятого по третий класс;

86 детей мелких чиновников;

25 детей представителей духовенства;

20 детей купцов;

12 детей мещан;

2 вольноотпущенника.

Одновременно с этим ростом «гражданского начала» вводятся постепенно меры, отвечающие приверженности государя к военной дисциплине. Снисходительный князь Оболенский заменен военным, генералом Писаревым, который навязывает студентам ношение форменной одежды, некогда обязательной только для преподавателей. Казеннокоштные студенты наденут мундир темно-зеленого цвета, нелепый наряд, который Виссарион Белинский будет проклинать, как и свое положение казеннокоштного студента.

1830 год относится еще к промежуточной фазе, а осенью, при карантине, обстановка становится прямо «либеральной». Виссарион оттачивает свою драму и готовится представить ее на суд цензурного комитета, в надежде, что разрешат ее постановку на сцене только что созданного университетского театра. Эту инициативу поддерживает Щепкин, известный московский актер, который присутствует на всех репетициях и дает авторитетные советы. В восторженном состоянии Белинский даже объявляет родителям, что они вскоре будут иметь удовольствие увидеть его произведение изданным. Его оптимизм умерен мудрыми словами кузины из провинции: «Советую вам, Виссарион Григорьевич, не спешить издавать оную, а отдать на рассмотрение людям опытным, каким-нибудь ученым старичкам, а не молодым вашим товарищам». И она добавляет: «А пуще всего не полагайтесь на свое собственное об ней мнение!» [5]

К сожалению, катастрофа уже произошла! Профессор Цветаев, которому было поручено в цензурном комитете проверить рукопись, заявляет, что пьеса содержит отрывки, противоречащие религии, морали и российским законам, что она безнравственна и бесчестит университет [6]. Составлен протокол, но ректор, беспокоясь, что данный случай

получит огласку, воздерживается от передачи дела в полицию или в суд и ограничивается предупреждением незадачливого автора, что о нем будут ежемесячно подаваться особенные донесения.

Надеялся ли Белинский, благодаря своему таланту драматурга, преодолеть предрассудки своего времени? Мог ли он не знать о них, студент, проучившийся целый год на словесном отделении? Или же он был опьянен атмосферой исключительной свободы, царившей в университете осенью 1830 года? Последующие события подтверждают последнюю гипотезу. Отлучается во время холеры из университета какой-то казеннокоштный студент? Студенческий совет ему это разрешил ввиду «важного дела» и несет коллективную ответственность за этот незаконный поступок. Инспектор угрожает посадить виновника в карцер, но благоразумно отступает перед решительностью его товарищей. Занятия возобновляются в январе. В марте казеннокоштные студенты, измученные плохой пищей, отказываются идти в столовую, несмотря на угрозы ректора и успокаивающее посредничество декана медицинского отделения. За этой коллективной демонстрацией, «которая возмутила мир и покой университетских властей и привела в движение бдительные власти столицы», следует новая манифестация, на этот раз направленная против нелюбимого профессора права Малова; студенты провожают его на улицу выкриками. К юристам присоединились студенты других отделений [7].

Окрепнув от этого первого успеха, студенты собираются у одного из них, у юриста Якова Почеки, и решают принимать участие в жизни университета, проводить, по примеру немецких студентов, регулярные собрания. С этой целью они обращаются с письмом к новому попечителю Московского учебного округа, князю Сергею Голицыну. Он намерен замять дело, узнав мнение университетского совета. Впрочем, профессор Малов сам себе навредил. Вместо того, чтобы доложить своему начальству, он послал донос прямо в Санкт-Петербург, графу Бенкендорфу, шефу жандармов, заявляя, что вспыхнула политическая манифестация, пока он читал лекцию о лучшем строе, о самодержавии. Встревоженный царь требует от Бенкендорфа расследования. Оказывается, что в тот день Малов читал лекцию о браке! Разыскивают виновных. Малов дает список ленивых студентов. Они отсутствовали! Чтобы окончательно замять дело, попечитель решает записать в список лишь фамилии от-

прысков наиболее знатных фамилий в Москве, это обеспечит их освобождение после чисто формального заключения в карцер. Среди них задержаны юрист, князь Иван Оболенский и студент физико-математического отделения Александр Герцен, незаконнорожденный сын московского вельможи Ивана Яковлева и немецкой гувернантки Луизы Гаг. Обе «покаянные жертвы», которые действительно участвовали в событии, будут быстро освобождены. Власти не намерены более обострять дело. 11 апреля в ответе на вопросы Бенкендорфа князь Голицын признает обоснованность недовольства студентов [8].

В январе 1831 г. выходит в свет «Листок»; его выпускает два раза в неделю князь Д. В. Львов с участием многих студентов. Отклик на московскую жизнь, анекдоты, каламбуры, загадки и объявления – таково его содержание. Белинский выступает в нем сначала как поэт, затем как критик. Несмотря на его успех, издание журнала «по неясным причинам» прекращено в июне, на сорок девятом номере. Объяснение следует искать, по-видимому, в польских событиях.

27 мая Гаспар Шанявский, студент медицинского отделения, публично произносит хвалу польскому народу и критикует политику России. Его немедленно арестовывают и обвиняют в подготовке побега польских офицеров из Москвы. Вместе с ним к суду привлечен библиотекарь Петрашкевич, бывший член общества филаретов. 16 июня арестованы польские офицеры, связанные с университетом, и на следующий день производятся аресты членов студенческого кружка, вдохновляемого Николаем Сунгуровым и его побочным братом Федором Гуровым. Поступив в университет в качестве вольнослушателя вскоре после дела Малова, Гуров критиковал деспотизм, взятки, продажность министров; он разжигал недовольство студентов, обязанных остаться на второй год, из-за позднего начала учебного года в связи с холерой; он получал, переписывал и распространял среди своих товарищей запрещенные стихи Полежаева, обличал власть в страхе перед истиной [9].

Именно «в заботе об истине» профессор Погодин только что опубликовал статью в московском журнале «Телескоп», «Исторические размышления об отношении Польши к России». Безусловно, Погодин выступает не для того, чтобы защитить дело поляков; напротив, он напоминает о купленных кровью правах России. Несмотря на патриотический тон статьи, его коллега, латинист Снегирев, которого,

впрочем, студенты не уважают за вошедшее в поговорку незнание латыни, пользуется случаем, чтоб обвинить автора статьи как революционер. По словам Снегирева, студенты прозвали Погодина московским Лелевелем и пишут его имя в коридорах на стенах [10]. «Произошло несчастье!» – сетует Погодин. Несмотря на интерес, который, будто бы, проявил государь к его статье, Погодину отныне грозит прослыть либералом в глазах министра народного просвещения! [11]. Студенты, которые сочувствуют полякам, не разделяют, конечно, мнения Погодина и вовсе не видят в нем либерала! Костенецкий, член кружка Сунгурова, вспоминает, как тогда для него поляки были патриотами, жертвами жестоких преследований деспотов [12]. Со своей стороны Герцен записывает: «Мы следили шаг за шагом за каждым словом, за каждым событием, за смелыми вопросами и резкими ответами, за генералом Лафайетом и за генералом Ламарком... Мы радовались каждому поражению Дибича, не верили неудачам поляков, и я тотчас прибавил в свой иконостас портрет Фаддея Костюшки» [13].

Однако большинство студентов не примыкает к этим крайним суждениям. Януарий Неверов, студент отделения словесных наук с 1828 года, упоминает о пагубных происках Сунгурова и добавляет, что никто среди его знакомых не соблазнился его предлодениями и не посещал его собрания. У Януария Неверова скромное происхождение. Его отец, законник, занимается частной практикой в Нижегородской губернии. Кружок, о котором он упоминает, является «довольно хорошим обществом из молодых людей нового поколения». Они собираются у Селивановского, бывшего студента, благодаря которому Януарию достаются запрещенные стихи Полежаева!

К чему стремятся эти молодые люди нового поколения? В университете не диплом, а знание приобрести они хотят, они ждут прежде всего от своих преподавателей дельных и содержательных лекций. Студенты благородного происхождения, уже получившие образование в своих семьях, более требовательны и суровы по отношению к ним, нежели их предшественники более скромного происхождения. По мере того, как улучшается уровень преподавания, их желание осуществляется, но одновременно, чтобы углубить свои знания, вне занятий, без политических намерений, они объединяются в кружки. В своем дневнике 17 ноября 1831 года Неверов записывает, что он познакомился с Оболенским и испытывает большую симпатию к нему. Вмес-

те с ним и с другим студентом Ключниковым, сыном землевладельца, чиновника пятого класса, поступившего на словесное отделение одновременно с ним, они стали встречаться с целью создать кружок. Но после неприятной истории с Оболенским, приходится все это прервать» [14].

Отличившись уже в деле Малова, Иван Оболенский на это раз арестован в начале декабря по доносу за участие в так называемом «оставлении злонамеренного общества» вместе с Амедем Декампом, преподавателем французского языка. По мнению студентов, которые его называли «дедом Кампом», в этом французе нет и намека на конспиратора! Он всего лишь обветшалый представитель Старого режима, неестественный и высокомерный фразер. Недоразумение рассеивается быстро. Оболенского освобождают через десять дней, но оставляют под полицейским надзором.

В этот учебный год Неверов начнет опекать новичка в университете, Николая Станкевича, который младше его на три года. Старший сын в семье, насчитывающей девять детей, Станкевич призван унаследовать богатые земли в Острогжском уезде Воронежской губернии. Его дед, серб по происхождению, служил Екатерине II, участвовал в прусской и польской кампаниях. В заслугу ему выделили земли, которые он сумел обработать. Отец его проживает в родовом имении и весьма умело ведет хозяйство. Вместе с братом он занимается земледелием, следит за мировыми ценами на пшеницу и скот, интересуется финансовыми операциями.

Учебный год 1830–1831 заканчивается. На экзамены разрешено явиться только второкурсникам. К таковым относится Белинский. Заболев, он только что провел две недели в больнице, и экзамены для него перенесены на осень. В сентябре он проваливается на экзаменах и оказывается на третьем году обучения казеннокоштным студентом первого курса! Именно в этих тяжелых условиях он знакомится с Заблоцким, польским студентом, рекомендованным попечителем Белорусского учебного округа. Выходец из разорившейся дворянской семьи, новичок вскоре находит друзей среди соотечественников в «Тайном польском литературном обществе» и начинает бывать вместе с Белинским в доме акушерки польского происхождения Ф.И. Бордеглио. Она находится под надзором полиции и подозревается в связях с польскими революционерами.

В октябре Николай I вновь прибывает в

Москву в сопровождении верного ему шефа жандармов графа Бенкендорфа. 21 октября он присутствует на балу, данном в его честь дворянством. В дворянском собрании с хоров Герцен вглядывается в лицо своего личного врага: «В этих чертах, за этими оловянными глазами ясно можно было понять судьбу Польши, да и России. Он был потрясен, испуган, он усомнился в прочности трона и готовился мстить за выстраданное им, за страх и сомнения» [15].

Белинский, со своей стороны, пишет родителям:

«Теперь в Москве гостит государь император с государынею императрицею Государь был везде, кроме Университета!.. Даже Гимназия удостоилась его высокого посещения, а мы его уже и не ждем. У нас есть некто граф Панин, служащий при Университете в качестве помощника попечителя. Эта глупая и долговязая орясина (он ростом выше трех аршин) вздумала насильственным образом стричь на солдатский манер своекоштных студентов. Русаки все дались! Немцы, обругав и одурачив его, вышли из Университета! К довершению этих глупостей министр вздумал поселить своекоштных студентов в один дом на таком основании, чтоб каждый из них внес одновременно 50 р. ас. И вносил бы каждую треть по 100 р. ас. И сверх того имел бы полную студенческую одежду, сшитую на свой кошт. Каково! Разумеется, все отказались; иные потому, что не хотят добровольно идти на подобную каторгу, другие по бедности. Теперь не знаем, чем это все кончится. По всему видно, что Московскому Университету настает кончина!..» [16].

Тем не менее, открывается учебный год. Дмитрий Голохвастов, кузен Герцена, старше его на шестнадцать лет, назначен помощником попечителя Московского учебного округа по рекомендации князя Сергея Голицына. Герцен от всего сердца ненавидит этого «зубрилу». Новый помощник присутствует на лекциях профессоров. Проведя инспекцию у Погодина, он вызывает его и, не позволив ему сесть, делает замечания о форменных пуговицах и других мелочах. Погодин хочет подать в отставку. Граф Панин уговаривает его остаться. В тот год Погодин преподает историю последних трех столетий. Он колеблется: «Студенты очень любят меня и уважают, – пишет он в своем дневнике. – Это утешительно. Есть для кого работать. Нет, прочь все. Остаюсь в Университете» [17].

Осторожный, услужливый, но без угод-

ливости, Погодин, прежде всего, усердный труженик. Он искренне озабочен судьбой своих студентов, которые его уважают. Его курс по древней истории лишь повторение работ немецкого историка Геерена (25), но он может увлечь аудиторию, делясь с ней своими собственными исследованиями по русской истории. Однако на этом поприще он сталкивается с сильным соперником. Михаил Каченовский старше его на двадцать пять лет, эрудиция и компетентность этого профессора единодушно признаны и вызывают уважение. Наследник просветителей XVIII века и почитатель Бейля, Каченовский возглавляет «скептическую школу» и противится всякой преждевременной попытке укрепить, установить прошлое России. В частности, он критикует «преувеличения» Карамзина, автора монументальной «Истории Государства Российского»; он признает, что это плод огромной обработки источников, но видит в ней, скорее, литературное произведение, нежели исторический труд. Каченовский разделяет скептицизм своего учителя Болтина по поводу «увлечения народов возводить себе почетную родословную». В своих лекциях он подвергает сомнению подлинность не только «Слова о полку Игореве», но также и «Повести временных лет» и «Русской Правды». Одним словом, он подвергает сомнению «нормандское происхождение» первого русского государства, Киевской Руси. Почетна ли она или нет, тем не менее, эта родословная постепенно приобретает официальный статус. Напрасно было бы предполагать политические намерения у скептика Каченовского. В начале царствования Николая I история еще остается вне политических соображений. При условии, что он уважает авторитет властей, начальство, историк применяет все виды свободной критики в целях бескорыстного поиска истины. Какие возможности открываются студентам для развития их критического духа в области, которая еще ускользает от бдительности властей, от запретов и от презумпций! Это понимают и оценивают Станкевич и его товарищи. По окончании университета они заказывают в складчину и дарят главе скептической школы золотую табакерку. По этому случаю Станкевич сочиняет два четверостишия, одно посвященное историку Каченовскому, другое латинисту Снегиреву, разоблачителю Погодина:

*«За старину он в бой пошел,
Надел заржавленные латы.
Сквозь строй врагов он нас провел
И прямо вывел в кандидаты.»*

*Он историческая мерка;
Тебе ж что скажем, дураку?
Ему в три фунта табакерка;
Тебе три фунта табаку...» [18]*

В честь преподавателей, круто осмеянных в пародиях и эпиграммах, создается «групповой портрет» в незабываемом произведении «О царе Горохе»; автор его будущий сенатор Лебедев, он проявляет свое остроумие на счет Каченовского, Погодина, Павлова и прочих. Эта пародия опубликована в 1834 году в университетском издательстве с согласия цензора, самого профессора Снегирева!

Именно вокруг вопросов, возникающих на лекциях по истории, завязываются близкие отношения между «старшими» студентами – Неверовым, Ключниковым, Оболенским и «новичками», в частности, Станкевичем. Равенство царит между ними, когда они затрагивают подобные вопросы. Об этом свидетельствует тон многочисленных записок, посылаемых Станкевичем Неверову: «...Думаю прочесть Эверса «Рассуждения о происхождении Руси», это нужно будет для Каченовского. Читать Карамзина не буду: я его читывал и прежде, но от этого пути мало: не так надобно изучать историю! (...) Приезжай ко мне (...) Я пошлю и за Ванькою Оболенским. Прочтем с толком диссертацию Гастева» [19].

Гастев моложе Погодина лишь на один год, это любимый студент Каченовского. Он написал диссертацию на модную тему: «Рассуждение о причинах, замедливших гражданскую образованность в русском государстве до Петра Великого». Изучать Россию по западным критериям? Погодин осуждает это направление: «Русская гражданская образованность, или лучше русская история шла иначе, нежели история прочих европейских государств, – возражает он. – Покажите это иначе и причины этого иначе; но не толкуйте о замедлении и об ускорении». Гастев якобы не показал истинных причин. «Удивительно, – добавляет Погодин, – почему автор даже не упомянул о том, что Россия имела другое вероисповедание и не получила классического наследства».[20]

Наследие древней культуры – именно этим вопросом заняты были любомудры и в частности Д.В. Веневитинов. Французские историки периода Реставрации: Огюстен Тьерри, Гизо, Минье определяли европейскую культуру по трем критериям: наследие греко-римского древнего мира, христианизация его и

нашествия варваров. России, чтобы быть полностью европейской, отмечали любомудры, не хватало, увы, первого из этих критериев. Это наследие она, как будто, восприняла, но не самостоятельно, а от Запада. Читая на литературном вечере «Несколько мыслей в план журнала» в качестве программы задуманной публикации (будущего «Московского Вестника»), Веневитинов призывал своих друзей любомудров к подвигу.

«Россия все получила извне; отсюда это чувство подражательности, которое самому таланту приносит в дань не удивление, но раболепство; отсюда совершенное отсутствие всякой свободы и истинной деятельности». Кто в этом виноваты? Опекуны-французы? Подражатели-русские? «Давно ли сбивчивые суждения французов о философии и искусствах почитались в ней законами (...) Мы отбросили французские правила не от того, чтобы мы могли их опровергнуть какой-либо положительною системою; но потому только, что не могли применить их к некоторым произведениям новейших писателей, которыми невольно наслаждаемся. Таким образом, правила неверные заменились у нас отсутствием всяких правил. Одним из пагубных последствий своего недостатка нравственной деятельности была всеобщая страсть выражаться в стихах. Многочисленность стихотворцев во всяком народе есть вернейший признак его легкомыслия (...) У нас язык поэзии превращается в механизм (...) у нас чувство некоторым образом освобождается от обязанности мыслить и, прельщая легкостью безотчетного наслаждения, отвлекает от высокой цели усовершенствования». Что делать?»

«Самопознание – вот идея, вот цель и венец человека – отвечает Веневитинов. – Истинные поэты всегда и везде были глубокими мыслителями, философами, венцом просвещения. (...) Мы получили форму литературы прежде самой ее сущности». Веневитинов предлагает вникнуть «в причины, породившие современную нам образованность», и перенестись «на некоторое время в эпохи ей предшествовавшие». Для этого следует обратить особое внимание на древний мир и его произведения. «Находясь в мире совершенно для нас новым, которого все отношения для нас загадки, мы невольно принуждены будем действовать собственным умом для разрешения всех противоречий, которые нам в оном представляются». Отстать временно от новейших открытий, чтобы заполнить этот пробел в образовании? Бояться нечего: «дух древнего

искусства представляет нам обильную жатву мыслей, без коих новейшее искусство теряет большую часть своей цены и не имеет полного значения в отношении к идее человека». Россия нуждается в твердом основании изящных наук; в нем залог ее самобытности и нравственной свободы в литературе, в философии, «которая заставит ее развить свои силы и образовать систему мышления. Вот подвиг, ожидающий тех, которые возгорят благородным желанием в пользу России, и следовательно человечества» [21].

Освободившись от бесплодного постороннего влияния, отказавшись по примеру Лессинга, главы немецкого просвещения, и за ним ранних романтиков от ложного преклонения перед французским просвещением, перед псевдоклассицизмом, предстояло любомудрам воспринять подлинный классицизм. На смену эстетики «хорошего вкуса», основанной на правилах и лишенной обобщающего подхода, приходила теория искусства с умозрительным направлением, вдохновленным преимущественно Шеллингом.

Еще до рокового 1825 г. выступал с подобными возражениями против французов в «Мнемозине» Кюхельбекер; он оспаривал господство французов Лагарпа и Баттэ в статье «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» в 1824 г.; он благодарил Жуковского за то, «что он освободил поэзию от французов», жалея при этом, что он «рассеял повсюду уныние, скуку и туман в природе (...) и в голове писателей». В «Полярной Звезде» А. Бестужев бросал «Взгляд на старую и новую словесность в России» и замечал: «Гремущка занимает детей прежде циркуля: стихи, как лезть слуху, сносны даже самые посредственные; но слог прозы требует не только знания грамматики языка, но и грамматики разума (...) от сего у нас такое множество стихотворцев (не говорю, поэтов) и почти вовсе нет прозаиков (...). К сему присоединилась еще односторонность, происшедшая от употребления одного французского и переводов с сего языка» [22]. Однако подобная критика с политическим направлением, во имя гражданского духа, не открывала парадоксальные и плодородные перспективы любомудрия. Освободившись от одного влияния, не попадало ли оно под другое? Не предстояло ли любомудрию для окончательной эмансипации открыть тот иной путь России, о котором говорит Погодин, или, во всяком случае, направить русскую мысль на путь самопознания?

Не суждено было «Московскому Вестнику» выполнить это задание. Что касается древнего наследия, верным последователем Веневитинова являлся Шевырев. Он считал необходимым посетить Италию, чтобы углубить свои познания. В 1829 году, в качестве воспитателя ее сына, он сопровождает в Рим княгиню Зинаиду Волконскую. Еще до отъезда из России Шевырев проявил себя сведущим критиком. С первого номера «Московского Вестника» он был признан законным выразителем эстетических концепций любомудрия благодаря своей статье «О возможности найти единый закон прекрасного». Он смело оспаривал Булгарина в «Обзоре русской литературы за 1827 год». Он посвящал целое исследование второй части «Фауста» Гете сразу после ее публикации. Гете – одобрял. «Московский Вестник» публиковал письмо Гете, и Пушкин поздравлял своих московских друзей: «Честь и слава милому нашему Шевыреву. Вы прекрасно сделали, что напечатали письмо нашего германского патриарха. Оно, надеюсь, даст Шевыреву более весу во мнении общем. А того-то нам и надобно. Пора уму и знаниям вытеснить Булгарина и Федорова...» [23].

Между «взрослыми» любомудрами 20-х гг. и «младшими» студентами 30-х гг. открываются наилучшие перспективы последовательности, преемственности. Увы, энтузиазм последних не будет разгораться на общей почве с первыми.

Склонность к изучению философии одновременно подавляется и стимулируется отсутствием лекций по философии в университете. Профессор Иван Давыдов защитил в 1815 году докторскую диссертацию «О преобразовании в науках, произведенном Бэконом». В 1816 году он дал первую лекцию: «О возможности философии как науки». Вскоре курс был отменен, и Давыдов с тех пор перестал вступать на эту опасную территорию, и преподавал только общую литературу, риторику и красноречие, руководствуясь «Курсом риторики» Гуго Блэра, вышедшим в 1783 году, и приправляя свои лекции туманными заметками в духе Шеллинга.

Косвенное, но истинное посвящение в философию осуществлял Павлов, профессор физики и естественных наук, у которого поселился Станкевич. Обычно его аудитория состояла из студентов физико-математического отделения. Герцен, входящий в их число, пишет, что дело университета «поставить человека à tête продолжать на своих ногах; его дело – возбуждать вопросы, научить спраши-

вать. Именно это-то и делали такие профессора, как М. Г. Павлов, а с другой стороны, и такие, как Каченовский».

«Павлов преподавал введение к философии вместо физики и сельского хозяйства. Физике было мудрено научиться на его лекциях, сельскому хозяйству невозможно, но его курсы были чрезвычайно полезны. Павлов стоял в дверях физико-математического отделения и останавливал студента вопросом: «Ты хочешь знать природу? Но что такое природа? Что такое знать? ...» Ответом на эти вопросы Павлов излагал учение Шеллинга и Окена с такой пластической ясностью, которую никогда не имел ни один натурфилософ» [24].

Студенты словесного отделения тоже приходят на лекции Павлова. Само собой разумеется, среди них – Станкевич, чему свидетельствует эта записка Неверову, без даты, от 1831 года: «Сегодня Павлов читает у себя лекцию опытной физики, на которую съедутся много; я сказал, что буду» [25].

Неужели философия развращает умы? Однако, будучи «прислугой богословия» она признавалась предметом обучения в Сорбонне в средние века. Таковой ее и преподают в России в начале XIX века. В Московской духовной академии профессор Кутневич заказывает для своих учеников последние работы Канта, Фихте, Шеллинга, Якоби. Профессор Голубинский организует кружок «Ученые беседы», где излагаются новые положения «трансцендентального идеализма». Правда, Голубинский доводит их всегда до истин, уже открытых Отцами православной Церкви. Герцен сожалеет об этом: «наша молодежь, вступающая в Университет, совершенно лишена философского приготовления, одни семинаристы имеют понятие о философии, зато совершенно превратное».

Превратное понятие – по мнению Герцена, но вместе с тем соответствующее требованиям академического преподавания, тогда как он сам и его товарищи по учебе остаются самоучками, предоставленными самим себе. Поколение любомудров непосредственно приобщалось к этой «новой науке» благодаря сочинениям Шеллинга. Оно не предавалось истинному философскому размышлению по поводу вопросов, которые априори считались решенными, и сразу переходило к выводам. Это поколение едва ли было знакомо с Кантом, с его «Критикой чистого разума», где разум (Vernunft) сам себя судит: где признаются его права, как и осуждаются чрезмерные его претензии, где определяют-

ся границы, в пределах которых разум может на законных основаниях применять априорно свои начала. Предостережения Канта уже кажутся бесполезными перед грандиозными перспективами «новой науки» Натурфилософии, которая, в силу таинственной внутренней причинности, наделяет материю имманентной жизнью и проповедует телеологию, предполагающую действие «разумного духа» всюду, где проявляется целесообразность. С виду она не стремится восстановить теологию Откровения. Термины, которые она использует, относятся скорее к философской лексике, нежели богословской: Я (свобода) отождествляется с абсолютным, бытием (Sein), с субстанцией или противопоставлена не-Я, существованию (Dasein), представлению, природе; однако проблематика ее строжайшим образом остается религиозной. Во всяком случае, она отвечает в России на надежды поколения, жаждущего знания и колебавшегося между скептицизмом и верой. Шеллингизм предоставляет ему в готовом виде Weltanschauung, мировоззрение в форме более эстетической, чем научной, более романтической, чем исторической, но приемлемой в глазах властей, допускающих философию исключительно в официальных рамках духовных академий.

Попытку применить шеллингизм с целью ввести преподавание философии в университете совершает именно бывший семинарист Николай Надеждин. Получив образование в духовной академии, он становится магистром богословия в двадцать лет, в 1824 году, затем преподавателем словесности в Рязанской семинарии и защищает докторскую диссертацию на латыни о романской поэзии «De origine, natura et fatis Poëseos, qua Romantica audit» (О происхождении, природе и судьбах поэзии, называемой романтической). В 1831 году он назначен профессором кафедры «Теории изящных искусств и археологии» Московского университета. Его кандидатура была предметом тщательного обсуждения на Совете университета. Некоторые профессора, впрочем латинист Снегирев и эллинист Ивашковский, подчеркивали, что «хотя сам сочинитель не упоминает, какому учению предпочтительно следовал, но весьма очевидно, что оно принадлежит Шеллингу, как сие можно видеть в его «трансцендентальном идеализме», и потому желательнее прежде всего знать, может ли сие учение быть допущено в нашем университете». Большинство членов совета во главе с Каченовским по-

лагали, что неточность некоторых терминов, используемых Надеждиным, не приносила неясности в его работу и высказывались в его пользу. Надеждин приступает к работе в январе 1832 года после успешного чтения первой лекции «Необходимость, значение и сила эстетического образования». Вскоре Надеждин публикует ее в «Телескопе» – новом журнале, выходящем два раза в месяц, которым он сам руководит. Он видит в нем духовного наследника «Московского Вестника». Прощаясь с читателями своего журнала, Погодин великодушно обещал сотрудничать в «Телескопе» своего молодого коллеги. Станкевичу, как студенту первого курса, не разрешено присутствовать на пробной лекции Надеждина. Естественно, он обращается к Мельгунову, чтобы раздобыть номер «Телескопа».

В своем толковании натурфилософии Надеждин не опирается, как Павлов, на космогоническое видение, полагающее одновременно тождество и борьбу между абсолютной свободой и хаосом, над которым господствует Слово: «Да будет свет!» При невозможности использовать теологию Откровения, которая была бы, впрочем, неуместна в его лекции, он излагает эстетику Откровения, основываясь на знаменитом труде Ваккенродера «Сердечных излияниях монаха, любящего искусства». Эта основополагающая работа была переведена на русский язык в 1826 году любознательными Шевыревым, Титовым и Мельгуновым. Искусство, расцвет человеческого чувства, таинственное явление, иррациональное по своей природе, эмоциональное, как любовь, ускользает от какого-либо теоретического определения. Его шедевры следует принимать с любовью и почтением, а не анализировать ради тщетных логических принципов, построенных на предубеждении. Вдохновение артиста является состоянием ясновидца, эстетическое созерцание – восхождением к бесконечному. В «Видении Рафаэля» Ваккенродер рассказывает, как божественный Рафаэль, преследуемый желанием написать Деву Марию, фиксирует на полотне ее небесный лик, явленный ему в мимолетном озарении, но навсегда запечатлевшемся в его сердце.

Надеждин полагает Идею прекрасного абсолюта, благодаря которой осуществляется гармония бытия в бесконечной любви Бога к своему созданию, в стремлении созданного существа к божественному. В своем акте творения художник, побуждаемый неудержимым вдохновением, осуществляет гармоничное слияние между воображением

и разумом, свободой и необходимостью. Его гений соперничает с природой, и в своем произведении он неосознанно выходит за пределы тех противоречий, которые рассудок не способен преодолеть. В отличие от Любомудров, искавших философскую интерпретацию этой эстетики Откровения, лекция Надеждина имеет несомненный религиозный характер. Его студенты, в частности Станкевич, воспримут это толкование. Ведомый сильным ре-

лигиозным чувством, он ждет от философии ответов, которые, увы, Надеждин не способен будет ему дать. Позднее он сможет самостоятельно судить о нем, осознать его недостатки, напыщенность его речи, но добавит при этом, что Надеждин пробудил его, и если он, Станкевич, попадет в рай, то этим он будет обязан Надеждину [27].

(продолжение в № 4 2007)

1. В.Г. Белинский, ПСС Изд. АН СССР, 13 т. М. 1953–1959, т. 1, ст. 421–439. (ВГБ)
2. Н.И. Пирогов. «Посмертные записки», Русская Старина, 1885, т. XLV, январь, ст. 17–27. (РС)
3. Д.В. Веневитинов. ПСС, Академия, М.-Л. 1934. ст. 211 ?
4. А.И. Кошелев. Записки А.И. Кошелева, 1812–1883, Берлин, 1884. гл. 1
5. Литературное Наследство. № 57, М. 1951, ст. 59. (ЛН)
6. ВГБ, т. XI, ст. 50.
7. В.Г. Белинский в воспоминаниях современников. Гослитиздат, М., 1962, ст. 109–110.
8. А.И. Герцен. СС. 30 т. Изд. АН СССР, М. 1954–1965, т. VIII, ст. 117–122. (АИГ)
9. Ю.И. Костенецкий. Воспоминания моей студенческой жизни, Русский Архив, 1887, № 3, ст. 321–349. (РА)
10. ЛН, № 56, М. 1950, ст. 385–387.
11. АИГ, т. VIII, ст. 135–136.
12. ЛН, № 56, ст. 379
13. Жизнь и Труды М. П. Погодина, ред. Н. Барсуков. 22 т. СПб, 1888–1910. (ЖТП)
14. Ю.И. Костенецкий. РА, № 56 ст. 75.
15. АИГ, т. VIII, ст. 134.
16. ЛН, № 56, ст. 359–364.
17. АИГ, т. VIII, ст. 34.
18. ВГБ, т. XI, ст. 64.
19. ЖТП, т. III, ст. 307.
20. Поэты кружка Н.В. Станкевича. Библиотека поэта, ред. С.И. Машинский, М.-Л. 1964, ст. 23.
21. Переписка Н.В. Станкевича, 1830–1840, ред. и изд. А. Станкевич. 1914, ст. 212–213, 211. (ПНВС)
20. ЖТП, т. IV, ст. 62–64.
21. Д.В. Веневитинов, ПСС, ???
22. А. Бестужев, Полярная Звезда. Изд. АН СССР, М.-Л. 1960, ст. 21.
23. А.С. Пушкин. СС, 10 т., Госизд. М. 1959-1962, т. 9, С. 279–280. (АСП)
24. АИГ, т. VIII, ст. 122–123, т. IX, ст. 16–17.
25. ПНВС, ст. 208.
26. АИГ, т. IX, ст. 17.
27. Н.К. Козмин, Н.И. Надеждин. Жизнь и научно-литературная деятельность, 1804–1836. СПб., 1912, С. 248–259, 254–256.

«НИЦШЕ И ДИОНИС» ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА: К ПРОБЛЕМЕ «НЕОСЛАВЯНОФИЛЬСКОЙ» РЕЦЕПЦИИ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

В. БАЙКЕЛЬ

Два направления в культуре России первой трети XX века определяют рецепцию Ницше: «неославянофильское» (Вяч. Иванов) и «западное», утверждающее необратимость процесса «индивидуации». О специфике мышления этих направлений дает почти исчерпывающее объяснение «Переписка из двух углов» М. Гершензона и Вяч. Иванова [1].

Гершензон — мыслитель «западной» ориентации. Влияние культуры расценивается им как польза и вред. «Мне душно в ней... — пишет он. — Я знаю слишком много, и этот груз меня тяготит... знание не я добыл в живом опыте; оно общее и чужое, от пращуров и от предков». Так как оно «общее», «сверхлично-доказанное», его бесспорность леденит душу. Несметные знания, как миллионы неразрывных нитей, опутали меня кругом...». «От этого несметного, безличного знания (родившегося до субъекта — В. Б.), от усвоенных памятью умозрений, истин, гипотез, правил мышления и нравственных законов» рождается внутренняя драма исследователя. Дух становится перегруженным знанием и идеями, как «наши дома вещами». Но «я» мыслителя как индивидуального существа желает плотворного знания, которое родилось бы в нем из его личного опыта, а не извне явившегося. «Я отдал бы все знания и мысли, вычитанные мною из книг, и в придачу еще те, что я сам сумел надстроить на них, за радость самому лично познать из опыта хоть одно первоначальное, простейшее знание, свежее, как летнее утро». Культура, которая когда-то способствовала «индивидуации», теперь препятствует ей. Это, прежде всего, традиция западного мышления. Кант открыл, отмечает Гершензон, что о самой вещи мы ничего не знаем, все же признаки ее, воспринимаемые нами, суть наши представления. Шопенгауэр заключил, что мы не можем выйти за пределы нашего сознания и соприкоснуться с миром. Познавая мир (вещь), мы познаем явления и законы нашего духа. Внешнего мира нет: наш воспринимающий аппарат — единственная реальность. Величайший переворот в умах —

нет ничего существенного; все, что кажется сущим — только... миражи. Но вот на защиту древнего опыта, продолжает Гершензон, встали философы, внешнему миру возвращена непрерываемая реальность, причем уцелела истина Канта, что формальные категории нашего сознания (времени, пространства, причинности) не реальны, а идеальны, присущи не миру, а сознанию и им накладываются на опыт, как линейная сеть на ландкарту. Драма мысли актуальна до сих пор, ибо выхода из подобного тупика мышления нет: «нам не избыть своего разума и не изменить его природы». Культурное наследие продолжает давить на личность тяжестью 60 атмосфер и больше, пишет философ. Большинство не чувствует его. Как прорваться сквозь эту толщу, если она «не над его головой, но в нем самом». На слова Иванова, что свобода возникнет только тогда, когда человек культуры предастся вере, Гершензон отвечает, что «он, обремененный культурным наследием, не способен воспарить к абсолютному, если же ему и присуща вера, то она делит участь всех его душевных состояний: она заражена рефлексией, искажена и бессильна»: «С ядом в крови, с изнеможением в кости нельзя выйти на свободу». Гершензон тоже жаждет свободы сознания и исканий, «первоначальной свежести духа». Историзируя человеческое мышление, он считает, что человеку «нужно было от изначальной свободы пройти через долгий период дисциплины, догматов и законов, чтобы снова, уже иным, выйти на свободу». Но горе тем поколениям, «на чью долю выпал средний стадий — путь культуры».

Вяч. Иванов, в отличие от Гершензона, разделяет феномены культура и вера. Сего точки зрения, огромная вина метафизики (и в целом культуры) в том, что она выделилась из лона целостного духовного знания и ушла «из отчего дома» первоначальной религии. Метафизика создала культуру мышления, причем культура превратилась в систему тончайших принуждений. Культура не продуцирует свободу, так как «наше внутреннее рабствование»

перед ней, давно безбожное в принципе, «замкнуло человека в нем самом (как это окончательно провозгласил Кант)». То есть процесс накопления знаний стал условием несвободы (ср. близость к Гершензону) и привел к рождению автономной личности. Несвобода вызвана «грехопадением культуры» и для того, чтобы восстановить ее утрату, следует обратиться к вере. Вера, с точки зрения Иванова, — есть нечто, культуре внеположное, самостоятельное, простое и первоначальное (то есть существующее в опыте, не опосредованном культурой). И здесь Иванов, в отличие от Гершензона, продолжает размышлять в русле «неославянофильской» концепции, обладающей известной долей мистицизма. Вера — это то, что непосредственно связует личность с бытием абсолютным (бог). Вера, по существу, отдельна от культуры, и жить в боге означает «не жить всецело в относительной человеческой культуре, но некою частью вырастать из нее наружу, на волю». Жизнь в боге — это духовное возрастание, дверь на волю, и без веры человечество не обретет утерянной свежести (ср. отповедь Гершензона, который связывает свободу с понятием субъекта, а не абсолюта) [2]. Религия, вера на Западе, по мнению Иванова, под давлением процесса индивидуации превратилась в часть науки, растеряв свои мистические первоначальные черты (протестантизм в Германии, выросший из духа «числа») [3]. Отметим, что Гершензон не случайно считает концепцию возвращения свободы через веру Иванова умозрением, то есть содержащей элементы логики.

* * *

Иванов был «славянофилом», т.е. имел тесную связь с системой славянофильских идей и с кругом идей русской религиозной философии. Понятия дионисийского и аполлонического, наследуемые им от Ницше, испытали редукцию в системе иной культурной рефлексии. Дионис, дионисийство — символы, означающие растворение всего индивидуального, «я» во всеобщем, в оргазме. В этом смысле дионисийство выступает у Иванова как коррелят понятия «соборности», отражающего ментальные признаки русской культуры XIX века и отсутствие в ней той значительной индивидуации, которая характерна для западных культур. Иванов усиливает момент освобождения, бегства от индивидуации, уже сформировавшийся в категории «соборности» в том направлении, что «я» Иванова растворяется в общем (Дионисе)

настолько, что являет собою не часть соборного целого, но мистическую слиянность «я» до полного его исчезновения и уничтожения в потоке дионисийского оргазма, до полной неразличимости «я» и «не-я». В этом проявляется национальная специфика рецепции Иванова. Встреча греко-античной и славянской (русской) культур через посредство Ницше позволяет Иванову прозреть ярко выраженное и самобытное дионисийское начало русской культуры, разлитое обильно на многих ее этажах (Достоевский и революция).

Полемика с Ницше связана у Иванова с кругом славянофильских идей и идей русской религиозной философии. Понятие дионисизма формулируется Ивановым в отличие от Ницше как категории религиозной и мистической [4]. Введя категорию Диониса (предшественники!) как начало, разрушающее чары «индивидуации», Ницше, по Иванову, вводит контрпонятие «аполлоническое», оформляющее, скрепляющее начало, которое обозначает границы «стихии Дионисовой». Ницше «так же проповедовал Диониса, — и искал защиты от Диониса в силе Аполлоновой» [5]. Последнее приводит Ницше к внутренней драме, внутреннему разладу. Выход из этого разлада Иванов видит в создаваемой им концепции Диониса.

Для описания понятия Диониса Иванов вводит религиозно-мистический, эсотерический элемент: «божественное всеединство Сущего в его жертвенном разлучении и страдальном пресуществлении во вселикое... Ничто мира» (312). Дионисийское начало раскрывается только в мистическом переживании, которое не подлежит исследованию, не сводимо к словесному толкованию. Дионисийское состояние — выход, иступление из граней эмпирического «Я» и приобщение к единству «Я» вселенского, потеря себя в хаосе, «миг истинного экстаза,.. сверхличное событие иступленной души» (313). Подобная ситуация, продолжает Иванов, известна Ницше, но последний, как европейский мыслитель, отражающий довольно высокую стадию процесса индивидуации, пытается придать дионисийскому экстазу логическую определенность. Познав силу дионисийской стихии и потерю личного начала в этой стихии, Ницше через понятие «аполлонического» пытается дисциплинировать оргиастическую стихию бога, найти меру, которая уже была сформулирована в западноевропейской классической традиции: «...Ницше почти не разглядел бога, претерпевающего страдание», — пишет

Иванов, делая акцент на религиозно-моральном содержании понятия. «Он знал восторги оргийности, но не знал плача и стонаний страстного служения» (314), то есть тех черт, которые характеризуют русское религиозное сознание. Поэтому с точки зрения Иванова, концепция Ницше узка. Дионис как символ чрезмерности и изобилия, исступления от наплыва жизненных энергий, не логизируемый и не подвергшийся «дисциплинарной» обработке, близок в интерпретации Иванова к состоянию, проявляющемуся в русском религиозном культе, в котором оно выступает по сравнению с религиозными чувствами, царящими в западной религиозной традиции, в своей несравнимо большей дионисийской полноте. Пытаясь «эмансипировать» Диониса, Иванов заостряет его страдательную природу и создает в образе Диониса определенный коррелят к Христу, несмотря на то, что содержание понятия «Диониса» он несомненно расширяет («языческие» элементы образа), а также определяет родство дионисийской религии с христианской.

Ницше вводит аполлоническое как противоядие дионисийскому, так как последнее выступает антиподом индивидуации, поглощением и неразличением личного начала, процесса, который такой дорогой ценой достался западной культуре. Уход Ницше от религиозно-христианской трактовки Диониса (отказ от дионисийского *как* в пользу... *недионисийского что*) вызывает возражения Иванова. Ницше, создавая учение о воле к власти и о сверхчеловеке, по мнению Иванова, в конечном итоге подчиняет эту волю и сверхчеловека «верховенству определенной общей нормы, биологическому императиву». Подобное «подчинение» очевидно, оно базируется на антирелигиозных, антихристианских ницшевских критериях, которые, в свою очередь, выступают в качестве границ дионисийского произвола, наличие которого в культуре пугает Ницше, и рефлектируется им как некое аполлоническое сдерживание, перенесенное в плоскость натуралистической причинности.

Принцип веры и принцип познания не выступают у Иванова как противоположности. Подобная позиция близка русской религиозной философии и унаследована им. Расхождение у Ницше понятий познания и веры, несмотря на его критику «человека теоретического», ницшевский скепсис являются, с точки зрения Иванова, «надрывом крайнего позитивизма». Мистическое и эзотерическое в способе философствования Иванова

обуславливают критику как раз тех критериев мышления, которые характеризуют Ницше как западного философа. Иванов пишет об этом немного резко: «Рассудочность и расчет подрывают в корне первоначальное проникновение и вдохновенный порыв». «... из дикого рая его бога (Диониса – В.Б.) зовет его в чуждый, недонисийский мир его другая душа, – не душа оргиаста и всечеловека, но душа, влюбленная в законченную ясность прекрасных граней, в гордое... совершенство частной идеи» (316).

Иванов, переосмысляя концепцию Диониса Ницше, идентифицирует христианский и дионисийский аспекты сознания, ставит между ними знак тождества. Христианство, с его точки зрения, «в изначальном образе своего отношения к жизни, есть пронзенный любовью оргиазм души, себя потерявшей, чтобы себя обрести вне себя, переплывающей в отцовское лоно Единого...» (316–317) (см. концепцию любви и Всеединства в русской религиозной философии). Поэтому отмечая, что у Ницше «многоголосая дионисийская стихия» тяготеет к «аполлинийски очерченной и просвеченной мелодии», Иванов критикует западного философа за эстетизм и аристократизм его концепции (за эстетику вкуса и меры), утверждая демократический характер дионисийской религии в греческом мире и подчеркивая неисторичность Ницше. Задача Ницше, естественно, не заключалась в погружении его главных понятий в историю культуры для обнаружения их исторического смысла, но в использовании этих символов-понятий для утверждения новой концепции философии и нового способа философствования. Нападая на демократическую стихию раннего христианства, Ницше переосмысляет содержание религии Диониса в ключе своей философии, отражающей кризис христианской культуры в западной Европе («Бог мертв»). Русское христианство, сделавшее новый виток в русской религиозной философии (Бог, Всеединство, Любовь, София), оставалось вне этого кризиса. Последнее объясняет нам отсутствие «диалога» Иванова с Ницше, в котором способ философствования западного мыслителя не выступает как исторически равноправный.

В философском развитии Ницше Иванов усматривает определенные этапы, заключающиеся в том, что от «роковой двойственности» отношения к Дионису (подобной двойственности лишена религиозно выраженная концепция Иванова) Ницше движется к кризису этой «двойственности» и к определенному

повороту к «антидионисийскому полюсу». Этот поворот завершается учением о «Воле к власти». Недостаток историзма Ницше, его антихристианство, эстетизм и пр. обусловили с точки зрения Иванова узость концепции Ницше. Дионис у Иванова не страшная и разрушительная сила, уничтожающая индивидуацию как у Ницше, но больше благодатная, ибо христианское отношение к жизни то же, что и дионисийское (пронзенный любовью оргазм души). Так рождается славянский Дионис — плод русской религиозной философии, христианский символ слияния «Я» с Всеединством, с полным отказом от индивидуации.

Образ Сверхчеловека у Ницше «все более отчуждается от мистических корней», отмечает Иванов. Ницше понижает «экстатическое и вдохновенное видение», человеческая раса увенчивается «последним.. звеном биологической эволюции». Дионисийское состояние, напротив, безвольно, разрешает душу и не знает аскезы, знает единый свой, безбрежный миг, выходение из времени и погружение во вневременное, оно бескорыстно и бесцельно, по Иванову. Ницше же встает на путь логики и трактует дионисийское начало как эстетико-биологическое, упраздняя его главную, религиозную функцию. Поэтому, согласно Иванову, Ницше — «пророк и противник Диониса» (320).

* * *

Итак, подведем краткие итоги. Ницше, выступивший против спекулятивного разума, рационализма и эмансипировавший иррациональную стихию жизни (Дионис), обрел интерес в русской философии, которой было чуждо стремление к абстрактной систематизации и присутствовало внутреннее, чисто интуитивное, мистическое познание сущего, несводимость его к логическим понятиям и изображение последнего в символе. Краткий анализ небольшой работы Вяч. Иванова убеждает, что рецепция западной традиции, а именно категорий и понятий ницшевской философии, аполлонического и дионисийского, протекала через призму национально-русской духовной рефлексии, переосмыслялась в способе философствования «неославянофильского» направления. И в этом способе философствования открывалась «истина», отражающая реальное состояние русской культуры, поиски ею национальной идентификации. Но, с другой стороны, эта рецепция была лишена «диалогичности», ибо западной традиции не присваивалось право автономности, исключались претезии ее на «истину», на ту, которая могла быть сформулирована только в границах западного (ницшевского) способа мышления [6].

1. См.: Вяч. Иванов, М. Гершензон. Переписка из двух углов. М., 2006
2. Ср.: Н. А. Бердяев отмечал, что русская душа стремится сохранить онтологическую нераздельность субъекта и объекта и поэтому чуждается культуры западного типа. См.: Бердяев Н. А. Судьба России. М., 2001. С. 324.
3. См. об этом: Reichmann, E.: Die Herrschaft der Zahl: Quantitatives Denken in der deutschen Aufklärung. Stuttgart, 1968. S. 33.
4. М. Безродный определяет трактовку дионисийского начала Ницше вслед за Ивановым как эстетическую. Видно невооруженным глазом, что это понятие у Ницше сложнее и включает в свои границы ясно выраженный биологический аспект. См.: Безродный М. К истории русской рецепции антиномии аполлонический/dionysisch. В сб.: Исследования по истории русской мысли. М., 2000.
5. Вяч. Иванов. Дионис и прадионисийство. СПб., 1994. С. 310. В дальнейшем ссылки на страницы указываются в тексте.
6. Мистические элементы в концепции культуры и веры Вяч. Иванова, исторически сложившиеся в русле «неославянофильского» учения, не вышли за рамки этого направления. Анализ новой волны русского славянофильства, прерванного на долгие годы русской революцией и ее последствиями, изучение его связей с традициями первой трети XX века выходят за пределы настоящей работы. — См. в связи с этим: Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002. Он же: Правда железного занавеса. М., 2006.

КУЛЬТУРА КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ

Л. И. ШИШКИНА

В настоящее время в качестве приоритета развития нашего общества выдвинута реализация национальных проектов в сфере здравоохранения, образования, сельского хозяйства. Туда направлены значительные финансовые ресурсы, что должно, по замыслу, обеспечить прорыв в данных областях и обществе в целом. С помощью экономической поддержки предполагается решить и демографическую проблему, приобретающую характер национальной катастрофы.

Однако сегодня все более очевидно, что в основе всех «тупиков» современной России лежит главный и основополагающий вопрос — вопрос индивидуальной и коллективной самоидентификации, актуализировавшийся вследствие утраты современным человеком ценностных ориентиров. И ответ на него не может дать экономика. Выход из сложившейся ситуации будет найден лишь в том случае, если *важнейшим национальным проектом станет культура*. Разумеется, не в том аспекте, в каком ее понимают современные политики и управленцы, — не как сфера досуга, культурная индустрия и даже не как часть идеологии, а в широком универсальном ее значении — культура как исторически сложившаяся, подчиняющаяся объективным закономерностям, саморазвивающаяся и саморегулирующаяся система, вырабатывающая ценности, нормы и традиции, являющаяся хранителем духовного опыта нации, способом формирования национального самосознания.

В настоящее время многие страны приходят к пониманию решающей роли культуры как ресурса, обеспечивающего стабильность и жизнеспособность общества. Так, Американский центр искусства и культуры (Вашингтон) разрабатывает проект, ставящий целью включить проблемы культуры «в самую сердцевину демократического процесса» [1]. В Аргентине после жесточайшего кризиса 2001 года, явившегося следствием абсолютизации экономической гегемонистической модели, активно идет поиск новых форм культурной общности [2]. Осуществление национального проекта «Культура» жизненно необходимо для современной России.

Понимание объективных законов культуры позволяет выработать *стратегические*

приоритеты развития страны, которые должны заменить практику доминирующих ныне в политике сиюминутных тактических решений. Анализ современной социокультурной ситуации позволяет обозначить аспекты, необходимые для обоснованности и результативности важнейших политических актов. Последние бесплодны, если они не учитывают, с одной стороны, общемировые культурные тенденции, а с другой — духовные константы национального культурного сознания. Какие же «вызовы» предлагает политикам история?

Эпоха «рубежа» веков и тысячелетий обозначила приметы беспрецедентного по масштабу и глубине культурного кризиса, смысл которого заключается в отмирании одной формы культуры и замене ее другой. Еще в середине XX века выдающийся социолог и культуролог П. Сорокин пророчески сказал о приближающемся конце гуманистической культуры Нового времени, берущей свое начало в эпохе Возрождения. Дав человечеству величайшие научные открытия, высочайшие достижения философской и художественной мысли, она исчерпала свой творческий потенциал, переродившись в цивилизацию с ее культом технического прогресса и материальных благ, торжеством человека массы, космополитизмом и т.д. «Мы живем в один из поворотных моментов в истории человечества, когда одна форма культуры (чувственная) исчезает, а другая форма лишь появляется» [3], — писал он в своей работе «Кризис нашего времени» (1941). Симптоматические тенденции XX века: деградацию общественных институтов, исчерпанность и несостоятельность прежних великих истин (политических и социальных идеологий), когда-то воодушевлявших великим энтузиазмом и объединявших миллионы, — в сфере идеологии; релятивизацию и конвенционализм этических ценностей и правовых норм — в области этики; деградацию искусства вследствие утраты им прежней провиденциальной роли и превращение его в предмет купли-продажи и гедонистического удовольствия; наконец, резкую поляризацию общества, находящую выражение в кровавых столкновениях, взрыве войн и революций — ученый рассматривал как внешние признаки переходного состояния культуры. Концепция П. Сорокина, бази-

рующаяся на циклической модели культурного развития, диалогически перекликающаяся с идеей О. Шпенглера о закате европейской культуры, получила развитие в трудах видных ученых XX века, в том числе и современных российских культурологов. Она подтверждает необходимость онтологического объяснения причин кризисных явлений современного российского общества, невозможность ограничить их исключительно экономической сферой и побуждает искать более серьезные выходы из него, чем предлагаемые ныне «экономистические» решения.

В начале нового тысячелетия ситуация перехода, смены культурных парадигм обозначилась особенно отчетливо. Традиционные исторические формы культуры уступают место культуре информационного общества, характеризующейся обвальным увеличением количества информации и ее планетарным распространением с помощью новых форм коммуникации, постепенной заменой сферы материального производства сферой услуг, ведущее место в которой занимает распространение знаний с помощью информационных технологий, необычайным повышением роли научного знания как концентрированной формы информации. В этих условиях ориентация общества на увеличение объема валового материального продукта, количественное расширение добычи нефти, газа и других природных запасов означает воспроизведение приоритетов индустриального общества — модели первой половины прошлого века, а следовательно, неизбежное обречение нашей страны на отставание. В современных условиях необходимо выдвигание на первый план роли науки — не только прикладной, но фундаментальной, генерирующей долгосрочные идеи, — и образования как системы всеобщего и доступного для различных возрастов и категорий граждан приобщения к новому знанию. Известно, что загадка знаменитого скачка, совершенного в XX веке «азиатскими тиграми»: Японией, Южной Кореей, Китаем, — объясняется именно тем, что эти страны приоритетами своего развития сделали науку и образование.

Очевидно, что сегодня можно говорить не только об отдельных признаках информационного общества, но о принципиально новой модели социокультурного развития с иной картиной мира, концепцией личности и системой ценностей. В условиях существования глобальных информационных сетей, транснациональных мультимедийных систем

в мире возникает «новая география»: стираются традиционные географические границы, возрастает возможность взаимобмена культурными формами, появляется тип «человека мира». Другой причиной изменения представления о мире становится возникновение категории виртуальной реальности, соблазняющей возможностью невиданного перемещения в пространстве и времени и предоставлением новой формы свободы и личностной самоидентификации. Небывалая власть виртуального мира, в который погружается индивидум, порождает новые потребности и гедонистические ориентации, формируя систему ценностей, где главными приоритетами становятся чувственность и телесность.

Тотальное распространение визуальной культуры, мощное воздействие СМИ, TV, www-систем изменяет и психофизическую природу человека. Ныне он обладает разорванным «клиповым» сознанием. Привыкая получать информацию энергетическими пучками, «квантами», постепенно утрачивает свойственное рационалистической «чувственной» (П. Сорокин) культуре формально-логическое мышление. В начале нового тысячелетия складывается человеческий тип, принципиально отличающийся от представителя XX века. Отсюда обозначившийся резкий разрыв между поколениями, глубина и сложность которого определяется не возрастными различиями, а принадлежностью к разным культурным сознаниям. Американский культуролог Маргарет Мид назвала сегодняшнюю переходную эпоху «префигуративной культурой», когда дети перестали учиться у отцов, так как «у молодых людей возникла общность опыта, которого никогда не было и не будет у старших». Вследствие этого молодежь с ее «схватыванием еще не известного будущего» «наделяется новыми правами» [4]. Невозможность повторения в жизни молодого поколения опыта старших делает разрыв между поколениями глобальным и всеобщим. Поэтому при разработке экономических и социальных программ в целях стабилизации нашего общества необходимо учитывать наличие разных культурных ориентиров составляющих его групп. Необычайную значимость в данной ситуации приобретает молодежная политика, которая не может ориентироваться на устоявшиеся стереотипы.

Еще один круг проблем связан с тем, что человечество рубежа тысячелетий существует в культуре постмодернизма с характерным для нее разрушением иерархии ценностей,

стиранием граней между высоким и низким, плюралистичностью, панигровой эстетикой, превращением традиционных тем и идей в цитаты и симулякры.

В новой исторической ситуации Россия не могла остаться вне объективно существующих общемировых тенденций. Присутствие в контексте постмодернизма, безусловно, повлияло на ход происходящих в стране в последние десятилетия событий, усугубив ситуацию слома ее собственной культурной парадигмы. Логика постмодернистской деконструкции сказалась в последовательном развенчании социальных идеалов, в ироническом обыгрывании и «травестировании» событий и персонажей национальной истории, бывших ранее опорой и ориентиром массового сознания.

Практика постмодернизма нашла выражение — на уровне правящих верхов — в своего рода «социальных симулякрах», виртуальных проектах и виртуальных обещаниях, не имеющих реального содержания, легко нарушаемых неотягощенными ответственностью за их выдачу деятелями. На уровне новых собственников — в прокламации и демонстративном осуществлении принципа «свободы», понятой как полное освобождение «экономически ориентированного» индивида от всех социальных и моральных обязательств. На уровне массового человека — особенно в молодежной среде — в инфантилизме, бунте против долга и нормы, в социальном эскапизме — бегстве от реальности (от социальных связей, семьи, рождения и воспитания детей, армии) в сконструированные виртуальные миры и текстовые системы [5].

Подобные тенденции, однако, противоречат самой сути культуры, которая, представляя собой систему норм и идеалов, выполняя регулятивную и социализирующую функции, неизбежно ограничивает свободу отдельной личности, являясь тем самым «базовым компонентом, обеспечивающим жизнеспособность общества» (Т. Е. Савицкая) [6]. Поэтому в противовес всякого рода демагогическим рассуждениям о «свободе личности» нужно помнить о «культурных запретах», ничего общего не имеющих с запретами идеологического и политического характера, и не бояться опираться на них в оценке тех или иных современных явлений.

Сложность и даже трагичность ситуации перехода, на русской почве перерастающей в экзистенциальный конфликт, определяется не только тем, что страна находится в состоянии раздвоения, когда, как пишет Н. А. Хренов,

процесс распада традиционной цивилизации хотя и зашел далеко, «но ценности либерального типа еще не успели восторжествовать» [7]. Проблема в том, что самое русское культурное сознание интуитивно сопротивляется им, не в состоянии принять их как ценности. Это во многом обусловлено особенностями историко-культурного развития России, игнорировать которые невозможно. С момента своего формирования русская культура — через Византию — стала наследницей греческой ветви античности, для которой важнейшее значение имело понятие не «закона», а «благодати» — то есть истины и смысла жизни. Принятое Русью православие внесло в нее дух высокого идеализма, убежденность, что приоритетной ценностью являются не права человека, зависящие от внешних причин, а его обязанности, обеспечиваемые самой личностью; тяготение на устроение не столько «этого мира», сколько спасение в будущем, в соответствии с чем земные блага: богатство, слава, успех, индивидуальная свобода не занимали главного места в ценностной системе.

Эти корневые особенности национального сознания приводили к тому, что потребность русских людей соотносить себя со всем миром, войти в западную цивилизацию и ассимилировать ее ценности всегда наталкивалась на некие барьеры. Существуют они и в сегодняшнем стремительно глобализирующемся мире. Тем, кто настойчиво пытается копировать образцы западных отношений и прокламировать, что для России нет альтернативы развития, нелишне вспомнить известные слова нашего национального гения — А. С. Пушкина, сказанные им в отзыве на «Историю русского народа» Н. Полевого: «Поймите же и то, что Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европой; что история ее требует другой мысли, другой формулы. Не говорите: *иначе нельзя было бы быть*. Коли было бы это правда, то историк был бы астроном, и события жизни человечества были бы предсказаны в календарях, как и затмения солнечные. Но провидение не алгебра» [8].

Русское культурное сознание с его традиционной установкой на справедливость и идеалы не принимает путь бесконечного удовлетворения исключительно материалистических стремлений и желаний. Русский человек не может довольствоваться в качестве целей своей жизни, в частности, своего трудового поведения решением чисто прагматических задач. И если когда-то увлеченный коллективными

иллюзиями, он с готовностью отзывался на героические призывы, то «уплата долга» Всемирному банку или повышение ВВП не способны воодушевить его на трудовые свершения. В равной степени не работают на русской почве и постулаты протестантской этики, во многом определившие благополучие западных стран.

Утратив цель и смысл бытия, русский человек не в состоянии ни обустроить окружающий мир, ни даже отвести от себя угрозу биологического исчезновения. (Вряд ли перспектива денежной компенсации будет настолько привлекательна для современного молодого человека, убежденного с помощью современных СМИ, что цель жизни — получение телесно-чувственных сиюминутных удовольствий, что он будет готов ограничить личную «свободу» ради долга, обязанностей и ответственности за судьбу нового человека. Для этого нужны иные мотивировки: пусть не сформулированные, но интуитивно осознаваемые чувство исторической перспективы, ощущение себя звеном в цепи бытия, неслучайности и осмысленности собственного существования — то есть те вопросы, на которые во все времена давала ответы культура).

Сегодня как никогда актуально звучат слова А. Тойнби: «Раскол в человеческой душе — это эпицентр раскола, который проясляется в общественной жизни. Поэтому, если мы хотим иметь более детальное представление о глубинной реальности, следует остановиться подробнее на расколе в человеческой душе» [9]. В современной России обозначилось противопоставление традиционной системы ценностей, укорененных в сознании большинства населения и западных либеральных новаций, исповедуемых так называемой «политической элитой» и настойчиво внедряемых СМИ, конструирующими, по сути, некую «виртуальную реальность», далекую от реальности подлинной. Данный конфликт, смысл которого не столько экономический, сколько общекультурный, чреват расколом общества.

Русская история уже имела пример подобной инверсии ценностной системы. В XVIII веке петровские реформы были не только сломом государственно-политической структуры патриархальной Руси, но сменой культурного типа. Они обозначили переход от культурной системы Средневековья к культуре Нового времени, резкий перерыв теократической традиции и всестороннюю установку на западный тип сознания. Результатом его стал культурный

конфликт между тонким слоем «петровцев гнезда Петрова» и традиционным народным сознанием, расслоение ранее единого «русского мира», разрыв между «русскими европейцами» и народной массой. Он заложил бомбу, через два столетия взорвавшуюся революцией 1917 года. Об этом размышляли в начале XX века представители русской философской, общественной (Н. Бердяев, Г. Федотов, А. Потресов и др.) и художественной мысли (достаточно вспомнить роман А. Белого «Петербург», пронизанный ощущением неизбежности революции как результата деятельности Петра). Уроки петровской эпохи, получившей неожиданную сопряженность с сегодняшним днем, заставляют обращаться к ней современных историков, литературоведов и культурологов. Весьма показателен в этом плане цикл статей историка А. Зубова «Размышления над причинами революции в России» [10], в которых рассматривается начавшийся с петровского времени процесс расхождения власти и народа как результат несовпадения их ценностных ориентиров, приведший к утрате авторитета власти и закончившийся трагедией революции и гражданской войны.

В современном мире развитие историко-культурных процессов значительно ускорилось, поэтому политикам необходимо всерьез задуматься над тем, чтобы страшный опыт, через который прошла Россия в XX веке, не повторился.

Сегодняшний разрыв между различными слоями российского социума усугублен тем, что «верхи» перестали быть носителями национального культурного сознания и утратили в глазах общества положение культурного лидера. Вследствие этого, как точно отметил А. С. Панарин, «приватизаторы», отвергшие социальную и моральную цензуру культуры, лишились культурного алиби» [11]. Они оказались отвергнуты обществом. Это отразила народная смеховая стихия — своеобразный феномен национальной культуры, воплощающий альтернативное коллективистское мнение. В частности, анекдоты, в которых «новые русские» сменили основных персонажей прежней исторической эпохи [12]. Здесь заключен и ответ на постоянно повторяющийся вопрос: «почему в России не любят богатых».

Резкий разрыв в ценностях не только несет угрозу стабильности общества, но и делает невозможным его поступательное развитие. Вынужденное существовать по инверсионному типу, функционируя по принципу маятника в смене одних ценностей другими, общество

в самом себе несет угрозу саморазрушения. История показывает, что попытка перенесения на русскую почву иных культурных форм дает результаты лишь тогда, когда чужой опыт оказывается преобразованным для выражения собственного содержания. И государственная политика, если исходить из ее определения, данного еще древними греками, как *искусства управления*, должна заключаться, в первую очередь, в том, чтобы при учете общемировых тенденций поддерживать те направления общественного развития, которые соответствуют особенностям национального культурного сознания, обеспечивают полноту существования для всех членов общества.

В настоящее же время налицо культурный конфликт между обществом и государством. Политика, превратившаяся в рупор идеологии нового капитала, перестала быть пространством социального сотрудничества и превратилась в пространство администрирования и применения социальных технологий, манипулирующих массовым сознанием. Необходима смена политических приоритетов, в которых культура, которую нынешнее правительство рассматривает как нечто бесполезное и экономически невыгодное, должна стать альтернативой экономической модели. Без опоры на систему доминирующих ценностей, сформулированных культурой, невозможно ни проведение реформ, ни решение острейших проблем, стоящих перед страной.

Понимание исторического и культурного предназначения России должно стать основой и для выработки стратегии внешней политики.

Информационная цивилизация с ее фантастическими темпами развития новейших технологий и форм коммуникации, распространением рыночной экономики, торжеством массовидного человека с унифицированным сознанием создала условия для процесса, который стал культурной доминантой нового века и получил название глобализации. Глобализация — объективный процесс, порожденный характером современной культуры, предоставившей человеку возможность ускоренного перемещения в пространстве и времени, обмена идеями, ценностями, моделями жизни. Однако стремительное движение человечества к мировому единству, изначально понимаемое как взаимодействие и взаимообогащение культур, в современном мире все более принимает характер «вестернизации», претензии наиболее могущественной на сегодняшний день державы на осуществление

контроля не только над природными ресурсами, экономическими и политическими аспектами жизни, но над культурными моделями развития. «Центральный сегодня конфликт разделяет общество на тех, кто является агентом и хозяином культурных моделей, и тех, кто принял в них зависимое участие», — провозглашает А. Турен. «Правящим классом становится тот, который управляет созданием культурных моделей и социальных норм; а управляемым — тот, кто участвует в истории подчиненным образом, соглашаясь на роль, предписанную ему правящим классом [13].

В данном контексте происходящее в России навязывание культурной самоидентификации по чужому образцу обрекает страну на подчиненную роль. Невозможность или нежелание найти собственный ответ на вызов истории неизбежно влечет утрату Россией своего места на международной арене. Между тем ее роль чрезвычайно важна.

Ответной реакцией на «культурный шок» глобализма стало стремление к национальной и культурной идентичности, отстаиванию ценностей традиционных культур. Многие политические и общественные деятели считают не унификацию, а именно повышенное внимание людей к своей национальной принадлежности, языку, религии и обычаям — главной культурной тенденцией современности. «Чем более глобальным становится наш мир, тем большую жизненную важность для людей приобретают поиски личной и коллективной идентичности. Влияние традиций на формирование современного общества не только не уменьшается, но даже возрастает», [14] — утверждают авторы международного сборника статей, вышедшего под редакцией С. П. Капицы.

Столкновения двух противоположных тенденций, с одной стороны, — интеграции и унификации, а с другой — дифференциации и самоидентификации, — обусловил главный конфликт нового тысячелетия, который американский социолог и публицист С. Хантингтон обозначил как «столкновение цивилизаций». Доведенный до своего крайнего выражения, он может поставить человечество на грань катастрофы. Выходом из него может стать только диалог культур, позволяющий выйти за пределы старой цивилизационной парадигмы замкнутости, сохранив при этом способность понимать и принимать ценности других по своему типу культур. Тема диалога становится все более актуальной, а самый

термин постепенно переходит из пространства научных изысканий в речи общественных деятелей и политиков.

В современном контексте диалога культур новое звучание получает тема исторической миссии России. Русская культура, справедливо получившая определения «бинарной», «дихотомичной», «пограничной», по самой сути своей диалогична, причем в самом широком и разнообразном значении этого понятия. В силу уникальности своего расположения в географическом и культурном пространстве, Россия всегда была «цивилизационным мостом» между Западом и Востоком и тем самым — вольно или невольно — выполняла роль объединителя противоположных частей единого целого, называемого «мировым сообществом».

Н. Бердяев, называя Россию Востоко-Западом, утверждал, что в ней «сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории» [15]. Действительно, все переломные моменты в истории страны (начиная от христианизации Руси до основных событий XX века: русско-японской войны, революции 1917 г., сегодняшних реформ) есть, по своей сути, диалог культур. Наконец, особенности русского сознания: «всемирная отзывчивость русской души», о которой говорил Ф. М. Достоевский, толерантность, готовность принять и осмыслить ценности иной по типу культуры — всегда делали ее открытой для диалога. Русская культура, пройдя долгий и трудный путь синтеза, приобрела опыт, который может быть бесценным в поиске

выхода из цивилизационного тупика. В ней заложены возможности альтернативного глобального проекта, обеспечивающего сообщество различных этносов и наций в едином социокультурном пространстве. В то же время русскому сознанию присущ изначальный «антиглобализм», свойственное любой «пограничной» культуре обостренное чувство «особенности», собственного исторического пути, усугубленное той миссией жертвенности, которую неоднократно выполняла Россия в многовековой истории, заслоняя западный мир и от татаро-монгольского нашествия, и от наполеоновской экспансии, и от фашистской чумы, и от практического воплощения коммунистической идеи. Это противоречивое единство определяет роль, которую суждено сыграть России в новом веке. Но для этого нужно четко осознать «кто мы». Именно этот вопрос становится сегодня вопросом первостепенной важности, отодвигая как вопросы вчерашнего дня традиционные русские: «кто виноват?» и «что делать?». Ответ на него и должен определить основные векторы государственной политики, как внешней, так и внутренней. Еще раз подчеркнем: именно *государственной политики*, так как в сложившейся экстремальной ситуации разрыва между различными системами ценностей только государство способно осуществить интеграцию различных социальных групп и предотвратить кризис идентичности. А в конечном итоге создать проект будущего, максимально полно выражающий цивилизационное и культурное предназначение России.

1. The politic of culture — Policy perspectives for individuals, institutions and communities. /Ed. Branford M., Gary M., Wal-lach C. New York; The New press. 2000.
2. Обсерватория культуры. 2004. № 3.
3. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1994. С.431.
4. Мид М. Культура и мир детства. // Антология культурологической мысли. М., 1996. С. 301.
5. См. об этом: Панарин А. С. Постмодернизм и глобализация: проект освобождения собственников от социальных и национальных обязательств. // Вопросы философии. 2003. № 6.
6. Савицкая Т. Е. «Новая локальность» в глобальном контексте. // Обсерватория культуры. 2005. № 4. С. 12.
7. Хренов Н. А. Культура в эпоху социального хаоса. М., 2002. С. 10.
8. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 17-ти т. М., 1937–1959. Т. 11. С. 126–127.
9. Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1991. С. 358.
10. Зубов А. Б. Размышления над причинами революции в России. Опыт восемнадцатого столетия. // Новый мир. 2004. №№ 7–8. Новый мир. 2005. №№ 7–8.
11. Вопросы философии. 2003. № 6. С. 36.
12. См. об этом: Разуваев В. Политический смех в современной России. М., 2002.
13. Турен А. Возвращение человека действующего. М., 1998. С. 19.
14. Преодолевая барьеры: Диалог между цивилизациями. /Под ред. С. П. Капицы. М., 2002. С. 49.
15. Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX и начала XX века. М., 1990. С. 44.

УРАЛ В АТОМНОМ ПРОЕКТЕ СССР

В. Н. НОВОСЕЛОВ

Открытие в 1938 году О.Ганом и Ф.Штрассманом деления ядер урана сделало возможным практическое использование энергии атома. В условиях начавшейся 1 сентября 1939 г. Второй мировой войны это могло произойти прежде всего в военных целях. С сентября 1939 г. к созданию «урановой машины» приступили 22 НИИ фашистской Германии. Узнав об этом, аналогичные исследования развернуло правительство Великобритании. С февраля 1940 г. началось финансирование уранового проекта в США.

В СССР инициатором Атомного проекта стал академик В. И. Вернадский. По его предложению 25 июня 1940 г. на заседании отделения геолого-географических наук АН СССР принимается решение разработать перечень мероприятий по использованию запасов урановых руд страны. После обращения в правительство академиков В. И. Вернадского, В. Г. Хлопина и А. Е. Ферсмана Совнарком дал указание Президиуму Академии наук возглавить организацию и координацию исследований по урановой проблеме. 30 июня 1940 г. Президиум Академии наук утвердил Урановую комиссию (председатель В. Г. Хлопин). Однако развернуть свою работу комиссия не успела из-за начавшейся Великой Отечественной войны. В то время, как в США и Великобритании на создание ядерного оружия выделялись огромные финансовые, материальные и людские ресурсы, в СССР эти работы прекратились совсем.

Атомным проектом занималась только разведка НКВД, ГРУ и Коминтерна. Еще в 1940 г. ее резиденты в США, Франции, Великобритании и Германии получили задание выявить научные центры, где велись исследования по урану. Через несколько месяцев в Москву поступили сведения о ядерных исследованиях в Германии и Великобритании. В начале 1942 г. разведка получила копию документа о газодиффузионном методе разделения изотопов урана и начавшемся строительстве для этих целей завода в Великобритании. 22 февраля 1942 г. в сумке убитого под Таганрогом немецкого офицера были обнаружены документы, говорившие, что тот занимался поиском урановых месторож-

дений. Эти и другие факты легли в основу записки Л. П. Берии на имя И. В. Сталина, где делался вывод о том, что Великобритания готова начать промышленное производство урановых бомб. В обращении к Сталину в мае 1942 г. ученый-физик Г. Н. Флеров обратил его внимание на абсолютную засекреченность исследований по Атомному проекту на Западе.

В результате анализа поступившей информации Сталин признал необходимость развертывания работ по Атомному проекту. 28 сентября 1942 г. ГКО принял решение о возобновлении работ по урановой проблеме. Подбор кадров и координация работ по добыче урановой руды поручались В. М. Молотову. На 9 управление НКВД возлагалось строительство научного центра и обеспечение всем необходимым, в том числе строгим режимом секретности. 27 ноября 1942 г. постановление ГКО «О добыче урана» обязало Наркомат цветных металлов организовать добычу и переработку урановых руд и получение урановых солей в количестве четырех тонн на Табашарском руднике в Таджикистане. Постановлением ГКО от 11 февраля 1943 г. обязанности повседневного руководства работами по урану возлагались на М. Г. Первухина и С. В. Кафтанова.

Научное руководство Атомным проектом возлагалось на И. В. Курчатова. Он был обязан провести к 1 июля 1943 г. необходимые исследования и представить ГКО к 5 июля 1943 г. доклад о возможности создания урановой бомбы или уранового топлива. 15 февраля принято решение о создании Лаборатории № 2 АН СССР под началом И. В. Курчатова в целях раскрытия путей овладения энергией деления ядер урана и исследования возможности военного применения энергии урана. В число научных сотрудников входили А. И. Алиханов, И. К. Кикоин, И. Я. Померанчук, С. Л. Соболев, Г. Н. Флеров, Б. В. Курчатов, В. П. Джелепов, И. С. Панасюк и др. Основной задачей ученых И. В. Курчатова считал проведение исследований, которые позволили бы осуществить цепную реакцию в ядерном реакторе на медленных нейтронах с наработкой

плутония-239 и получение изотопов урана-235, которые можно использовать в качестве взрывчатых веществ атомной бомбы. 1943 и 1944 гг. ушли на организацию и создание подразделений Лаборатории, подготовительные работы, формирование научного коллектива. Первые успехи ученых не могли скрыть значительного отставания СССР от западных стран в реализации Атомного проекта.

В мае 1945 г. И. В. Курчатов и М. Г. Первухин обратились с письмом к Сталину, в котором выразили крайнюю озабоченность таким положением дел. Однако только атомная бомбардировка США 6 и 9 августа японских городов Хиросимы и Нагасаки, воспринятая в Москве как открытый вызов, заставили правительство СССР пойти на энергичные меры. 20 августа 1945 года решением ГКО образован Специальный комитет во главе с Л. П. Берией, на который возлагалось руководство всеми работами по использованию внутриатомной энергии урана: развитие научно-исследовательских работ в этой области; широкое развертывание геологических разведок и создание сырьевой базы по добыче урана, а также использование его месторождений за пределами СССР (в Болгарии, Чехословакии и других странах); организация промышленности по переработке урана, производству специального оборудования и материалов, связанных с использованием внутриатомной энергии; а также строительство атомно-энергетических установок, разработка и производство атомной бомбы. В состав Спецкомитета вошли Г. М. Маленков, Н. А. Вознесенский, Б. Л. Ванников, А. П. Завенягин, И. В. Курчатов, П. Л. Капица, В. А. Махнев, М. Г. Первухин. Спецкомитет рассматривал проблемы Атомного проекта, требовавшие решения на государственном уровне. Он не принимал официальных документов. Их проекты направлялись Сталину и утверждались за его подписью как постановления Совета Министров СССР. Материалы к заседаниям Спецкомитета готовились в секциях и комиссиях Технического совета, образованного 20 августа 1945 г. Однако он не мог справиться с нарастающим потоком проблем.

В декабре 1945 г. при Спецкомитете образован Инженерно-технический совет и пять секций при нем. Руководителем Совета стал М. Г. Первухин. Секции возглавили В. А. Мальшев, Г. В. Алексеенко, А. Г. Касаткин, А. П. Завенягин, М. Г. Первухин. 9 ап-

реля 1946 г. оба совета объединены в единый Научно-технический совет уже не при Спецкомитете, а при Первом Главном Управлении при Совете Министров СССР. ПГУ образовано по решению ГКО от 20 августа 1945 г. Оно создавалось для непосредственного руководства научно-исследовательскими, проектными, конструкторскими организациями и промышленными предприятиями по использованию внутриатомной энергии урана и производству атомных бомб и подчинялось Спецкомитету. Начальником ПГУ стал Б. Л. Ванников, его заместителями и начальниками управлений М. Г. Первухин, Е. П. Славский, А. С. Александров, А. М. Петросьянц, В. С. Емельянов, П. Я. Антропов, С. Е. Егоров, М. М. Мексин, А. Н. Комаровский, А. М. Додин, А. Д. Зверев, П. Я. Мешик.

Пуск 25 декабря 1946 г. первого в Европе ядерного научно-исследовательского реактора — важнейшее достижение в реализации Атомного проекта и освоении технологии наработки плутония. Параллельно работам по получению плутония началась разработка конструкции ядерного оружия в Конструкторском бюро № 11 в Арзамасе-75 (ныне г. Саров Нижегородской области), начальник П. М. Зернов, главный конструктор Ю. Б. Харитон. Ядерная бомба разрабатывалась в двух вариантах — плутониевом и урановом. Разработкой самого заряда, баллистики и автоматики бомбы занимался коллектив конструкторов во главе с Н. Л. Духовым, направленном в КБ-11 с Кировского завода в Челябинске. Сложнейшую проблему получения металлического урана успешно решила лаборатория № 1 Государственного института редких металлов во главе с З. В. Ершовой. Его производство организовано на заводе № 12 в г. Электростали. Образованный 4 декабря 1944 г. НИИ-9 во главе с В. Б. Шевченко вел изучение месторождений урана, разрабатывал методы поиска и добычи урановых руд, технологии получения металлического урана, изготовления из него блоков для загрузки в реакторы. 27 ноября 1946 г. правительство приняло решение создать в НИИ-9 отдел «В», который вел разработку технологии получения металлического плутония и деталей из него и урана-235 для ядерной бомбы. Под руководством А. А. Бочвара, Б. А. Никитина, И. И. Черняева, А. Н. Вольского и А. С. Займовского в 1949 г. эту задачу удалось решить. Технологию радиохимического производства с 1944 г. разрабатывали сотрудники Ради-

вого института в Ленинграде под руководством В. Г. Хлопина: Б. А. Никитин, А. П. Ратнер, И. Е. Старик, Б. П. Никольский. С января 1945 г. НИИхиммаш (директор Н. А. Доллежал) вел разработку конструкции ядерного реактора. Изучение свойств и технологии получения плутония возглавил Институт общей и неорганической химии АН СССР.

Начиная работы по Атомному проекту, СССР не имел для этого сырьевой базы. С 1943 г. Комитетом по делам геологии при СНК СССР начали проводиться систематические геолого-разведочные работы по выявлению месторождений урана во всех регионах страны. В результате были открыты крупные месторождения урановой руды в Средней Азии, на Северном Кавказе и на Украине. Организация добычи и переработки урановой руды решением ГКО от 8 декабря 1944 г. возлагалась на НКВД. Постановлением ГКО от 15 мая 1945 г. на территории Средней Азии создан Горно-химический комбинат № 6 – первое предприятие по добыче урана (директор Б. Н. Чирков), а постановлением Совета Министров СССР от 27 июля 1946 г. с этой же целью решено образовать Комбинат № 7 в г. Силлямяэ Эстонской ССР. Однако они не могли обеспечить ураном Атомный проект в необходимом количестве. Поэтому параллельно с созданием отечественной уранодобывающей промышленности принимались меры по добыче урановой руды в странах Восточной Европы: ГДР, Чехословакии, Болгарии и Польше. На основе межгосударственных соглашений созданы крупные акционерные предприятия по добыче урана. Для работы на них в 1946–1949 гг. из регионов СССР туда были командированы тысячи специалистов. Из Челябинской области для этого направлено 70 руководителей и специалистов горнодобывающей и металлургической промышленности с семьями из Копейска, Коркино, Пласта, Карабаша, Уфаля, Магнитогорска и Челябинска. В середине 1950-х гг. проблема отечественного сырья для Атомного проекта была полностью решена.

Параллельно научным исследованиям и конструкторским разработкам проводилось проектирование и строительство предприятий для получения делящихся материалов. ПГУ не имело строительных организаций, поэтому сооружение предприятий атомной промышленности поручалось Главпромстрою НКВД. НКВД включилось в строительную часть Атомного проекта в январе 1943 г.

После образования Спецкомитета и ПГУ Главпромстрой перешел на строительство только объектов атомной промышленности, получив право использовать для этой цели любого заключенного ГУЛАГа. Строительство и освоение технологии производства плутония и урана были самыми трудными проблемами Атомного проекта. Комбинаты для получения делящихся материалов Спецкомитет решил разместить на Урале, за годы войны превратившемся в крупнейший центр оборонной промышленности. При выборе места для размещения жизненно важного и опасного производства известную роль сыграл геополитический фактор. Удаленные от западных и южных границ страны, уральские комбинаты не представляли опасности для Москвы и центральных областей страны в случае крупной аварии. В то же время они были удобны для управления и осуществления оперативной связи с Центром. Урал обладал колоссальными природными ресурсами, большими запасами пресной воды, крайне необходимой для промышленной технологии. В уральских горах и лесах можно спрятать все, что угодно, и осуществить тот уровень секретности, который требовал Сталин. За годы войны в Челябинске сформировался и показал высокие результаты работы в экстремальных условиях коллектив Челябинметаллургстроя. Авторитет Челябинской области был столь высок, что Спецкомитет 26 октября 1945 г. принял предложение А. П. Завенягина построить оба комбината по производству обогащенного урана и плутония на севере Челябинской области в районе гг. Кыштыма и Каслей. Эти площадки под строительство лично проверили и признали их полную пригодность начальник Челябинметаллургстроя Я. Д. Рапорт и профессор И. К. Кикоин. В то же время Спецкомитет потребовал от руководства ПГУ продолжить поиски других вариантов размещения комбинатов на базе законсервированных объектов. Это поручение было выполнено, и 1 декабря 1945 г. Совет Министров СССР постановил разместить завод № 813 по производству обогащенного урана в рабочем поселке Верх-Нейвинске Свердловской области, а завод № 817 по производству плутония на берегу озера Кызыл-Таш рядом с г. Кыштымом Челябинской области.

Для ведения строительства завода № 817 приказом начальника Челябинметаллургстроя от 10 ноября 1945 г. образован строительный район № 11, начальник Д. К. Семичаст-

ный. Главной его задачей являлось создание минимальных жилищно-бытовых условий для крупного отряда строителей. Первыми в тайгу отправились около 500 трудармейцев, в основном немцев Поволжья. Вслед за ними необходимые, как воздух, стройматериалы: 46 тыс. штук кирпича, 23 тонны извести, пиломатериалы, стекло, 4 тонны металла и 1 тонна гвоздей. По железной дороге пришли 5 автомашин ЗИС-5 и автобус. В условиях стремительно увеличивающегося потока грузов строительство дорог приобретало стратегическое значение. Первой в феврале 1946 г. началось сооружение железной дороги от станции Кыштым до стройплощадки. Для этого из Челябинска в полном составе перебросили коллектив стройрайона № 3 ЧМС, который в условиях сильнейших морозов и полного отсутствия механизмов возвел 15 км дороги точно в срок – в июле 1946 г. К осени построили 33 км лежневых дорог, а в 1947 году бетонную дорогу между городом и промплощадкой. Предприятия атомной промышленности возводились десятками тысяч человек. На начальной стадии строительства преобладали заключенные. Их силами отрывались котлованы, возводились фундаменты промышленных объектов и рабочие поселки для персонала комбинатов. Роль основного субподрядчика выполнял Главпромстрой НКВД-МВД, имевший по всей стране исправительно-трудовые лагеря. В начальный период значение их было настолько велико, что в официальное название стройплощадок входило название лагеря. Так, стройплощадка Комбината № 817 называлась «Исправительно-трудовой лагерь и строительство № 859». В состав коллективов Главпромстроя входили спецпереселенцы, заключенные, военно-строительные части, вольнонаемные и офицеры НКВД-МВД, занимавшие должности среднего и высшего командного состава.

По мере необходимости на стройплощадки командировались специализированные части и подразделения НКВД-МВД – пиротехники, дорожники и т.д. 27 октября 1946 г. был образован исправительно-трудовой лагерь строительства № 859 МВД. Новому ИТЛ присвоили условное наименование «ЛК п/я 2» и почтовый адрес: г. Кыштым, п/я 103. В специальном приказе начальника Главпромстроя о форсировании строительства новых лагучастков указывалось, что бараки для заключенных следует строить упрощенными, в один слой обшивки, без

утепления. В июле 1947 г. А. Н. Комаровский потребовал вообще отказаться от строительства бараков, чтобы не отвлекать рабочую силу и сэкономить стройматериалы для промышленных объектов.

В июле 1947 г. после приезда Л. П. Берии принимается решение о направлении под Кыштым 10 тыс. заключенных. Причем на стройки ПГУ, как правило, направлялись только осужденные по уголовным статьям, осужденные по статье 58 за антисоветскую деятельность к работе на стройках атомной промышленности не допускались, но и уголовники не пользовались доверием и дальше рытья котлованов и строительства рабочих поселков не допускались. Поэтому, если максимальное количество заключенных на строительстве объектов Атомного проекта доходило до 20 тыс. чел., то это не значит, что хотя бы половина из них работала на строительстве промобъектов. В строительстве ВНИИФТ и г. Снежинска заключенные вообще участия не принимали. С 1968 г. труд заключенных перестал использоваться на строительстве объектов г. Трехгорного. Военнопленные немцы на строительстве предприятий атомной промышленности не использовались. Амнистия 1953 г. дестабилизировала обстановку в лаготделениях на строительстве предприятий атомной промышленности Челябинской области. Прибывшие вместо заключенных 17 тыс. солдат военно-строительных частей из западных военных округов во многом состояли из вчерашних заключенных или антисоветски настроенных граждан. В результате возникли массовые беспорядки в Макаровском лаготделении на строительстве объектов п/я 101 в районе г. Карабаша. По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 10 января 1947 г. начался процесс освобождения заключенных, осужденных за незначительные преступления. Согласно постановления Совета Министров СССР от 8 августа 1947 г. освобожденным из лагерей Главпромстроя первоначально вообще запрещалось покидать стройку и не выдавались справки об освобождении. Из них, так называемых «указников», формировались строительные отряды для работы на специально выделенных для них объектах. Только Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 марта снял с них судимость, и их уже нельзя было принудительно привлекать к работе на стройках Атомного проекта.

Наиболее крупную роль в строительстве промобъектов атомной промышленности

сыграли военные строители. Военно-строительные батальоны комплектовались из расформированных частей действующей армии, солдаты которых не выслужили положенный срок службы. Командный состав батальонов формировался из офицеров-фронтовиков. 2 января 1946 г. приказом начальника ЧМС сформирован штаб управления военно-строительными батальонами, который оперативно развернул работу военных строителей на полгода раньше заключенных. С 1954 г. военные строители практически вытеснили заключенных со строительства объектов Атомного проекта.

Непосредственное сооружение комбината № 817 началось с сооружения первого промышленного ядерного реактора, под который был выкопан котлован глубиной 56 м и в поперечнике 110 м. С весны 1947 г. началась укладка бетона в котлован реактора, темпы которой росли с каждым месяцем. Однако становилось очевидным, что выполнить срок пуска реактора к 7 ноября 1947 г. невозможно. Приехавший в июле 1947 г. на стройку Л. П. Берия снял с должности начальника стройки Я. Д. Рапопорта и назначил вместо него М. М. Царевского. С октября 1947 г. начался монтаж конструкций реактора. Руководство этой сложной работой было поручено П. К. Георгиевскому, который координировал работу десятков монтажных организаций, направивших тысячи своих специалистов со всех концов СССР. В конце февраля 1948 г. на монтаже реактора наступил наиболее ответственный момент. Началась укладка в корпус реактора почти 500 тонн сверхчистого графита. 5 апреля 1948 г. на площадку прибыл начальник ПГУ Б. Л. Ванников. На два месяца раньше с эшелонам оборудования и целым отрядом ученых приехал из Москвы И. В. Курчатов. Работы велись круглосуточно. В начале июня 1948 г. последняя группа строителей и монтажников покинула помещение ядерного реактора. 18 июня 1948 г. заработал первый в Евразии промышленный ядерный реактор.

31 декабря 1946 г. началось строительство радиохимического завода, технология которого была направлена на выделение из облученных урановых блочков наработанного на ядерном реакторе плутония. Вследствие особых требований к безопасности радиохимического производства повышенная изоляция помещений объекта 25 была особенно трудоемкой. В начале декабря 1948 г. строительство радиохимического завода

было закончено. Строительство химико-металлургического завода «В», завершавшего технологическую цепочку получением металлического плутония и боевого заряда из него, началось с опозданием. Площадку под его строительство государственная комиссия выбрала у железнодорожной станции Татыш, где в годы войны располагались склады Военно-Морского флота. Еще на стадии проектирования заводу была предопределена драматическая судьба. Опаснейшее для здоровья людей производство разместили в бараках и складах: строительство капитальных и малоопасных зданий надолго бы задержало получение плутониевой бомбы. Приказом ПГУ от 3 марта 1948 г. на базе трех одноэтажных зданий барачного типа был образован опытно-промышленный комплекс завода. «20 февраля 1949 г. объекты химико-металлургического завода государственная комиссия приняла в эксплуатацию.

Освоение технологии построенного комбината № 817 представляло собой сложнейшую техническую задачу. Промышленный реактор не имел апробированной технологии. Экспериментальный реактор в Москве работал в импульсном режиме и не мог дать надежных данных для оптимальных режимов постоянной эксплуатации ядерного реактора в условиях постоянной угрозы под воздействием огромного потока воды, охлаждающей активную зону реактора, разгерметизировать урановые блочки и вызвать вследствие этого аварийную ситуацию. К моменту пуска ядерного реактора в июне 1948 г. коллектив плутониевого прошел интенсивный путь развития. Постановлением Совета министров СССР от 9 апреля 1946 г. его директором назначен П. Т. Быстров. Он руководил предприятием в самый сложный начальный период, когда пришлось начинать с нуля. Первоначальной базой предприятия определили законсервированный завод № 622 Наркомата боеприпасов в г. Миассе. Пока строители создавали инфраструктуру, расселяли на берегах Кызыл-Таша солдат и заключенных, первый директор с постановлением правительства в руках приехал в Челябинский обком ВКП (б) и добился откомандирования на Базу 10 первой сотни специалистов с предприятий Южного Урала. Все они, после проверки НКВД, уехали в Москву и Ленинград проходить стажировку в лабораториях НИИ и на первом реакторе. Рост коллектива и сложности задач, встававших перед ним, требовали руководителя более крупного масшта-

ба. 10 июля 1947 г. директором завода стал заместитель начальника ПГУ Е. П. Славский. Однако проработал он в этой должности недолго. Уже 27 ноября того же года его сменил Б. Г. Музруков, в годы войны возглавлявший огромный коллектив Уралмаша. Его опыт сыграл большую роль в начальный период работы завода, когда аварии следовали одна за другой. Несмотря на все усилия их первопричину устранить не удалось, поэтому первые килограммы плутония нарабатывались в экстремальных условиях, мощность реактора составляла всего 100 г в сутки. Как только было накоплено необходимое количество плутония, реактор остановили на длительный капитальный ремонт. При этом персонал сильно переоблучился.

Работа первого реактора носила экспериментальный характер и поэтому была рассчитана всего на три года. Вследствие этого Совет Министров 13 июля 1948 г. принял решение о строительстве второго, более крупного по мощности реактора АВ-1. Его сооружение проходило еще более быстрыми темпами, чем предыдущего. Ненадолго их замедлил лишь пожар, который произошел летом 1949 г., полностью уничтоживший конструкции и опалубку для бетонирования корпуса реактора. Второй ядерный реактор заработал на полную мощность 15 мая 1950 г. Одновременно началось строительство третьего реактора АВ-2, закончившееся через год, 30 марта 1951 г. Первые месяцы работы реакторов потребовали напряженной работы ученых и эксплуатационников. Начальники смен и инженеры управления на этих реакторах прошли хорошую школу, приобрели уникальный опыт. В последующие годы на первом реакторе А начальниками были Н. Н. Архипов, Ф. Я. Овчинников, М. П. Никифоров; АВ-1 — Н. А. Семенов, Н. Д. Степанов, Н. А. Николаев; АВ-2 — Н. И. Козлов, И. С. Малыгин, В. И. Садовников, В. В. Малков. Многие из них впоследствии возглавили работу крупных предприятий, стали руководителями атомной промышленности. С 1 января 1954 г. реакторы АВ-1 и АВ-2 объединили в единый завод № 24, директорами которого стали Н. Н. Архипов, а с 1963 г. — Л. В. Кириллов. Особое внимание руководства отраслью было приковано к первому реактору на тяжелой воде — сложному и опасному производству. Его разработка и строительство проходили под контролем Научно-технического совета ПГУ и научного руководителя академика А. И. Али-

ханова, который с конца 1950 г. постоянно находился на объекте. 17 ноября 1951 г. первый тяжеловодный реактор заработал. Его начальником стал А. А. Тарасов, а затем Д. С. Юрченко, Г. С. Цветков, С. А. Аникин. 27 декабря 1955 г. введен в эксплуатацию еще один тяжеловодный реактор. После этого администрацию двух реакторов объединили в завод № 37. 22 декабря 1951 г. пущен в эксплуатацию первый в стране исследовательский реактор для получения специальных изотопов — АИ. На этом реакторе кроме изотопов получали тритий для термоядерного оружия, а впоследствии испытывались оригинальные сборки для тепловыделяющих элементов и конструкционные материалы для АЭС. Первым директором АИ назначен 14 марта 1950 г. Ф. Е. Логиновский. 15 сентября 1952 г. вошел в строй самый мощный уран-графитовый реактор АВ-3, его первым начальником стал В. П. Муравьев. С 1 июля 1954 г. реакторы А, АИ и АВ-3 объединены в завод № 156, директорами его становились Ф. Я. Овчинников, Б. В. Брохович, А. Е. Спирин, А. Н. Макаров.

Второй стадией производства плутония являлось выделение его из облученного в реакторе урана на радиохимическом заводе «Б». Перед его пуском к концу 1948 г. штаты завода были полностью укомплектованы опытными специалистами, приехавшими из крупнейших химических центров страны. Первым его директором стал П. И. Точеный, главным инженером — бывший зав. химической лабораторией Челябинского электролитно-цинкового завода Б. В. Громов, с декабря 1949 г. — директор этого завода. При пуске завода наибольший вклад в отработку технологии внесли начальники отделений Н. С. Чугреев, Ю. Н. Лаврентьев, А. Ф. Пашенко, главный приборист С. Б. Цфасман, начальник аналитической лаборатории М. И. Ермолаев. Научной бригадой при пуске руководил член-корр. АН СССР Б. А. Никитин, его замом был член-корр. А. П. Виноградов, ближайшим помощником — профессор А. П. Ратнер. 22 декабря 1948 г. на радиохимический завод поступила продукция с ядерного реактора. Освоение технологии радиохимического производства шло с огромным трудом и сопровождалось запредельным переоблучением персонала. Процессы, отработанные в лабораторных условиях, в промышленных масштабах вели себя по-иному, вопреки ожиданиям ученых и производственников. Очень мешала рабо-

те жесткая система секретности, исключавшая обмен информацией между персоналом о различных этапах технологии получения плутония. Полученный с огромным трудом плутоний все еще не обладал качествами ядерной взрывчатки. Для этого плутоний на химико-металлургическом заводе «В» нужно было довести до спектрально чистого состояния, превратить в металл и придать ему необходимую форму. Особенную трудность освоения технологии работы с плутонием составляла сверхнеустойчивость физических характеристик металла, его повышенная реактивность во взаимодействии с другими материалами. Поэтому процесс создания металлургии плутония был особенно драматичен даже на фоне радиохимического процесса. В этих условиях особую важную роль играла максимальная точность предварительных научных исследований коллектива НИИ-9 во главе с академиками А. А. Бочваром и И. И. Черняевым, на несколько месяцев поселившихся прямо на территории завода. Первый продукт радиохимического завода — концентрат плутония, предварительно очищенный от основной массы урана и продуктов деления, поступил на завод «В» 26 февраля 1949 г. в 12 часов ночи. Его принимали директор завода, начальник цеха Я. А. Филиппов и начальник химического отделения цеха И. П. Мартынов. Из-за чрезвычайной сложности проблем металлургии плутония на заводе «В» работало несколько бригад ученых, каждая из которых отвечала за свою часть технологии. Среди них А. С. Займовский, Ю. Б. Харитон, В. Н. Никольский, Л. И. Русинов, А. Д. Гельман и другие. Ведущие цеха, лаборатории и отделения были укомплектованы учеными из многих НИИ. Начальниками цехов приказом директора комбината № 817 от 20 июня назначены: В. С. Зуев, Д. И. Баринов, Н. И. Грошев, В. И. Малышев.

В первой половине 1949 г. на комбинате № 817 радиохимиками было получено достаточное количество плутония, и на заводе «В» отработана технология изготовления плутониевого заряда для ядерной бомбы. В начале августа 1949 г. коллектив комбината вместе с сотрудниками многих НИИ выполнил задание по изготовлению полусфер из плутония. Технический паспорт на плутониевый заряд, подписанный главным инженером комбината № 817 Е. П. Славским и начальником цеха В. С. Зуевым 5 августа 1949 г., утвержден ди-

ректором комбината Б. Г. Музруковым, а 8 августа 1949 г. детали из плутония специальным поездом были направлены в КБ-11 для окончательной сборки первой ядерной бомбы. К тому времени в Арзамасе-75 конструкция бомбы была многократно испытана. В создании ее важнейшей части — механизма инициирования подрыва ядерной бомбы — приняли активное участие сотрудники ОКБ-700 Челябинского тракторного завода.

В ночь с 10 на 11 августа 1949 г. в КБ-11 проведена контрольная сборка изделия с плутонием, которая подтвердила его соответствие техническим требованиям и пригодность для полигонного испытания. 21 августа эшелон с деталями плутониевого заряда прибыл на Симипалатинский полигон. Тем же поездом прибыла группа ведущих ученых КБ-11. К 26 августа на полигоне собрались все участники испытаний и члены Государственной комиссии во главе с М. Г. Первухиным и Л. П. Берия. В 7.00 29 августа 1949 г. проведено успешное испытание первого отечественного ядерного оружия РДС-1. Первые серийные образцы РДС-1 были изготовлены на опытных заводах КБ-11 в 1950 г. На вооружение армии они не поступали, хранились в разобранном виде в спецхранилищах КБ-11.

За создание ядерной бомбы Указом Президиума Верховного Совета СССР были удостоены звания Героя Социалистического Труда следующие руководители Атомного проекта, работавшие в Челябинске-40: А. А. Бочвар, Б. Л. Ванников, А. П. Виноградов, П. К. Георгиевский, Б. В. Громов, Н. А. Доллежал, Н. Л. Духов, А. П. Завенягин, А. Н. Комаровский, И. В. Курчатov, Б. Г. Музруков, М. Е. Первухин, Е. П. Славский, В. А. Сапрыкин, М. М. Царевский.

Составной частью Атомного проекта явилось создание урановой атомной бомбы. Начавшееся одновременно с работами по плутониевой бомбе, встретилось с непредсказуемым количеством длительное время неразрешимых проблем и ошибок в разработке и реализации технологии получения обогащенного урана. Техническая и технологическая неготовность промышленности СССР к созданию сверхсовременных на то время технологий привело к отставанию темпов развития производства обогащенного урана методом газовой диффузии на комбинате № 813 в Свердловске-44 (Новоуральск). Его продукция дообогащалась до

необходимого уровня на комбинате № 418 в Свердловске-45 (г. Лесной), что позволило в октябре 1951 г. провести успешное испытание урановой бомбы. Атомный проект, тем самым, был полностью реализован.

Осуществление Атомного проекта в СССР показало способность руководства атомной промышленности максимально эффективно использовать ограниченные ресурсы послевоенной экономики советского государства. Это позволило создать ядерное оружие в СССР за тот же срок, что и в США. При этом не следует переоценивать значение информации по Атомному проекту, предоставленной советским ученым внешней разведкой СССР. Различного рода чертежи, научные отчеты, схемы могли остаться на бу-

маге, если бы не общий высокий уровень советской науки, огромные мобилизационные возможности государства, ясное понимание всеми участниками Атомного проекта жизненной необходимости как можно быстрее покончить с монополией США на ядерное оружие. Именно эти факторы, а не страх перед репрессиями позволил успешно и в исторически кратчайшие сроки решить огромное количество организационных, кадровых, научных, производственных и социально-экономических проблем. Успешное развертывание в 1950-е гг. на территории Челябинской области новых центров атомной промышленности в г. Трехгорном и в г. Снежинске — успешное тому доказательство.

ОДИН ИЗ СОЗДАТЕЛЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ РАДИОЭКОЛОГИИ — ИЛЬИН ДМИТРИЙ ИЛЬИЧ (1900–1958)

О. Ю. ЖАРКОВ

Процесс получения оружейного плутония сложен и состоит из этапов, каждый из которых требует отдельной технологической цепочки. Радиохимическая технология выделения плутония из облученных в атомном реакторе урановых блочков была такова, что на каждом ее этапе образовывалось большое количество жидких радиоактивных отходов (ЖРО). Наличие ЖРО не было неожиданностью и с самого начала предусматривалось при разработке как технологии, так и проектировании предприятия.

С декабря 1948 г. жидкие отходы завода с высоким уровнем радиоактивности стали помещать в смонтированные на его территории специальные емкости, изолированные от окружающей среды, т. н. «банки». Объемы ЖРО со средним и низким уровнем радиоактивности были настолько велики, что предусмотреть для них закрытых хранилищ не представлялось возможным. В соответствии с проектом, эти отходы с декабря 1948 года начали сбрасываться в реку Теча и другие естественные и искусственно созданные водохранилища, находящиеся на территории промплощадки и вблизи комбината № 817. Таким образом, радиохимический завод комбината № 817 стал основным источником радиоактивного загрязнения окружающей среды на Южном Урале на первом этапе своей работы [1]. Однако это были вынужденные меры. Нарботка плутония проводилась спешно, в исключительно неблагоприятных условиях послевоенного времени. Комбинату приходилось одновременно строиться и тут же разворачивать производство. Основное внимание ученых и технического персонала уделялось отработке технологии, наращиванию производственных мощностей. Проблема локализации радиоактивных отходов в такой обстановке была делом второстепенным.

Тем не менее, 20 мая 1949 г. начальник ПГУ при СМ СССР Б. Л. Ванников направляет директору комбината № 817 Б. Г. Музрукову и научному руководителю комбината И. В. Курчатову письмо, в котором просит направить компетентного специалиста для взятия проб и проведения анализа из реки Теча, а заключение выслать на его имя. Такое решение было связано с обращением

к Ванникову работников Южно-Уральской железной дороги. По их данным, вода из реки Теча якобы оказывала отрицательное влияние на котлы паровозов [2]. 5 июля 1949 г. Б. Г. Музруков направил Б. Л. Ванникову письмо, к которому приложил результаты анализа воды из р. Теча. В письме указывалось: «...по результатам анализа следует считать воду в р. Теча весьма загрязненной сбросными водами с объектов» [3].

К 1951 году обстановка с ЖРО на предприятии и экологией вокруг предприятия становилась угрожающей. С декабря 1948 г. по октябрь 1951 г. все жидкие радиоактивные отходы радиохимического завода в основном сбрасывались в р. Теча и частично направлялись в озеро Старое болото и в Хроматные ямы. «Банки» с высокоактивными отходами на заводе быстро заполнились. Расширение хранилищ не могло быть бесконечным.

В складывающейся ситуации руководители Первого главного управления при СМ СССР и комбината № 817 начинают предпринимать первые шаги в решении нарастающих экологических проблем.

В сентябре-октябре 1951 г. на комбинате работает комиссия под председательством члена НТС ПГУ, будущего академика А. П. Александрова, в состав которой, наряду с известными учеными, входит ст. научный сотрудник Центральной заводской лаборатории комбината (ЦЗЛ) Дмитрий Ильич Ильин. Ильину поручается составить отчет комиссии о загрязненности территории, прилегающей к комбинату. По существу, это один из первых научных отчетов об обследовании территории промплощадки и поймы реки Теча на загрязнение радиоактивными веществами и выяснении его источников. В результате работы комиссии были разработаны мероприятия по снижению загрязненности и восстановлению санитарного состояния загрязненных участков, а также мероприятия по снижению вредного действия загрязнений на население, проживающего вдоль реки Теча и пользующегося ее водой в хозяйственно-бытовых целях. Следует отметить, что по берегам реки Теча в то время было расположено 37 населенных пунктов, в которых проживало 25 тыс. человек [4].

Важным решением комиссии А.П. Александрова явилась выдача рекомендации комбинату о создании специальной службы внешней дозиметрии, которой следовало поручить весь контроль загрязненности водоемов [5]. Так начала создаваться отечественная радиоэкология, у истоков которой стоял первый руководитель группы внешней дозиметрии ЦЗЛ Дмитрий Ильич Ильин.

Д. И. Ильин родился 21 февраля 1900 года в семье батрака Ильина Ильи Дмитриевича, на хуторе Кубатовка Суджанского района Курской области. В 1918 г. окончил учительскую семинарию, в 1921 г. — трехгодичные педагогические курсы. С 1921 по 1926 гг. работал народным учителем в школе 1-й ступени г. Суджа. В 1926 г. Ильин поступил в Воронежский государственный университет, а в 1934 г. закончил аспирантуру этого университета, защитив кандидатскую диссертацию на кафедре физики. С 1934-ого по 1938 гг. кандидат физико-математических наук Д. И. Ильин работал директором Воронежской геофизической обсерватории.

В 1938 г. он переходит на работу в качестве доцента Воронежского инженерно-строительного института. Но началась Великая Отечественная война, и молодой ученый эвакуируется вместе с институтом в Ташкент. Там Ильин продолжает работу в качестве доцента Воронежского авиационного института до октября 1945 года. Во время войны Дмитрий Ильич потерял сына Карла, который погиб на фронте. Осенью 1945 г. Ильин прибывает в Ленинград и работает там до мая 1949 г. в качестве доцента Ленинградского института авиационного приборостроения. 14 мая 1949 г. Ленинградским обкомом ВКП(б) ученый направляется в распоряжение Первого Главного управления при СМ СССР, а затем на комбинат № 817 в г. Челябинск-40.

С 15 мая 1949 г. трудовая и научная деятельность Д.И. Ильина неразрывно связана с комбинатом. Несмотря на солидный стаж научной работы, Ильин начинает в должности старшего научного сотрудника ЦЗЛ и быстро становится ведущим специалистом в области дозиметрических измерений. А начинать дозиметрические исследования приходилось с нуля. Во многом по причине жесточайшей секретности первые данные о количестве радиоактивности, сброшенной комбинатом в 1949–1951 гг., не сохранились. Д. И. Ильин постоянно напоминал руководству предприятия, что специалисты комбината не располагают данными — сколько радионуклидов сбрасывается в реку за сутки. Он одним из первых понял, что обезвреживание радиоактивных отходов в недалеком будущем

станет не только межотраслевой, но и мировой проблемой. [6]

Особое внимание его как специалиста и ученого привлекают экологические проблемы промплощадки и прилегающих к комбинату территорий. С мая 1951 г. по 25 июля 1951 г. Ильин и его группа проводят первые измерения, после проведенного анализа полученных данных издают отчет, в котором обозначают основные источники загрязнения территорий — это радиоактивные аэрозоли и газы, выбрасываемые из труб заводов комбината, а также радиоактивные жидкие сбросы радиохимического завода в Старое болото и реку Теча [7]. Сведения из отчетов Ильина стали основой в работе на комбинате комиссии под председательством А.П. Александрова осенью 1951 г. В соответствии с решением комиссии, при ЦЗЛ во второй половине ноября 1951 г. организуется группа внешней дозиметрии во главе с Д. И. Ильиным. На нее возлагается систематический контроль состояния загрязненности радиоактивными продуктами территории, примыкающей к комбинату и р. Теча на всем ее протяжении. Теперь о состоянии загрязненности Кокшаровского и Метлинского прудов-отстойников Ильин обязан ежедневно сообщать главному инженеру комбината, а в случае аварийного положения — появление активности в артезианских скважинах и колодцах, превышении нормальной активности на сбросах из прудов — подавать особый рапорт директору комбината [8].

В марте 1952 г. приказом директора комбината Ильин назначается начальником физического отдела ЦЗЛ. В состав физического отдела входили 8 лабораторий, в том числе дозиметрическая. Сотрудники лаборатории внешней дозиметрии под руководством к.ф.-м.н. Ильина проводили измерения, изучение и анализ загрязнений радиоактивными веществами рек Теча, Исеть и близлежащих к комбинату озер: Кызыл-Таш, Карачай, Татыш, Старое Болото. Изучали загрязнение рыб, донных отложений, растительного покрова и почвы. Характерно, что в научно-исследовательских отчетах группы внешней дозиметрии, на основе цифровых фактов, зачастую давались конкретные предложения по созданию плотин, дамб, увеличению емкости прудов-отстойников, строительству очистительных сооружений — фильтров и др. [9].

В отчете от 28 декабря 1953 г. Ильин делает вывод: «...Считать необходимым переселение всех населенных пунктов, расположенных по берегам Теча, на расстояние не менее 10 км от реки» [10]. Как был прав ученый — печально подтвердит время и последующие события. Много внимания уделялось Ильиным состоянию

загрязненности радиоактивными продуктами территории города атомщиков Челябинска-40 (позже — Челябинск-65, ныне — Озерск). В отчетах он неоднократно отмечал, что необходимо разработать максимально допустимые нормы переработки активных продуктов в ЦЗЛ с таким расчетом, чтобы прекратилось загрязнение города в заметных количествах, построить спецканализацию и категорически запретить выливать радиоактивные продукты в городскую канализацию. Благодаря замерам и отражению материала в отчетах, требовательности Ильина на комбинате принимались соответствующие решения: автомашины, автобусы, полы в гаражах, площади и улицы города тщательно промывались и очищались, тем самым значительно снижался общий фон в городе [11].

Но самый значительный вклад Д. И. Ильина как руководителя и ученого связан с проведением измерений и анализом загрязненности радиоактивными продуктами территории, прилегающей к комбинату, особенно по реке Теча. С 1952 г. выходят ежеквартальные научные отчеты группы внешней дозиметрии об измерениях загрязненности по р. Теча и р. Исеть, в Кокшаровском и Метлинском прудах, озерах Иртыш, Кызыл-Таш, Татыш, Карачай и др. Благодаря этим отчетам, а также письмам и докладным запискам, направляемым Д. И. Ильиным руководству ПГУ и комбината, на предприятии регулярно стала проводиться работа, направленная на снижение радиоактивного загрязнения территорий: пустили в эксплуатацию Кокшаровский пруд, в котором оседали взвеси; в реку Теча перестали сбрасывать охлаждающие воды «банок» — хранилищ высокоактивных отходов радиохимического завода.

В 1952 г. и 1953 г. на комбинате и прилегающих территориях работали комиссии (бригады), состоящие из специалистов Института гигиены труда АМН СССР, Института биофизики АМН СССР и лабораторий ЦЗЛ.

В составе всех специальных комиссий работал и Д. И. Ильин. Обследования проводились во исполнение решения Совета Министров СССР от 17 июля 1952 г., на основании распоряжений ПГУ и указаний Министра Здравоохранения СССР Е. И. Смирнова. Эти мероприятия привели к тому, что не только в Минсредмаше и на комбинате, но и руководством Челябинской и Курганской областей стали издаваться распорядительные документы об оздоровлении условий жизни и мерах по улучшению санитарного состояния прибрежных населенных пунктов по рекам Теча и Исеть. Медлить было нельзя, иначе экологическая ка-

тастрофа могла привести к еще более серьезным последствиям.

На комбинате понимали: если невозможно полностью отказаться от радиоактивных сбросов, то необходимо вести активные исследования и работы по очистке сточных вод. В 1954 г. Ильин стал одним из инициаторов и организаторов специальной исследовательской лаборатории в ЦЗЛ.

Он помог вновь назначенному начальнику лаборатории Л. П. Сохиной на материале своих исследований правильно понять значимость проблемы очистки и захоронения отходов комбината. По его же инициативе возник плодотворный научно-исследовательский союз между ЦЗЛ комбината и знаменитой лабораторией «Б» Тимофеева-Ресовского, расположенной на территории санатория «Сунгуль» около г. Касли Челябинской области [12].

29 сентября 1957 г. на комбинате № 817 произошла серьезная авария — взрыв емкости-хранилища высокоактивных отходов на радиохимическом заводе. Взрыв разрушил емкость, что привело к выбросу радиоактивных отходов в атмосферу с последующим их рассеиванием и осаждением, главным образом, на промплощадке комбината, а также на территории близлежащих населенных пунктов Челябинской области, части Свердловской и Тюменской областей. Выброс радионуклидов за пределы промплощадки составил 2 млн. кюри. Впоследствии эта радиоактивность была разнесена ветром на значительную территорию, образовав Восточно-Уральский радиационный след (ВУРС).

Для обследования всех населенных пунктов, попавших на территорию ВУРСа, решением Минсредмаша от 29 октября 1957 г. была создана специальная комиссия в составе: начальника медсанотдела № 71 В. Т. Одинцова (председатель) и двух руководителей ЦЗЛ — начальника Г. А. Середы и зам. начальника по научной работе Д. И. Ильина. Фактически комиссия приступила к работе 10 октября 1957 г. т.е. еще до принятия решения о ее создании. Для выявления степени загрязненности территории, населения, продуктов питания и фуража была организована экспедиция на пяти автомашинах. Экспедиция приступила к работе 21 ноября 1957 г. Как отмечалось в справке, по состоянию на 02.01.1958 было обследовано 25 населенных пунктов [13]. В последующем эта цифра значительно увеличилась. Особенно большому загрязнению подверглись деревни в Челябинской области — Бердяниш, Сатлыково и Галикаево. Под руководством Д. И. Ильина работники лабораторий дозиметрии принимали активное участие в организации эва-

куации населения, дезактивации людей от радиоактивности в д. Бердяниш, определяли уровень загрязненности домашнего скота и имущества колхозников. Комиссия В.Т.Одинцова в период 1957–1958 гг. издала на основе обследований более тридцати постановлений, направленных на немедленное отселение жителей деревень Бердяниш, Галикаево, Сатлыково, Юго-Конево, Русская Караболка, Алабуга и др. на чистые территории. Предлагалось частичное уничтожение загрязненных продуктов питания, фуража, сена, рыбы, выловленной из р. Теча. Старались строго руководствоваться результатами замеров. Бывали случаи, когда члены комиссии не соглашались с решениями на уничтожение продуктов и фуража, вынесенные другими комиссиями, без достаточных на то оснований. [14] Тем не менее, люди все равно были обижены действиями властей, писали жалобы высшему руководству страны — Н.С.Хрущеву, К.Е.Ворошилову, Н.А.Булганину на неудовлетворительное хозяйственно-бытовое обустройство жителей переселяемых деревень. 15] В этой сложной обстановке членам комиссии приходилось организовывать и вести лично измерения, проводить дезактивацию жителей, доходчиво разъяснять сельчанам, почему нельзя пользоваться водой из р. Теча.

Кроме участия в работе комиссии В.Т.Одинцова, Д.И.Ильин продолжал самостоятельную научную работу, руководил коллективом. С ноября 1953 г. он работал в должности заместителя начальника ЦЗЛ по научной части, а с 17.06.1954 по 30.07.1955 гг. — исполнял обязанности начальника ЦЗЛ. Любопытный факт: когда главный инженер Главного управления Минсредмаша А.А.Задикян в 1954 г. собирался в командировку на комбинат, то записал в план предстоящих работ: «Проверить состояние внешней дозиметрии, кто назначен в связи с назначением тов. Ильина начальником ЦЗЛ./т. Ильи-

на желательны вернуть/» [16].

Богатейший материал, собранный и описанный в более пятидесяти научных отчетах, позволил Д.И.Ильину в 1957 г. подготовить к защите в Радиовом институте АН СССР (Ленинград) докторскую диссертацию на тему «Миграция радиоактивных веществ из открытых водоемов» — замечательный научный труд, который и сегодня имеет большое практическое значение для радиозкологов.

В последний год своей жизни крупный ученый и организатор Д.И.Ильин добивался создания на предприятии службы внешней дозиметрии, чтобы расширить и без того значительный круг радиозкологических исследований, результаты которых позволили бы существенно снизить влияние отходов производственной деятельности комбината на окружающую среду и повседневную жизнь людей, до сих пор проживающих по берегам реки Теча. Такая служба была создана в 1958 году, но, к сожалению, Д.И.Ильину в ней не пришлось работать.

4 ноября 1958 г., вследствие тяжелой болезни, заместитель начальника ЦЗЛ по научной части комбината № 817 Д.И.Ильин скончался.

За выдающиеся заслуги в области радиозкологии указом Верховного Совета СССР от 8 декабря 1951 г. Дмитрий Ильич Ильин был награжден высокой правительственной наградой — орденом Трудового Красного Знамени. Имел поощрения от Правительства СССР, руководства Минстермаша и предприятия [17].

Д.И.Ильин заложил основы по измерению и оценке загрязненности радиоактивными промышленными отходами обширных территорий и водоемов. Его ученики и последователи создали школу отечественной радиозкологии, которая по праву пользуется и сегодня авторитетом и уважением во всем научном мире.

1. Сохина Л. П. Радиоактивные отходы — проблемы и решения (страницы истории). Озерск, ПО «Маяк», 2001. С. 4.
2. Архив ПО «Маяк». Ф.1. Оп.1. Д.53. Л. 14.
3. Архив ПО «Маяк». Ф.1. Оп.1. Д.53. Л. 38.
4. Сохина Л. П. Радиоактивные отходы — проблемы и решения (страницы истории). Озерск, ПО «Маяк», 2001. С. 11.
5. Архив ПО «Маяк». Ф.1. Оп.1. Д. 119.
6. Сохина Л. П. Радиоактивные отходы — проблемы и решения (страницы истории). Озерск, ПО «Маяк», 2001. С. 8.
7. Архив ПО «Маяк». Ф.1. Оп.8нт. Д. 226.
8. Там же. Д. 227.
9. Там же. Д. 412., Д. 418., Д. 407.
10. Там же. Д. 597. Л.71.
11. Там же. Д. 413., Д. 414.
12. Сохина Л. П. Радиоактивные отходы — проблемы и решения (страницы истории). Озерск, ПО «Маяк», 2001. С. 18–19.
13. Архив ПО «Маяк». Ф.1. Оп.8нт. Д. 157. Л. 103–106.
14. Там же. Ф.1. Оп.1. Д. 824. Л. 86.
15. Там же. Л. 120–121.; Оп.8. Д. 157. Л. 207–210.
16. Там же. Ф.1. Оп.1. Д. 430. Л. 306.
17. Личное дело Д.И.Ильина. Ф.1. Оп.1ЛД. Д. 10295.

СОЗДАНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ПО ПРОИЗВОДСТВУ ГИРОСКОПОВ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

С. В. КРАСНОСЛОБОДЦЕВА

Успехи в создании баллистических ракет Р-7 С. П. Королева и постановка их на боевое дежурство, успешное испытание ракеты Р-12 А. П. Янгеля вызвали необходимость в развертывании крупномасштабного производства гироскопов, отвечающих за навигацию ракет. С этой целью 2 июня 1958 г. и 18 марта 1959 г. вышли постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР. Ими предусматривалось строительство на Урале трех мощных предприятий по выпуску гироскопов: № 125 в Перми, № 127 в Свердловске и № 129 в Миассе.

Однако установленные правительством сроки были нарушены, что поставило под угрозу серийное производство боевых ракет. Причины нарушения графика работ и меры по их устранению были определены постановлением Совета министров СССР от 11 июня 1959 г. Этим постановлением Челябинскому совнархозу были определены новые сроки ввода в эксплуатацию основных сооружений филиала № 2 НИИ-944 в районе города Миасса: корпусов механических цехов во втором и четвертом кварталах 1960 г.; сборочно-регулирующих цехов в четвертом квартале 1961 г.; административно-инженерного корпуса во втором квартале 1961 г.; корпуса заготовительных и вспомогательных цехов во втором квартале 1961 г.; лабораторно-исследовательского корпуса – первый квартал 1961 г. Ответственность за подготовку проектной документации возлагалась на Государственный Комитет Совета министров СССР по судостроению.

Правительство возложило на председателя Челябинского совнархоза М. С. Соломенцева личную ответственность за выполнение сроков возведения завода по выпуску гироскопов в Миассе. В его обязанности входило: систематический контроль за работой проектных и строительных организаций, оказание оперативной помощи в их работе, налаживание эффективного взаимодействия между организациями различных ведомств, участвовавших в строительстве Миасского завода.

Основная нагрузка и ответственность за выполнение особо важного правительствен-

ного задания возлагалась на управляющего строительным трестом п/я № 101 В. Г. Коробовского. Он должен был в течение месяца разработать план мероприятий, обеспечивающих ритмичное сооружение объектов завода № 129. На стройку были направлены сверхмощные тракторы, автомобильные прицепы, скреперы, башенные краны и большое количество станков и оборудования.

В кооперации заводом № 129 должен был развивать производство бортового электрооборудования завод «Миассэлектроаппарат». Для этого на предприятии строился производственный корпус площадью 12 000 кв. м, а также экспериментальный цех. Для коллектива предприятия освоение производства комплектующих для гироскопов означало выход на принципиально иной уровень технологий и культуры производства. Выпускаемые в течение многих предыдущих лет электроприборы для различных узлов танков не требовали высокой точности в изготовлении каждой детали и условий, абсолютно исключающих попадание взвешенных частиц, находящихся в воздухе, на поверхность изделий.

Для повышения технического уровня производства технологические отделы и аппарат отдела технического контроля были усилены самыми квалифицированными кадрами, прошедшими специальную переподготовку на головных предприятиях отрасли. С этой же целью были расширены мощности инструментальных цехов и созданы два опытных цеха по отработке конструкции изделий для гироскопов.

Сложная и трудоемкая работа по освоению новых изделий сразу же выявила слабые звенья производственного процесса. Коллектив предприятия не смог обеспечить выпуска изделий по всей номенклатуре. К концу 1960 г. из 38 наименований потенциометров производилось только 13. Главной причиной этого был недостаток опыта работы над таким типом изделий, а направленные на родственные предприятия специалисты длительное время не могли перенести отработанную технологию в цеха и на участки своего предприятия. Челябинский совнархоз в своем

распоряжении от 15 ноября 1960 г. главным виновников в срыве номенклатурного плана назвал директора завода И. В. Филина и главного инженера Я. И. Хаскина. Директор завода был вызван в Челябинск на заседание президиума совнархоза, где дал обещание до конца года исправить допущенные недостатки в работе.

Однако совнархоз не вполне доверял руководителю предприятия. Начальнику управления приборостроения и инструментальной промышленности А. П. Савину было приказано установить ежедневный контроль за работой «Миассэлектроаппарата» и в случае необходимости оказывать оперативную и эффективную помощь в решении возникавших по ходу дела проблем. Все начальники управлений и отделов Челябинского совнархоза получили персональные задания по оказанию помощи находящемуся в прорыве заводу.

Несмотря на большую помощь, завод продолжал работать неудовлетворительно. Из 42 наименований изделий полностью выпускалось только 8,5 % месячного плана в третьей, последней декаде. Заверения директора завода остались невыполненными. Специальная комиссия совнархоза на месте изучила причины создавшегося положения. Принципиальной ошибкой руководства завода она посчитала недооценку роли и места экспериментального цеха в освоении новых изделий. Кроме того, технические службы завода работали разобщенно, возникавшие вопросы решали неоперативно, допускали грубые ошибки в создаваемой ими технической документации. Отсутствие грамотного технического руководства и эффективного контроля за работой подразделений завода, неоперативность в устранении выявляемых дефектов приводили к срыву сроков изготовления новых изделий, к большим непроизводительным затратам и даже к приостановке выпуска серийной продукции.

Комиссия проанализировала эффективность различных видов помощи предприятию. Ежемесячно на завод выезжали группы работников совнархоза, которые должны были оказывать практическую помощь работе коллектива. Крупнейшие специалисты в цехах завода пытались поднять уровень их работы до предъявляемых требований. Но вследствие безответственности инженерно-технического состава советы и предложения этих специалистов игнорировались, и с их отъездом работа цехов возвращалась на прежний

недопустимо низкий уровень.

Недостатки были и в работе специалистов. Зачастую они ограничивались решением текущих вопросов и не обращали должного внимания работе на перспективу: организации планирования, внедрение хозяйственного расчета, повышение квалификации работников технических служб и т. д. Совнархоз убедил госкомитет назначить главным инженером завода П. А. Шуплецова, а в конце 1961 г. был назначен новый директор завода.

С приходом новых руководителей больше внимания стало уделяться проведению исследовательских работ, в ходе которых выявлялись причины неудовлетворительных результатов контрольных испытаний, анализ поступавших рекламаций и т. д. В 1963 г. было проведено более 200 больших и малых исследований. Однако, как правило, они велись бессистемно, разными специалистами, результаты исследований не систематизировались и поэтому эффективно не использовались. Старший военный представитель на предприятии, инженер-подполковник Благовещенский, в течение 1962–1964 г. только начальнику управления электротехнической и приборостроительной промышленности Южно-Уральского совнархоза направил 11 писем, в которых вскрыл причины многолетней неудовлетворительной работы предприятия и предложил более 20 мер, направленных на устранение узких мест производства.

В письме от 4 декабря 1964 г. военпред подчеркивал, что выходом из хронического отставания завода могла стать организация производства по замкнутому циклу, введение автоматики на всех участках производства, поднятие зарплаты работникам сборочного цеха, улучшение входного контроля комплектующих деталей.

Таким образом, освоение производства гироскопов на Южном Урале сдерживалось крупными недостатками в работе завода «Миассэлектроаппарат». Главной причиной этого был «догоняющий» режим работы коллектива, руководство которого не могло обеспечить соответствия уровня производства техническим требованиям изделий военно-технической революции. Потребовалось несколько лет, чтобы сменить руководство завода и ликвидировать хроническое отставание предприятия от лидеров военной научно-технической революции военно-промышленного комплекса.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

СИМПОЗИУМ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

В Челябинском государственном педагогическом университете (ЧГПУ) 14 июня 2007 года прошел Первый Уральский симпозиум исследователей интеллигенции. Организовал симпозиум профессор Сергей Загребин, доктор исторических наук, зав. кафедрой культурологии ЧГПУ, заведующий отделом культуры журнала «Социум и власть». Финансовую поддержку научному форуму оказало Министерство культуры Челябинской области и ректорат ЧГПУ. Участники симпозиума обсудили новые информационно-культурные реалии, отметили значимость российской интеллигенции как особого самобытного культурно-исторического феномена, призванного аккумулировать и нести духовную и интеллектуальную культуру. Наиболее интересные доклады будут опубликованы на страницах журнала «Социум и власть».

50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РАДИАЦИОННОЙ АВАРИИ НА ПО «МАЯК» ПОСВЯЩАЕТСЯ...

25-26 сентября 2007 года в городе Челябинске прошла научно-практическая конференция «Опыт преодоления последствий техногенных аварий и развитие атомных технологий. К 50-летию со дня радиационной аварии на ПО «Маяк»».

Конференция проводилась в рамках областной целевой программы «Преодоление последствий радиационных аварий на производственном объединении «Маяк» на 2006-2010 годы». Организаторы конференции – Челябинский институт (филиал) Уральской академии государственной службы, который выиграл открытый конкурс на подготовку и проведение этого научного форума, и Министерство по радиационной и экологической безопасности Челябинской области.

В конференции приняли участие организации, которые занимаются вопросами экологической и радиационной безопасности: Министерство по радиационной и экологической безопасности Челябинской области, Институт проблем безопасного развития атомной энергетики РАН, Управление по радиационной реабилитации Уральского региона МЧС России, Федеральное агентство по атомной энергии, Уральский научно-практический Центр радиационной медицины, ГНЦ – Институт биофизики, а также главы и представители городских и сельских муниципальных образований Челябинской области, общественные организации, ученые, социологи, известные журналисты, медики из разных городов РФ и зарубежные участники из ФРГ, Швеции, Украины, Казахстана.

Участники конференции обсудили такие проблемы преодоления последствий техногенных аварий и развития атомного промышленного энергетического комплекса как:

- опыт реабилитации территорий, подвергшихся радиационному воздействию и перспективы развития атомной промышленности в Уральском регионе;
- охрана здоровья и социальная защита населения, подвергшегося радиационному воздействию;
- взаимодействие государственных и общественных организаций в решении проблем радиационной экологии.

Авторы номера

БАЙКЕЛЬ В., доктор, Марбург, ФРГ.

БУРМЕЙСТЕР А. Н., профессор, Франция.

ВОРОПАНОВ В. А., доцент кафедры государственного и муниципального управления Челябинского института (филиала) Уральской академии государственной службы, кандидат исторических наук.

ДОКТОРОВИЧ А. Б., доктор экономических наук, профессор Российской академии государственной службы при Президенте РФ, г. Москва.

ЖАРКОВ О. Ю., руководитель группы фондов научно-технической документации ФГУП «Маяк», г. Озерск, Челябинской области.

ЗЫРЯНОВ С. Г., директор Челябинского института (филиала) Уральской академии государственной службы, кандидат философских наук, доцент.

ИВАНОВ А. Г., кандидат философских наук, доцент Тюменского государственного университета.

КВАКИН А. В., доктор исторических наук, профессор кафедры истории российского государства МГУ им. М. В. Ломоносова.

КЛЮЕВ Ф. Н., ректор Челябинского института развития профессионального образования, кандидат педагогических наук.

КРАСНОСЛОБОДЦЕВА С. В., старший преподаватель кафедры гуманитарных и социальных дисциплин Челябинского института (филиала) Уральской академии государственной службы.

КУЗНЕЦОВ Д. В., доцент кафедры всемирной истории Благовещенского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук.

ОХРЕМЧУК С. И., доцент кафедры тактики Челябинского высшего военного командного училища, кандидат педагогических наук, доцент.

НОВОСЕЛОВ В. Н., доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой гуманитарных и социальных дисциплин ЧИ УрАГС.

ПАВЛОВ А. В., доктор философских наук, профессор Тюменского государственного университета.

РЫЛЬСКАЯ Е. А., заведующая кафедрой психологии Челябинского государственного педагогического университета, кандидат психологических наук, доцент.

САБАНЦЕВ А. Н., сотрудник Национального архива Республики Карелия, Председатель правления Карельского республиканского отделения РОИА, кандидат исторических наук, г. Петрозаводск.

СОЛОВЬЕВА С. В., доцент Самарского государственного университета, кандидат философских наук.

УФИМЦЕВ А. В., аспирант кафедры мировой и российской политики МГУ им. Ломоносова.

ШИШКИНА Л. И., профессор Северо-Западной академии государственной службы, кандидат филологических наук, г. Санкт-Петербург.

Обучение по программам высшего профессионального образования по специальностям:

- Государственное и муниципальное управление (квалификация менеджер, форма обучения очная и заочная)
- Менеджмент организации (квалификация менеджер, форма обучения очная и заочная)
- Юриспруденция (квалификация юрист, форма обучения очная и заочная)
- Финансы и кредит (квалификация экономист, форма обучения заочная)
- Бухгалтерский учет, анализ и аудит (квалификация экономист, форма обучения заочная)
- Национальная экономика (квалификация экономист, форма обучения заочная)

Высшие административные курсы:

- Профессиональная переподготовка и повышение квалификации государственных и муниципальных служащих

Курсы повышения квалификации специалистов управления и экономики:

- Переподготовка и повышение квалификации руководителей и специалистов предприятий всех форм собственности по направлениям:
- Менеджмент организации
- Управление персоналом
- Финансовый менеджмент
- Маркетинг, маркетинговые исследования
- Подготовка и повышение квалификации профессиональных бухгалтеров
- Корпоративное обучение
- Консалтинговые проекты по вопросам развития организации

Бизнес-образование:

- Стратегии и общее управление
- Финансы и инвестиции
- Управление персоналом и организационное поведение
- Подготовка управленческих команд

Адрес: 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26
Челябинский институт (филиал) ФГОУ ВПО «Уральская академия государственной службы»
Телефоны: приемная комиссия (351) 771-21-10; факультет экономики и права (351) 771-35-11, факультет управления (351) 771-35-66
E-mail: in@urags-chel.ru www.urags-chel.ru
Приемная директора: (351) 771-35-00